«ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО»

Н. КУСАКОВ

Quo vadis, domine?

2-ой Ватиканский Собор и Русская Православная Мысль

Нью Иорк
1966

Все выпуски издания Православного Слова

выходят при благосклонном участии и поддержке

князя Сергея Сергеевича Белосельского

«ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО»

Н. КУСАКОВ

Quo vadis, domine?

2-ой Ватиканский Собор и Русская Православная Мысль

Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер. В России влияние духовенства столь же благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою папу, составляет особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем, как между человеком и Божеством.

А. С. Пушкин

Нью Йорк
1966

ВСТУПЛЕНИЕ

Не было, пожалуй, такого поколения, в котором люди, так или иначе являющиеся представителями русской общественной мысли, не высказывали бы некоторых своих суждений относительно Римского Католицизма. Нашему поколению такое высказывание оказывается вмененным в долг, в силу особенного повышения активности Ватикана в отношении нашей Родины, происходящего в обстановке чрезвычайных событий атеистической и богоборческой революции, возникновения Интернационала Организации Объединенных Наций и повсеместного распространения лаицизма, агностицизма и неверия.

Поездка кардинала д"Эрбиньи в Москву в 1925 г., деятельность так называемого „Руссикума" и „Восточного обряда" в Ватикане, обращения римских пап к русскому народу (в частности послание папы Пия XII-го, 7 июля 1952 г.), наконец, откровенные заявления о намерении Ватикана подчинить себе Русскую Православную Христову Церковь, — достаточно ясно говорят за себя, чтобы объяснить и оправдать движение ума, подтолкнувшее нас взяться за перо. Мало того, что начавшийся в 1962 г. 2-ой Ватиканский Собор объявлен, как Собор

Воссоединения всех христианских церквей, русская православная мысль должна ответить себе только на решения этого Собора и на возможные с его стороны последующие акции. Мы имеем дело с заявлениями и более откровенными, как например заявление римского папы Иоанна XXIII-го. Оно совершенно недвусмысленно говорит о посягательстве на овладение русской духовной жизнью, на овладение духовной жизнью каждого из нас. Преемник папы Иоанна XXIII-го, кардинал Монтини, ставший папой Павлом 6-м, неоднакратно заявлял себя верным последователем своего предшественника и верность эту он доказал рядом своих дел. Это значит, что названное посягательство на нашу веру попрежнему Ватиканом намечено к реализации, а сама реализация для латинства кажется облегченной духовным голодом, вызванным большевицким атеизмом и дезориентированностью русского народа в вопросах веры.

Из Ватикана сообщали (17 августа 1963 г.) о заявлении личного секретаря папы Иоанна XXIII-го, Лориса Каповилья, который говорил о дневниках почившего папы и приводил запись датированную 26 декабря 1962 г. Там сказано:

„Прошлой ночью, после длительного и сосредоточенного раздумья, вызванного чтением предисловия к одной русской грамматике, я посвятил Всевышнему все свое существо для совершения великого дела: обращения всей России в католическую церковь".

Достаточно коротко и совершенно ясно.

Ватиканский Собор единства продолжается под руководством папы Павла VI-го и, хотя даже после

третьей сессии он еще не закончился, некоторые уже вынесенные соборные постановления и наметившиеся общие контуры дают нам право видеть, какие формы единства и единения с Православным Востоком вообще и православной Россией в частности имеет в виду Ватикан и сколь они неприемлемы.

Видя позицию, взятую Ватиканом в его понимании воссоединения церкви, мы испытываем чувство обязанности высказать по этому поводу позицию русской православной мысли, заявив папам:

— Оставьте нас в покое.

Лет пятнадцать тому назад в разговоре с одним из друзей пришлось коснуться вопроса о разнице между латинским, римско-католическим, и православным исповеданием Христианской веры. Мой друг, верующий католик, голосом, готовым к обиде, настороженно спросил:

— Вы считаете, что мы хуже вас?

— Нет, — отвечал я. — Вы не хуже нас, но мы от вас очень отличаемся и ваши папы считают нас худыми.

В самом деле, если бы папы не считали нас худыми, какая была бы надобность обращать нас в католическую церковь? А папы именно этого хотят. Впрочем, сводить счеты или полемизировать в нашу задачу не входит. Мысль о воссоединении единства, нарушенного в конце 1-го тысячелетия, истинно близка нашему сердцу и мы не чужды чаяния того, чтобы было изжито недоразумение, по-

ведшее к акту, который совершили папские легаты в 1054 году в Константинополе, прочертив непреодолимую преграду между Востоком и Западом.

Здесь уместно привести выдержки из статьи о. прот. Игоря Троянова, бывшего наблюдателем-делегатом Русской Православной Зарубежной Церкви на Втором Ватиканском Соборе. Он пишет: (См. газету „Наша страна", №787. Буэнос-Айрес, 1965).

11-го сентября 1962 г. Ватикан официально обратился к митрополиту Анастасию, тогда Первоиерарху Русской Православной Церкви за границей, с предложением прислать своих наблюдателей-делегатов на открываемый им Второй Ватиканский Собор.

Мы не отрицаем ни исторических, ни современных затруднений в наших взаимоотношениях с католическим миром и все же ставим путь преображения мира в Православии выше всего временного и преходящего. Духовное достоинство Православия должно всегда в нашем сознании стоять над всем низменным житейским. Мы никогда не должны забывать, что это нами, примером наших чувств, мыслей, слов и поступков, является миру это достоинство, если только оно есть в нас самих. Это достоинство так велико, что нам не надо для его защиты прибегать к средствам нас духовно унижающим — к раздражению, ненависти и подозрительности, — явлениям внутренней неуверенности в себе.

Чтобы точно определить самих себя перед католическим миром, в своем открытом выступлении

на приеме у кардинала Бэа на 1-ой сессии мною было сказано следующее:

„Мы, **православные,** твердо стоим на фундаменте нашего исповедания, как стояли и будем стоять. Никакого разговора о смешении Церквей для нас быть не может. Мы только хотим сближения во взаимном внимании и понимании. И, если когда-нибудь мы придем к общему пониманию Церкви, то в нем найдем и единство, столь угодное нашему Творцу".

К сожалению, — пишет далее о. прот. И. Троянов, — вся структура католического богословия,... такова, что неспособна осознать наше понимание Церкви. Но зато на Соборе мы нашли многих вместе с нами ее понимающих и делающих с нами одинаковые выводы.

Искренне желая соединения Церкви, мы не разделяем настроения, стремящегося к объединению во что бы то ни стало, настроения готовности, как говорят, в интересах важности задачи, „закрывать глаза на то, что нас разъединяет, ставя в центр внимания то, что нас объединяет". Как много было бы вещей, нас объединяющих, в такого рода арифметике правильный ответ найден быть не может. Решение вопроса лежит глубже.

Речь идет об Истине. Закрывать глаза на что бы то ни было значит терять путь, сбиваться с пути, ведущего в жизнь.

„Аз есмь путь и истина и живот", — сказал Господь Иисус Христос (Ин. 14:6). Если бы кто стал толковать о деле Христовом, а сам в это вре-

мя был бы чужд любви, чужд духа Христова, чужд понимания того, что желанное соединение может совершиться только во Христе, тот оказался бы „кимвалом бряцающим" (1 Кор. 13:1), ибо „познание Господа нашего Иисуса Христа" (2 Петр. 1:5-9) совершается через стяжение в вере добродетелей, разума, воздержания, терпения, благочестия, братолюбия и, наконец, любви.

Итак собеседование о возможности единения с латинским миром потребует труда рассмотрения всей проблемы во всей ее широте с приложением углубленного, напряженного и беспристрастного внимания.

Уже была закончена работа над рукописью этой книги, уже были приняты во внимание замечания некоторых авторитетных специалистов а так же и читателей, потрудившихся над чтением рукописи для отыскания погрешностей, способных проскользнуть даже и при остром внимании автора, когда неожиданно нам указали на то, что наша заглавие может ввести читателя в заблуждение. На эту печальную возможность нам указали, несмотря на то, что уже на стр. 20-й текста книги появляются строки, дающие нужное разъяснение, ибо, — было нам подсказано, — современный читатель живет в крайне нервной обстановке, зачастую не дающей ему возможности сосредоточиться, чтобы, после первого впечатления, вдруг перестроить способ

восприятия темы, за ознакомление с которой он взялся.

Во внимание к этому совету, оказывается нелишним предпослать книге следующее краткое замечание.

Фраза **"Quo vadis, Domine?"** имеет всемирную известность, как слова, по преданию, произнесенные св. Апостолом Петром в тот страшный момент, когда он уходил из Рима, намереваясь уклониться от Неронова гонения, и когда ему на пути явился Господь Иисус Христос. Упав ниц перед Спасителем, св. Апостол воскликнул: **"Quo vadis, Domine?"**

По-славянски это звучит: „Камо грядеши, Господи!" — слова крепко вошедшие в память многих, благодаря знаменитому повествованию польского писателя Г. Сенкевича. По-русски названные слова звучали бы: „Куда ты идешь, Господине?"

Привычка воспринимать эту фразу в таком именно смысле настолько велика, что многими оказалось забыто, что она может быть произнесена просто при встрече двух людей. Может она быть произнесена также и в том случае, когда кто-то возьмет неверный путь, а другой пожелает окликнуть его, чтобы во-время предотвратить его от уклонения на путь бедствия. В этом последнем случае слово „домине" не имеет причины к тому, чтобы его писать с заглавной буквы, как это необходимо тогда, когда имеется в виду обращение ко Христу Спасителю.

Св. Тихон Задонский и всея России чудотворец нас поучает:

„Когда видишь брата твоего, идущего в ров погибели, и погибели вечныя, закричи, закричи вслед его: брате, не туда идешь!... Удержи его, возлюбленный, удержи пока еще не поздно...", (см. собр. соч. т. IV, стр. 88).

Движимые чувством, которое нам подсказал св. Тихон, мы и обращаемся к Латинскому миру, ставшему на путь недвусмысленного уклонения от истины Христовой; обращаемся и ко всякому из наших друзей, к какой бы вере он ни принадлежал, ко всякому, кто мог бы обмануться красноречивыми заявлениями Ватикана, ибо Ватикан явно стал на путь человекопоклонства, на путь, следуя которому он окончательно уведет своих пасомых от истинной духовной жизни, ведущей в жизнь вечную, от жизни служения Христу Спасителю, Богу всяческих, Которому да будет слава во веки. Ужасен путь, на который стал Ватикан, путь, на который он влечет за собою весь латинский мир.

"Quo vadis, domine?" — взывает русское православное сердце, обращаясь к латинскому миру, сердце, надеявшееся во время начала 2-го Ватиканского Собора на то, что он мог бы оказаться способен наметить пути воссоединения св. Церкви во Христе.

„Камо грядеши, господине!

„Брате, не туда идешь!

"Quo vadis, domine?!"

Если бы мы в этом случае применили заглавную, прописную, букву, то читатель с самаго начала оказался бы ориентирован на понимание, слов-

но бы наши слова обращены ко Христу Спасителю, т. е. читатель оказался бы направлен на неверный путь понимания нашей книги. Поэтому, при всем уважении нашем к Латинскому миру, мы и не выделяем слово "domine" заглавной буквой. Предварив, таким образом, недоумение, быть может действительно способное возникнуть у некоторых читателей, переходим к нашему изложению.

1. — РИМ И ВОСТОК

Наше внимание прежде всего обращается к обстоятельству, мало известному в православной среде, к вопросу о том, как же Рим относится к нам? Окажется, что наши представления об отношении латинян к нам, совершенно не отвечают действительности. Многим из нашей среды будет удивительно узнать, что управляемые Ватиканом христиане самую причину трагических событий разделения Церкви в 1054 г. понимают совершенно иначе, чем ее понимаем мы.

Не входя в остальные подробности, заметим, что главным пунктом разрыва, поскольку это известно на Востоке, было то, что **латинский мир изобрел принцип папства.** О принятии или непринятии этого принципа и шла речь. За отказ принять его и признать власть римского папы, папские легаты и изрекли анафему на всю иерархию православного Востока. Латинский мир понимает это совершенно иначе.

Автору этого текста в 1947 году случилось иметь беседу по этому вопросу с заслуженным прелатом Гартингом в канцелярии Мюнхенского Архиепископского Управления (Erzbishofliches Ordinariat). Почтенный патер объяснил причину раско-

ла XI-го века следующей короткой, незабываемой фразой:

— Es ist ja furchtbar einfach: Photius wollte selbst Papst werden!

(Ах! Да ведь все очень просто: Фотий сам хотел стать папой!)

То есть, для римско-католического священника, и притом не из числа захолустных деревенских пастырей-простецов, проблема лежала не в том, — верен и отвечает ли истине принцип папизма, — но в том: кому быть папой? Римскому патриарху или же Византийскому? Им кажется, что вопрос о папстве вообще никогда, ни у кого не вызвал никакого сомнения и для большинства латинян звучит удивительной новостью сообщение о том, что Константинопольский патриарх в православном мире не занимает того положения единого и всеобщего главы,какое занимает в мире латинском римский папа.

Отсюда в римско-католической среде бытует совершенно иной взгляд на „Восток", чем то, что думает большинство православных. На протяжении девятисот лет мы в глазах Рима являемся презренными схизматиками, т. е. раскольниками, пренебрегшими властью законного папы и ушедшими к незаконному папе — византийскому. Лишь очень недавно, уже при папе Иоанне XXIII-м латинскому духовенству было указано именовать нас не схизматиками, но „отделенными братьями".

У нас мало кто дает себе отчет в том, почему латинская церковь именует себя „католической",

как многие из нашей среды недоумевают, узнав, что Церковь, к которой мы имеем честь и милость Божью принадлежать, тоже называется „кафолической". Слово это обозначает „вселенскую" Церковь, церковь „соборную", т. е. собирающую в себя все, всеобъемлющую Церковь. Мы исповедуем, что кафоличность, т. е. соборность Церкви обозначает понятие о „полноте Наполняющего всё во всём" (Ефес. 1:23). Эта полнота Церкви, её свойство быть всеобъемлющею, не определяется ни местом, ни временем, ни народом, но — по определению Православного Катихизиса — „заключает в себе истинно верующих всех мест и времен и народов", осеняемых всеобъемлющим действием Божественной благодати.

Судя по действиям римских пап, их понимание „кафоличности" теснейшим образом и прежде всего сливается с представлением физической вселенскости, распространенности на весь мир, а в связи с этим - - со всемирной властью римского папы. Папы уже сейчас считают весь мир, и в том числе нашу Церковь, своею вотчиной, в которой они имеют право и долг поучать, наставлять, требовать отчета и чинить свой суд и расправу. Получи они только физическую к этому возможность...

Еще в то время, когда читался гимназический курс всеобщей истории, было у нас известно, что римские папы лелеют мечту „возвратить заблудшую дщерь в лоно матери", т. е. проще говоря, — мечту покатоличить всю Россию. Но мало кому известно у нас, что римские папы всегда смотрели на нас, как на своих пасомых и считали себя в пра-

ве распоряжаться в Православной Церкви, как у себя дома. Взгляд этот, разумеется, особенно утвердился в латинских представлениях после злосчастного Флорентийского собора (1438-39 г.) и никакие события последующего времени не смогли внести более уравновешенного взгляда в представления римских пап.

Совершенно не считаясь с тем, что русский народ не его паства, римский папа Пий XII-ый решил посвятить русский народ сердцу Пресвятой Девы, не подумав даже о том, что и самый культ сердца Божией Матери абсолютно чужд русскому православному сознанию. Папа знает, что русский человек не поверит ему в том, будто Рим имеет церковную власть над Россией. Он пишет: „Верховный Пастырь заключает в своем сердце и признает своими словесными овцами, наравне с католиками, так же и тех христиан, которые не по своей вине оторваны от единого стада верующих". Но говоря так, папа тщательно собирает все данные, способные представляться доказательствами папской власти над Россией, **дипломатично умалчивая обо всем, что делает эти доказательства сомнительными и безосновательными.** (См. „Апостольское послание к народам России" папы Пия XII-го, 7 июля 1952 г.).

В частности, папа Пий упомянул о Флорентийской унии, но об унии Брестской предпочел умолчать. Уж очень много православной крови пролили ясновельможные паны, подчиняя Риму православных людей русского Запада в силу Брестской унии. Мы эту кровь помним.

Когда большевицкая революция низвергла

Русскую Православную Империю, перед Ватиканом открылась блестящая перспектива вдохновенных надежд: эфемерную власть римских пап над Россией надо было превратить во власть фактическую. Ватикан вступает в переговоры с антихристианским правительством большевиков и вот папский представитель прибывает в Москву. У епископа М. д'Эрбиньи есть время, чтобы познакомиться с Москвою, и вот он, с Воробьевых гор взирая на сердце России, на древнюю столицу, тогда еще не поруганную и не изуродованную большевицким разрушительным строительством, пытается вчитаться в надпись, временем и роком начертанную над этим городом, в „надпись для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта". Он вслушивался в язык Москвы, доносившийся до Воробьевых гор, „язык сильный, звучный, святой, молитвенный" (Лермонтов). Он вглядывался в даль, сквозь дымку стлавшуюся над вечереющей Москвою и мечтал об „Азии, приведенной к церкви, ко Христу, скоро, через век или два, Москвою, в соединении с Римом...". Это было 17-го октября 1925 года.

Напрасным, однако, было вдохновение еп. Михаила д'Эрбиньи. Договор с большевиками не получился. Ватикан обращается к иным мерам овладения Россией и в Риме идет усиленная работа. Культивируется „Восточный обряд", обращается все большее внимание на воспитание католического духовенства для России в „Руссикуме", для того, чтобы возможные события освобождения России от большевизма не застали Ватикан врасплох, без

кадров для немедленного овладения духовной жизнью русского народа. Наше издание есть предупреждение православному сердцу и мера защиты от католической опасности.

Нет. Не о воссоединении Церкви во Христе мыслит Ватикан. Вооружившись историческим терпением, способным не иссякнуть в веках, Ватикан ждет своего часа, когда он подчинит весь Православный Восток власти римского папы.

2. — ВОСТОК И РИМ

Православная Церковь никогда не претендовала на власть над Римом. Эта претензия могла бы исходить от Византии, если бы Константинопольский патриарх считал себя главою всех Православных Церквей. Но ни патр. Фотий, ни какой либо другой из патриархов в последующие времена, на папство не претендовал, т. к. православие считает ложным, т. е. безосновательным, самый принцип папизма и в латинском догмате о римском первосвященнике видит не что иное, как ересь, противоречащую истине, исповедуемой Святой Соборной и Апостольской Церковью.

Константинопольский патриарх именуется Вселенским в силу древнего титула, присвоенного ему еще во времена существования Римской Империи, но вселенской власти за ним никто не усматривал, да и он сам на нее никогда не претендовал. В наши дни Константинопольский патриарх окормляет (является кормчим) греческие епархии и приходы, рассеянные по всей вселенной, т. е. находящиеся вне Греции.

Римский католицизм возник из того, что одна из поместных Церквей Единой Святой Соборной

и Апостольской Церкви, в Которую мы веруем (9-ый член Символа веры), проявила своеволие и, иерархи которой, не пожелав считаться с соборным (кафолическим) началом, вообразили эту поместную Церковь главенствующей. Не видя в этом своем рассуждении согласия остальных членов Единой Кафолической Церкви, Римская Церковь отделила себя от единства. Ушла, оскорбив остальных собратий своих, причем сделала вид, будто бы не она отделилась от единства, но все остальные сочлены отделились от него, и без основания сохранила за собою наименование Церкви Соборной, т. е. „католической".

Начав самостоятельно решать все возникавшие перед нею вопросы, Римская Церковь не питала себя живоносной кровью братского общения и так, как она отказалась соучаствовать в принятии единого общего опыта, **она стала на путь удаления от Истины.** Удалению от Истины способствовали и другие факторы, как например отказ от единого языка (греческого), чрезмерная самоуверенность в пользовании латинским языком, разобщенность по расстоянию и т. п.

Удаление это, начавшееся во 2-ой половине 1-го тысячелетия, происходит с тех пор в известной прогрессии. В начале это удаление было совершенно незамечено. В самом деле, если из одного центра отвести две радиальных линии, то, при малом градусе расхождение, сначала совершенно незаметно, но по мере увеличения длины радиальных линий в свое время приводит к очень большому расстоянию, быть может даже и вообще не-

преодолимому,... если не вернуться к центру, откуда началось самое расхождение.

В наше время удаление латинского мира оказалось настолько заметно, столько тенденций, противоречащих истине, исповедуемой Церковью исконно, стало проникать в религиозное сознание римско-католического ума и всего латинского мира, что изумленно глядя на происходящее, православный человек, постоянно пестующий надежду на возможность воссоединения латинского мира в Истине Христовой, невольно обращается к этому миру с древним вопросом:

— Quo vadis, domine?

— Куда ты идешь, господине?...

Едва ли есть надобность напоминать древнее предание, из которого берет начало это вопросительное восклицание. Теперь, когда наше изложение привело к выяснению, хотя и вкратце, православного взгляда на римский католицизм, читателю будет понятно, в каком смысле это восклицание нашло себе применение на этих страницах.

Вникая в это изложение необходимо приготовиться к обузданию настроений, способных внезапно охватить душу чувством негодования или того хуже — чувством гордости. Надобно твердо помнить, что христианский латинский мир и в нем особенно Римско-Католическая Церковь, является одним из очень немногих союзников, которых Церковь Православная считает с собою на общей стороне. В самом деле, как мало нынче найдется обществ безоговорочно и прежде всего стоящих на

стороне Христовой! Поэтому, всякий камень, брошенный с вражеской стороны в Римско-Католическую Церковь, вплоть до слов и дел, подрывающих авторитет римского первосвященника в среде католического народа, воспринимается с нашей стороны, как оскорбление, наносимое святыне чтимой и нами, ибо католики и их ксендзы есть служители Христовы. Поэтому не один православный человек смело вступает в спор с атеистами, когда они унижают латинское духовенство.

Соответственно радует нас, если и когда приходится наблюдать со стороны латинян действия дружественности к нам и чистосердечного понимания общности интересов. Нас так же исполняет радостью каждая весть о том, как именно дух латинского христианства содействовал Испании в ее борьбе против атеистической революции и нас радуют вести о всех проявлениях искреннего религиозного чувства в латинском мире.

Тем более прискорбно, что курс на „ересь модернизма", взятый нынче Ватиканом, ведет к расшатыванию веры и что он, путями латинского формализма, уводит пасомых от Истины Христовой. Мы знаем, что, будучи христианами, мы в известной мере с латинами вместе находимся „в одной и той же лодке", что топит нас одна и та же волна, и горько сознавать, что это понимание современной жизни еще не достаточно проникло в понятия Ватикана. Иначе он не послал бы в 1925 году епископа д'Эрбиньи в Москву, чтобы воспользоваться бедствием антихристовой революции в России и, надеясь на вызванное большевицкой революцией

ослабление Русской Церкви, пытаться обращать Россию в католичество, подчинять нас римскому папе.

Впрочем, еще Император Петр Великий говорил, что русского человека в римские католики ничем не загонишь....

3. — О СПАСЕНИИ

То, что было сказано выше, не может не затронуть самосознания добросовестного римского католика и может снова вызвать замечание, близкое к выражению оскорбленного чувства.

— Итак, вы считаете нас хуже себя? — спросит латинянин.

Давайте объяснимся. Выяснив, что Римский католицизм отделил себя от церковного единства, что он удалился от Истины, мы конечно тем самым высказали свое убеждение и о том, что перед латинянами закрыт путь ко спасению в вечную жизнь во Христе. Не ужасно ли это!... Конечно, двух истин нет и быть не может. Истина содержится только в Единой Соборной и Апостольской Церкви, в Церкви Православной. Отсюда возникает мнение и о том, что православная мысль полна гордости и унижает католиков. Но это мнение совершенно ошибочно.

Затронутая мысль волнует многих и не коснуться её здесь невозможно.

Факт принадлежности к Св. Православной Церкви сам по себе далеко не определяет исхода спа-

сительного пути. Не все православные пойдут в рай! Наша Церковь действительно имеет всё, и это богатство возлагает на православных христиан большую ответственность. Не сказал ли Спаситель в притче о домостроителе и о рабах, что „Раб..., который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много; а который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше" (Л. 12:47-8).

Впрочем, называя вещи своими именами, мы утверждаем вместе со святыми отцами, что: **„Иже аще кто хощетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати кафолическую вѣру, еяже аще кто цѣлы и непорочны не соблюдетъ, кромѣ всякаго недоумѣнія, во вѣки погибнетъ"** (См. „Символъ" св. Афанасия, патр. Александрийского), и мы говорим, что римский католицизм эту кафолическую веру нарушил, а Православная Церковь её сохранила невредженно.

О какой вере говорит св. Афанасий Александрийский?

О вере во Христа. Христос Бог есть та центральная точка, из которой Рим еще в давнее время начал вести линию, отличную от линии Св. Православной Церкви. Следовательно, если верующая душа со всей энергией устремится ко Христу, если она сможет преодолеть разрыв, возникший из-за гордости римских пап, то эта душа невидимым образом сможет посмертно воссоединиться с истинной Церковью Христовой. Мы не предвосхищаем суда Божия. „Во всяком народе боящийся Бога и поступающий по правде приятен Ему" — сравн. Деян, 10:35.

Это не значит, будто бы мы были готовы повторять пошлость, изобретенную умами отступившими от Церкви, пошлость, гласящую, что де мол „искусственные перегородки, воздвигнутые человеческими руками, всё равно не достигают до Неба".. но значит, что нам придется углубиться в исследование сути дела.

***

Совершённое Господом Иисусом Христом искупление, — пишет прот. Г. Граббе в своём сочинении **„Церковь и её учение в жизни"**, стр. 23 и 24, — открыло возможность не только вернейшим путем идти к совершенству, но уже и здесь, на земле приобщаться райскому блаженству. Эта возможность открывается в единой, святой, соборной и апостольской Церкви. Она предлагает нам поучения, просветляющие наш ум и нашу совесть. Она постоянно подаёт нам благодарную помощь; в Таинстве Евхаристии даже соединяет нас с возводящим нас на небо Спасителем. Какое великое дарование!...

Но вернёмся к тем, кто не принадлежит к Церкви. Они не одарены так, как мы, но тем не менее даже среди язычников мы видим людей, не предающихся страстям, совершающих добрые дела. Это потому, что у людей „дело закона" написано в сердцах: „о чём свидетельствует совесть их, мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую" (Рим. 2:15). Предыдущие слова апостола в той же главе (Рим. 2:6-11) дают основание надеяться, что все добродетельные люди могут удостоиться милостивого решения на Страшном Суде. Если так, скажут мне, зачем же искупление?

Смысл искупления для христиан мы уже выяснили. В отношении же остального человечества он заключается в том, что разрушена стена ада; сошествие Христово во ад и проповедь Его там сделали возможным переход из него в рай, то-есть из мучительного состояния в блаженное. Каким образом? Через хотя бы посмертное усвоение проповеди Христовой. Язычники, не знающие на земле о Христе, в том же положении, как ветхозаветное человечество. Им доступны добродетели, подсказанные совестью. Но христианское совершенствование им недоступно. В отношении загробной судьбы они тоже уподобляются ветхозаветным людям. Те узнали Христа уже после смерти и получили возможность выйти с Ним вместе из ада. Эти тоже, уже после смерти, узнавая Христа, или отзываются на Его проповедь и соединяются с Церковью, или озлобляются и предаются мучениям.

Но как же согласовать высказанные мысли с учением Св. Отцов о невозможности спасения вне Церкви? Очень просто.

Во-первых, самое спасение надо понимать шире, чем просто получение награды за добродетельную жизнь. Спасение на христианском языке значит совершенствование с помощью благодати Св. Духа. Этого вне Церкви нет.

Во-вторых, достижение блаженства вне Церкви высказанными мыслями не допускается, ибо непременным условием для него ставится хотя бы и посмертное, но соединение с Церковью.

Но как же грозные свидетельства Св. Отцов относительно судьбы еретиков и раскольников?

Эти свидетельства, конечно, прежде всего относятся к тем, кто на земле враждовал с Церковью, т. е. боролся со Христом, разрывая Его нешвенный хитон. Но и теплохладному еретику не легко соединиться с Церковью. Дело в том, что если совершенствование и возможно в некоторой степени после смерти (кончено только до Страшного Суда), то все же посмертное нравственное состояние является лишь продолжением того настроения, в котором застала человека кончина, подобно тому, как в зрелом возрасте обычно получают приложение и развитие те принципы, которые усвоены человеком в детстве и молодости. Следовательно, даже у тех, кто прямо и сознательно не враждовал на земле с Христовой Церковью, заблуждения, в которых они жили, станут на пути к воссоединению с Церковью. Конечно, и для них, как и для язычников, добрые дела, милосердие, любовь к ближним не останутся без пользы. Они и их подготавливают к загробному присоединению к Церкви. Но искаженное еретиками нравоучение станет препятствием на пути к необходимому для присоединения покаянию, а самые добрые дела могут оказаться таковыми лишь по внешности, на самом же деле не приносящими душе никакой пользы..."*)

Итак, если даже оно и мыслимо, спасение в Вечную Жизнь во Христе для человека, исповедующего латинскую веру, затруднено множеством препятствий. Эти-то препятствия и вызывают со сто-

*) Кто, не имея истинной веры, совершает некоторые добрые дела, тот подобен черпающему воду и вливающему ее в худой сосуд.

Преп. Иоанн Лествич. Сл. 26-235

роны православной мысли резко отрицательную реакцию на от доброй, может быть, души высказанные намерения римских пап и в частности на заявление папы Иоанна XXIII-го. Вы помните его запись в дневнике под 26 декабря 1962 года?

4. — ВНЕШНИЕ РАСХОЖДЕНИЯ

Римско-Католическая, Латинская Церковь воспринимается русской православной мыслью и чувством как нечто вполне чуждое Церкви православной прежде всего в силу внешних впечатлений. Чуждым и враждебным духом веет православному простолюдину от готических построек латинских костелов. В самом деле, не от этих ли костелов исходило столько скорби, столько притеснений и тяжких преследований, вызванных притязаниями католического духовенства, панов католиков и католической государственной власти в западных окраинах России. Чувство неприязни к костелам в среде русского населения смягчается по мере удаления от западных границ.

Но сегодня, когда множество храмов разрушено, когда богослужения приходилось совершать в условиях военных походов, лагерных казарменных зал и проч., это чувство сгладилось. Латинская церковь иной раз даже кажется привлекательной. Ведь здесь тоже славят нашего Бога!

А войдешь в храм и оказываешься снова в обстановке чуждой и совершенно непонятной. Чужой обряд. Чужой язык. Все чужое.

Но если в дни Флорентийского собора папы настаивали на том, чтобы латинский обряд был введен повсеместно, то позднее они согласились на том, что Восточный обряд не является препятствием для соединения с латинством и ввели целый сонм духовных лиц униатов. Хотя папы и сочли обряд предметом второстепенным, хотя благодаря „Восточному обряду" папам и удалось привлечь к себе несколько может быть даже сот людей, принявших унию, униаты до последнего времени были для Рима людьми второго сорта.

Впрочем, обряд, конечно, есть предмет второстепенный. Сейчас есть уже немало латинян, принявших св. Православие (особенно во Франции), но совершающих богослужение по западному обряду на родном языке. (Не всё церковное сознание Православного Востока одобряет это).

Как бы второстепенным обряд кому-то ни казался, в нём есть много такого, через что отражается существо. Например: органная музыка при богослужении, характер иконописи и другие предметы способны оказываться глубоко противными православию и с православной точки зрения **недопустимыми.** (Посмотреть только на иконы в стиле картин Пикассо или ван-Гога!...)

Но сомнению не подлежит, что вопросы обряда не составляют принципа, делающего воссоединение невозможным или препятствующего спасению христианина. Это особенно теперь, с того дня, когда латинский мир сделал смягчение в отношении трехязычной ереси. Голосованием 8 октября 1963 года на Ватиканском Соборе латины стали до-

пускать, чтобы некоторые богослужебные чины совершались не по латыни, но на родном языке молящихся. В принципе это обозначает, что теперь Рим отказался от трехязычной ереси, **тем самым признавая ошибку непогрешимых пап в прошлом.**

Весьма внешним различием является и то, что римский католицизм давно упразднил установленный Св. Апостолами диаконский чин и вопреки обычаю древности не стал допускать к принятию иерейского сана людей, состоящих в браке.

Странным с точки зрения православной мысли является учреждение кардинальского сана. Для нас было открытием узнать, что кардинал у латинян обозначает чин выше патриаршего, не только выше архиерейского. 22-го февраля 1965 г. папа возвел в кардинальское достоинство 3 католических патриархов Ближнего Востока.

Но все эти внешние расхождения есть результат исторической разобщенности, разных бытовых условий, отражавшихся на жизни Церкви в разное время и в разных местах. В конце концов можно согласиться на том, что в большей степени эти все обстоятельства не идут глубже толщины кожи. Не могут они служить и препятствием на пути вос- Не могут они служить и препятствитм на пути воссоединения, которого, впрочем, еще никак не видно в исторической перспективе. Кто знает, однако, какие неожиданности откроет Господь по Своей святой воле, чтобы соединение Церкви восстановилось в обстановке, которой не ждёт ни Ватикан, ни мы грешные.

Далее, серьезным препятствием являются расхождения догматические. С них, пожалуй, уже идёт счет и препятствиям, затрудняющим в латинстве путь к Царству Небесному, а то и преграждающим его.

Когда речь заходит о догматических расхождениях между учением Православной Церкви и церковью латинской, приходится упоминать прежде всего о „Чистилищи" и о „Филиокуэ".

Учение о Чистилищи говорит, что безтелесные души человеческие после телесной смерти очищаются от грехов вещественным огнем, после чего становятся достойными быть принятыми в райские обители. Православная Церковь никогда не признавала учения о чистилищи и тема о последнем составила предмет долгих дебатов во время Флорентийского Собора.

Другое чисто догматическое учение Римского Католицизма, отличающее его от Православия, носит наименование „Филиокуэ", т. е. „и от Сына". Вопреки исконному мнению Единой Соборной Апостольской Церкви, латинский мир измыслил понятие о том, что Дух Святой исходит не от Отца, но „От Отца и Сына" (филиокуэ).

По поводу названных догматических обстоятельств за протекшие века в простых и пространных Катихизисах было сказано и написано очень много. Тем не менее, мы не можем обойти молчанием и не заметить, что эти латинские формулы противоречат слову Божию и исконному учению Церкви.

Истину об исхождении Духа Святаго от Отца благоволил открыть нами Сам Господь Иисус Христос, когда сказал:

„Когда же приидет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне" (Ин. 15:26).

Мы не имеем объяснения упорству римских пап и Ватикана, которые находят возможным высказывать мнение вопреки тому, что сказал Христос.

Повторять все, что говорилось, надобности здесь нет. Любознательного читателя отправим к ценнейшей книге архимандрита Амвросия **„Святой Маркъ Ефесскій и Флорентійская Унія".** В этой книге протокольным образом переданы все речи, сказанные на Флорентийском соборе в 1438-39 году, как против латинской догматики, так и за нее. (Изд. Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y., U. S. A.)

В XIX веке римские папы измыслили еще учение о Непорочном Зачатии Божией Матери, т. е. о Её непричастности, от зачатия, к первородному греху, наследованному всем человечеством от Адама. Сквозь этот папский догмат, казалось бы возвышающий почитание Царицы Небесной, — на самом же деле искажающий спасительное понятие о величии Пречистой Девы, сделавшей грех безсильным в Себе (Л. 11; 28), — становится очевидным, насколько далеко от Истины ватиканское понимание сущности первородного греха, а следова-

тельно и Дела Искупления, совершенного Господом Иисусом Христом.

Но сколько бы мы ни говорили обо всех этих догматах, сколько бы нас ни пытались убедить, что их можно принять, не нарушая строгости православного понимания сути духовной жизни, сколько бы ни проявлять склонности, как говорят, „ради принципа единения поступиться мелочами", мы неизбежно приходим к коренному догмату, лежащему краеугольным камнем здания отрыва латинского мира от единства Церкви. **Учение латинян о папстве привело к разрыву в 1054 году и оно же оказывается причиной дальнейшего расхождения между „Западом" и „Востоком". Из-за папства и конца не видно.**

Совершенно неизвестный древней Церкви догмат о папстве возник из-за того, что Рим был столицей империи. Епископу столицы всегда оказывался особый почет и давались преимущества чести. Об этом говорят и правила древних Соборов. Однако, если древние правила и присваивают „престолу ветхого Рима... преимущества, поелику то был царствующий град", если отцы древных Соборов, „предоставляя равные преимущества святейшему престолу нового Рима", определили, что „он (т. е. Константинополь) будет вторым по нем (т. е. после Рима"), — см. 28 правило IV-го Вселенского Собора, бывшего в Халкидоне в 451 г., и 36-ое правило VI-го Вселенского Собора, бывшего в Константинополе в 680 году, — то оснований для понятия о первенствующем положении римского папы и о его иерархическом господстве надо

всей Церковью в древних церковных правилах найти не удается никак. Их нет. Да римские папы древности и не помышляли о том, чтобы присваивать себе иерархическое первенство.

В I-м тысячелетии не было ни одного Вселенского Собора, на котором председателем был бы римский папа. Все папы в это время безусловно подчинялись Собору и Соборы не смущались, если соборное мнение шло совершенно вразрез с мнением римского папы. Так папа Гонорий был осужден VI-м Вселенским Собором за то, что держался монофелитской ереси. Даже латинские Соборы уже после отделения Рима от церковного единства в первой половине 2-го тысячелетия сознавали свое иерархическое преимущество над папами. Так: Пизанский Собор в 1409 году низложил папу Григория XII-го и Бенедикта XIII-го, а Констанцский Собор (1414-18 гг.) лишил сана папу Иоанна XXIII-го, одноименного нашему современнику, упоминаемому в этих записках.

С течением времени и под влиянием обстановки, сложившейся в Западной Европе (о чем будет сказано ниже), Римскому патриарху на Западе стали присваивать особенные права и достоинства и в наше время Латинская Церковь считает патриарха города Рима, — **„Отцем князей и королей Путеводителем всего мира и наместником Христа Иисуса Спасителя нашего"**, — как звучит уставная формула, произносимая при интронизации пап. Римский папа считается главою Церкви и ему присваивается способность иметь свое суждение помимо общецерковного сознания, причём это суждение

принимается как непогрешимое и как обязательное для латинской Церкви.

Имея в виду довольно частую ошибку, следует сказать, что словом — „непогрешимый" латинская Церковь не обозначает безгрешности пап. Слово „непогрешимый" является не вполне удачным переводом слова "infalible" —, что скорее обозначает „не способный ошибаться".

Православный ум не может вместить величия, присваиваемого латинским церковным сознанием авторитету пап. Судя по действиям римского папы Иоанна XXIII-го, авторитет пап стоит выше власти Царицы Небесной. Проявление такого самовластия папы не встретило ни малейшего протеста, ни малейшего вопроса или сомнения со стороны рядовых верующих латинян. Мы имеем в виду следующее.

В 1917 году трое детей из португальской деревушки Альжустрель имели удивительное явление: им являлась прекрасная, неземная Жена и явления эти оставляли у детей чувство благоговения и священной радости. Тщательная проверка свидетельств детей об этих явлениях дала возможность римской церковной власти объявить, что детям являлась Сама Пресвятая Богородица. Все последующие сообщения о событии, которому присвоено название Фатимского явления Божией Матери, исходят от тех же римских церковных источников.

Старшей из троих детей, девочке Люсии Дос Сантос, в ту пору было десять лет. Другие двое детей были еще моложе. Все они одинаково свидетельствовали о некоторых сообщениях, которые

им открыла Прекрасная Жена, являвшаяся им в видении. Эти сообщения имели пророческий смысл и, как сообщалось из римско-католических источников, все они исполнялись. Так, в числе сообщений детей наиболее яркое место занимало пророчество о том, что в России должна произойти революция. Как известно, это предсказание испольнилось. Дальше в нём говорилось, что Россия вернется на путь Христовой веры в единении с латинским миром. Такое верование о Фатимском видении крепко живет в среде латинян.

Двое из троих детей вскоре умерли. Оставшаяся в живых Люсия Дос Сантос затворилась в монастыре, но продолжала сообщать дальнейшие пророчества, воспринятые детьми во время видений. Так, с её слов было записано предсказание о событиях 2-ой мировой войны. Это предсказание тоже нашло своё исполнение.

В 1948 году Люсия Дос Сантос составила текст, в котором изложила последною тайну, врученную ей и другим детям от явившейся им Прекрасной Жены. Текст этот она запечатала в конверт и указала непременное условие, чтобы конверт был распечатан, а содержание его — достоянием в 1960-м году. Этот конверт Люсия Дос Сантос вручила Жоану Венансио, епископу Леирийскому (в Португалии), а он — последовательно передал его Римскому папе. Как Люсия, так и епископ Жоан Венансио, так, очевидно, и римский папа, в этом случае действовали так, как надлежит поступать, имея в руках тайну, сообщаемую христианскому миру от Царицы Небесной и по Её повелению.

На конверте рукою Люсии было написано: „Не вскрывать до 1960-го года".

Итак, руководствуясь сведениями, исходящими из римско-католических источников, мы видим, что римский папа держал в руках конверт, содержание которого он должен был объявить миру во исполнение повеления Божией Матери. Эти сведения вызывали в христианском мире всеобщее ожидание. Оно было настолько напряжённым, что отчасти передавалось даже и в христианские круги, чуждые римскому католицизму. Люди говорили о новых пророчествах, о новых откровениях, об ожидании новых событий. Ещё бы! Непогрешимый римский первосвященник подготовил мир к тому, что Фатимское явление воспринималось, как явление Божией Матери. Значит, — в конверте, запечатанном Люсией Дос Сантос, находилось и повеление Божией Матери. Никому и в голову не приходило подумать, чтобы в надлежащее время не открыть газеты и не узнать о тексте, находившемся в руках римского папы.

Однако, ожидание христианского мира оказалось напрасным. Римский папа Иоанн XXIII-ий в своей библиотеке конверт действительно вскрыл не раньше, чем было указано. Текст он прочитал, но сохранил его в полной тайне. Как говорилось в газетах в те дни, когда должно было последовать объявление, папа Иоанн XXIII-ий вскрыл Фатимский конверт, прочитал его содержание и лишился чувств, очевидно, под впечатлением прочитанного, не выдержав нервного шока.

К концу 1960-го года Ватикан лаконично отве-

тил на всемирное ожидание. В иезуитском журнале „Сивитта католика", редактируемом лично римским папой, появилась статья под заглавием: **„Фатима и её необъявленная тайна".** Здесь говорилось, что, в общем, необъявленная тайна по своему содержанию незначительна, что многое из её содержания уже известно, и что причин для беспокойства нет никаких. **Сама тайна, объявить которую римский папа был обязан, так тайной и осталась.** Она хранится в Ватиканском дворце и находится в руках Конгрегации Священной Канцелярии, — так теперь именуется учреждение, в своё время носившее название Священной Инквизиции.

Итак, что же? Ватикан объявляет, что в Альжустреле детям явилась Божья Матерь. Это Её слова звучат к детскому сердцу, это Её пророчества передаются через чистых сердцем детей и это Её повеления обращены к римским церковным властям. Это по Её повелению римскому папе вручен конверт с печатью; он обязан его вскрыть, а хранящийся в нём текст довести до сведения христианского мира. Если всё это так, то не подчиниться папа мог, лишь в двух случаях: 1) Либо обнаружив, что прежние сообщения о Фатимском видении были ошибочны и видение не было явлением Божией Матери, либо 2) определив, что римский первосвященник не обязан подчиняться повелениям Божией Матери.

Православный христианский мир тут является вполне посторонним наблюдателем. О Фатимском видении мы свидетельствовать не можем ни коим образом. Но, приглядываясь к деталям, только что

здесь описанным, мы не можем не поражаться величию власти, которою латинская Церковь облекла римского папу, и мы остаемся совершенно чужды такому пониманию.

В своем нынешнем виде, т. е. с утверждением принципа о непогрешимости пап, латинский догмат о папстве был утвержден на I-м Ватиканском Соборе (латинянами почитаемом за Вселенский) в 1871 году.

Догмат о папстве совершенно отвергается всей Восточной Православной Церковью. Православному уму он представляется настолько противоречащим логике и Св. Писанию, что здесь будет уместно обрисовать картину обстоятельств, при которых у латинян этот догмат складывался, постепенно усиливался, пока, наконец, не приобрёл к 1871 году своей окончательной формы, имея вид, словно бы он представляет нечто логичное и закономерное.

5. — КАК ПРИШЛО К ПАПСТВУ

По поводу названных догматических расхождений (папство, чистилище, филиокуэ) за истекшие девятьсот лет было сказано и написано достаточно много, чтобы римские папы могли знать одну простую истину: для восстановления единства христианской Церкви эти расхождения должны быть устранены. Заставить Православный Восток принять латинскую догматику, подчинить его папству есть дело с одной стороны безнадежное, с другой противоречащее духу братолюбия. Но, спрашивается, есть ли пути для того, чтобы устранить названные догматические расхождения?

Думается — есть.

Если этими путями вновь пройти весь путь линии, начатой из того же центра, то радиальные линии и сойдутся и расхождение между ними перестанет существовать. Не в этом ли путь подвига покаяния? Надо дать себе отчет: чего хотят римские папы: объединения мира под своей властью, или соединения Церкви во Христе?

Названные пути нащупываются не так просто. Нити, ведущие к ним и ведущие затем по этим путям, не лежат на поверхности и для того, чтобы

их нащупать, надо устремить внимание от расхождений очевидных, внешних, к расхождениям внутренним, к тем коренным папством порожденным в то время, когда латинский мир пребывает вне общения с Единой Соборной Апостольской Церковью. Устранение этих причин и обстоятельств и служит далогом восстановления единства Церкви, которому да даст Господь устроиться в свое время.

Обратимся к глубоким временам древности, к тому источнику, из которого Запад почерпнул столько влияний, продолжающих сказываться даже и сейчас. Обратимся к Древнему Риму и вспомним, что он был славен своей внешней цивилизацией, но в то же время был бесконечно слаб внутренней культурой. Древний Рим умел отлично воевать, строить мосты, дворцы и дороги, но искусство грамоты он заимствовал у греков. Рим создал принцип права, т. е. законной формы эгоизма, но в области духовной оказался настолько слаб, что даже и языческую мифологию и религиозные искания (Анаксагор, Ксенофан, Сократ...) Рим заимствовал у греков.

Сколько язвительной насмешки над „правдоискательством" Востока звучит в знаменитых пилатовых словах! Как они типичны для Древнего Рима!

Но Рим создал первое в мире ясно очерченное государство, на что до тех пор не оказались способными ни Египет, ни Вавилон, ни даже греки, с их великим завоевателем Александром Македонским, этим „Искандером", которого народный язык Персии в ужасе помнит до сих пор. Рим возвел

идею государства в абсолют, в высшую ценность. [Не это ли влияние позднее толкнуло Гегеля вывести учение о тотальном государстве, учение, печальные плоды которого стоют до сих пор стольких страданий, слез и крови?].

„Римское государство само желало быть высшим божеством для всех людей и потому с беспримерною у варварских народов жестокостью казнило христиан, и не за их догматы, а за то, что они православную правду и добродетель, а не государство, почитали за высший долг человечества" (См. митр. Антоній „Ф. М. Достоевский, как проповедник возрождения", изд. под ред. архиеп. Никона Рклицкого, стр. 107).

„Железному царству" древнего Рима не хватало внутреннего существа, содержания, которое изнутри творчески наполняло бы созданную государством форму и наполняя стремилось бы её. Когда в качестве такого содержания в Рим пришло христианство, то „Железная держава", в своей державной гордости, злобно отвергла его и недолгое время свободны христианской мысли, а тем более её господства, едва ли успевшего стать всеобъемлющим, оказалось недостаточным, чтобы существо приобрело силу, соответствующую объему, формы, (325-41 гг.) и христианский Рим не смог удержаться под ударами вандалов.

Когда вандалы разрушили Рим, им представилось, будто бы они его завоевали. На самом деле победителем оказался Рим, цивилизации и культуре которого варвары рабски и подчинились, даже и до сих пор. В числе прочих предметов, которы-

ми Рим поразил воображение варваров, была так же и идея государственности, а поскольку варвары и само христианство восприняли из рук римлян, в их сознании понятие о Церкви срослось с понятием о государстве.

Под влиянием идейного мира, усвоенного в качестве наследия Древнего Рима, латинское христианство поняло функцию Церкви в том смысле, что она должна объединять души христианского мира, создавая из них одно целое тем способом, чтобы Церкви быть оградой, обручем, сдерживающим в единстве части, (клепки бочки), иначе распадающиеся на лишенные смысла куски дерева. Не ясно ли, что соединенное и скрепленное тело Церкви способно как успешно сопротивляться внешним вредным влияниям, так и иметь успех в своей миссии благодатного и учительного воздействия на мир, во зле лежащий (I Ин. 5:19), чтобы направлять его на путь спасения и учреждать в человеческом обществе атмосферу социальной справедливости. Порукою возможности осуществить это являлась государственная форма римской империи. Разве она не слила в единую Вселенную разрозненные страны и народы?

Рим оказался христианской метрополией всех европейских государств и народов. Государств было много, народы говорили на разных языках. Рим объединял их всех, ибо из его рук все они получили христианство и еще по той причине, что для всех их, опять таки в силу метрополитического положения Рима, нашелся один общий язык: латынь. Уже в Средние века западная христианская цер-

ковь стала принимать формы организованного государства. Понятие это настолько утвердилось в сознании западного ума, что когда с течением времени и событий, революции покончили с государственной властью пап, на западе была вычеканена формула, гласящая, что де мол „Церковь есть государство в государстве".

(К Восточной церкви эта формула применяется прежде всего со стороны людей, стоящих вне церкви, а внутри церкви ею пользуются иногда только в порядке непродуманного повторения того, что случилось слышать на Западе).

Рим стал хозяином Европы, а хозяева — другие.

Хозяевами, оказались вчерашние вандалы. Завоевание Рима дикими людьми, пришедшими в Европу с Великим переселением народов, имело для христианства одно трагическое последствие, по нашему скромному суждению до сих пор не оцененное как Восточным, так и Западным христианством: **в Риме произошло смещение преемства.** Формально, быть может, римское христианство сохранило преемство рукоположения, восходящее к общему корню, — к Сионской горнице, однако, внутреннюю культуру своих предшественников по апостольской кафедре потомки Аларика в чистоте сохранить не сумели. Их культура окрасилась новым влиянием, а многое из старой ценности забылось. Это не могло быть замечено тотчас же, ибо выпавшее звено относится ко внутренней жизни, не находившей отражения на гранях, становящихся

очевидными для путешественников, прибывавших с Востока на короткое время.

Свидетельством смещения культуры в Риме после его перехода из власти исконных римлян в руки римлян нового племени является многозначительное отсутствие интереса к катакомбам, как его приходится наблюдать в латино-христианской среде даже до наших дней.

Повстречайте туриста-паломника из латинян. Сколько из них, побывав в Риме, посетило катакомбы? Из сотни два-три человека, а то и меньше. Самые глаза у них не оживляются при упоминании об этом священном месте. Но не в катакомбах ли осуществлялась церковная жизнь первой христианской общины Рима? Не это ли место было освящено кровью первых мучеников за Христа, здесь погребенных римской Церковью? Не эти ли катакомбы оказались местом благоговейного почитания римской Церкви, после того, как она наконец обрела свободу (325 г.) при императоре Константине Великом? Как римская церковь любила свое прошлое! Как она украшала исконно христианское кладбище! Как любили благочестивые римляне мысль: быть погребенным в катакомбах, обрести вечный покой в усыпальницах рядом с местом погребения мучеников. Не в катакомбе ли св. Прискиллы погребен св. Сильвестр папа римский, умерший в 335 г.?

Но вот в Риме с Аларихом (411 г.) появляются новые римляне. Они настолько новички в новообретенном мире, что в их памяти еще даже не успело обозначиться понятие о святыне катакомб,

иначе они продолжали бы чтить их. Вместо этого, начиная с V-го века, катакомбы оказываются преданными глубокому забвению, а могилы св. мучеников и св. первых предстоятелей Римской церкви надолго остаются без почитания. Так из цепи преемства выпало звено связи между римским первохристианством, слышавшим проповеди св. Апостолов Петра и Павла, и Римом, восставшим из развалин после крушения „Железного царства".

До IX-го века катакомбы пребывают в полном забвении. Оно рассеивается постепенно, но и тут к ним не возникает казалось бы естественного интереса и своего „Колумба" катакомбы дождались только в XVII-м веке. Дело в том, что под влиянием так называемой эпохи Возрождения изучением катакомб занялся, целиком посвятив себя этому делу, итальянец Антонио Бозиа. Результаты своих исследований о священном для христиан всего мира месте он представил в книге „Roma Sotterania" (Подземный Рим) которая вышла из печати в 1634 году. За эту книгу Антонио Бозиа получил наименование „Колумба Римских Катакомб". И справедливо. Ведь до него о катакомбах фактически никто ничего не знал.

Итак, христианский Рим только через тысячу лет обнаружил, что у него под рукою находилась величайшая святыня, древнего христианского Рима, преемником и наследником которой он себя именовал. Но могло ли латинское христианство теперь, через тысячу лет, в надлежащей мере овладеть ценностью, по отношению к которой у него было только внешнее преемство?

Безразличие детей к могилам дедов есть верный признак того, что дети не усвоили связи с культурой предшествующих поколений и что они в большей или меньшей мере идут своей дорогой. Так... люди дикого племени, овладев рыцарским замком, подчиняются культуре в нём царящей. Но они не знают о тайниках замка, хранящих ещё некую ценность новой для них культуры и поэтому у них не получается полноты преемства. Катакомбы таким образом дают верное свидетельство о разрыве в наследовании Римской христианской культуры, об ущербленности латинского христианства второй половины первого тысячелетия. Но кто мог заметить это тогда же? Сам латинский мир был во младенчестве своей христианской традиции. Восток был вдалеке и вскоре после крушения Рима, т. е. когда могли бы стать заметны трещинки вмещения преемствия чтобы своевременно дать сигнал латинскому миру, в Аравийской пустыне уже занялась заря магометанства и Восток оказался лицом к лицу с огнем и мечем нашествия ислама.

Между тем, в обстановке, сложившейся в средневековой Европе, римскому патриарху было вполне логично оказаться патриархом всех поместных церквей, возникших из римского ростка. Отсюда же исходил и росток грамоты для всех европейских народов, до тех пор пребывавших на чрезвычайно низком уровне культуры. Неудивительно, что римский папа для них оказался не только патриархом и духовным отцом, но силою вещей явился и советником и судьей по всем делам совести и быта. Он вершил суд и расправу. Он раздавал короны. От него зависели решения вопросов о мире и о войне.

Он оказался главою Священной Римской Империи, простиравшей крылья своего орла на всю „Вселенную", теперь впрочем ограниченную Западной и Северной Европой. И тогда ему понадобился номинальный авторитет, еще более высокий, нежели авторитет патриарший. Создать представление о таком авторитете было не трудно, поскольку на Рим смотрела вся неграмотная Западная Европа.

В самом деле, весь свет благодатной христианской жизни, вся цивилизация и культура, осиявшие страшную дичь средевековой Европы, излучались из Рима. Рим был для Европы единственным окном, откуда она увидела свет, и по этой причине Европа легко восприняла мысль, что иного источника света не нужно, что его нет и что его вообще даже и быть не может , ибо если где-то еще и светит свет христианства, то это непременно должно быть то, либо другое отражение Рима. Никто в Европе не позаботился разузнать, какие взгляды существуют на данный вопрос в местах более древней христианской культуры, как например Иерусалим, Александрия, Антиохия и оставшись в некотором уединении от Востока, Европа создала себе иллюзию, что римский патриарх, то есть папа, является старшим среди всех патриархов. Отсюда уже и пошла развиваться идея о том, что св. Апостол Петр был главою Апостольского сонма. Со временем образовалась мысль, что римский папа есть наместник Христа на земле, и мысль эта дошла до понятия о том, будто он и есть непогрешимый глава церкви.

В I-м веке Рим, как говорит предание был кафедрой св. Апостола Петра, и в Риме он принял му-

ческую кончину. Хотя точность этого предания не удостоверена, папы не оставляли случая как сознавать себя, так и представлять себя другим, в качестве преемников св. Первоверховного Апостола Петра и в блеске, создавшемся таким образом вокруг кафедры римского патриарха, стало возникать понятие и о том, будто бы св. Апостол Петр был наместником Господа Иисуса. Если бы Европа читала св. Писание по-гречески, повода к такого рода истолкованию евангельского текста появиться бы не могло. Но Европа читала св. Писание полатыни, из-за чего глубина мысли о камне (Мф. 16:18) — ускользала и заменилась фигурой Римского Патриарха-папы. Европа была неграмотна. Ей читали св. Писание папские ставленники и читали по-латыни, которой европейцы не владели отлично. Они повторяли то, что им говорили их духовники, а духовники зависели от пап. Так пришло к полному духовному порабощению Европы перед римскими папами, образцом чего служит знаменитый случай в Каноссе.

Едва ли нужно доказывать, что если бы король Генрих IV-ый умел читать и писать, то папе Генриху VII-му не удалось бы потешить свою гордость видом короля, смиренно стоящего без шапки и под снегом под окнами папского дворца в ожидании прощения. Но король Генрих IV-ый был неграмотен. Разобраться самостоятельно в деле своего спора с папой он не мог... к тому же он был смирен сердцем, не в пример римскому первосвященнику, надолго оставившему всему миру образец необузданной гордости и властолюбия.

В то же время Восток ни с какой стороны не

имел никакого подобия таких отношений к римскому патриарху. Св. Писание на Востоке читали по-гречески, давность христианской традиции имели бОльшую, нежели Рим, свет христианства Восток получил не от Рима и в его суде и расправе никак не нуждался, по крайней мере в отношении своей государственной жизни. Все восточные патриархи искони сознавали Церковь, как Соборное единство, начавшееся от Христа в Иерусалиме (Деян. I:8), — не от Петра в Риме, — и восприняли идею папства, как человеческое измышление, как ложное учение, противное всему зданию Церкви. Впрочем до тех пор, пока папа Николай I-ый не предъявил Византии своих (измышленных папами) прав, единение сохранялось ненарушенным. Но вот папа начинает указывать Константинополю, что и как тот должен делать.

Император сместил Константинопольского патриарха Игнатия и возвел на патриарший престол Фотия. Возник конфликт. Игнатий обратился к папе Николаю I-му, призывая его в качестве третейского судьи. Однако, получив призвание помочь в разрешении конфликта, папа явился по отношению к Константинополю не в виде третейского судьи, а в виде главы Вселенской Церкви. Патриарх Фотий поставил папе на вид ложность и не законность присвоенной им себе роли и места, на что в ответ папа Николай предал патриарха Фотия анафеме, словно бы действительно имел на это право (863 г.). Фотий опротестовал такое поведение римского папы перед тремя другими патриархами — Иерусалимским, Александрийским и Антиохийским (867 г.) и они согласились с мнением Фотия.

Споры, согласия и разногласия длились до 1054 г., когда и произошел окончательный разрыв. В Константинополе был собран Собор, имевший расмотреть спор, длившийся уже почти что двести лет, и тут разница воззрений явилась во всей своей наготе. Когда Константинопольский патриарх Михаил Керулларий на Соборе пытался излагать мнение всех Восточных патриархов, папский легат кардинал Умберт заявил: „Мы явились сюда не затем, чтобы нас учили, но для того, чтобы поучать".

И вот, когда 16 июля 1054 года патр. Михаил совершал Литургию, в собор Св. Софии явились папские легаты и от имени папы провозгласили патриарху Михаилу и всем его сторонникам анафему, отлучение и изгнание во тьму кромешную со всеми еретиками, вместе с диаволом и ангелами его. Видно, папские легаты были твердо убеждены, что действуют от имени наместника Христова, который, как выразился папа Иннокентий III-ий, „...менее чем Бог, но больше, чем человек".

Папство возникло, как результат такого взгляда на Церковь, на её бытие, значение и роль, какой не был свойственен Востоку, ибо на Востоке Церковь исконно была и остается до сего дня фактором, действующим изнутри во вне и обстоятельством самобытным и не имеющим себе параллели ни в каких человеческих обществах и организациях. В то же время на Западе на Церковь сложился взгляд, что она должна быть фактором, действующим извне вовнутрь и обстоятельством, подобным государству, способным не только прибегать к помощи царской власти в случае мятежа, но имеющим

свой институт физического приложения и явления своей власти.

Достаточно признать латинский взгляд, как станет очевидным и то, что такая организация, такое государственное образование, не может ни плодотворно действовать, ни даже существовать, если оно не будет возглавляться единым абсолютным авторитетом. Отсюда происходит логичность латинского догмата о папизме; вплоть до признания за папой всех измышленных латинскими учителями достоинств римского первосвященника.

Однако, признавать надобность в том, чтобы Церковь возглавлялась наместником Иисуса Христа, значит не оказывать доверия самому же Иисусу Христу, ибо Он обещал пребывать со Своей Церковью „во всѣ, дни до скончанія вѣка" (Мф. 28:20); Значит не верить в то, что Христос жив, а ведь Апостол Павел утверждал „что Он жив" (Деян. 25:19) и что Он, Иисус Христос, „вчера и днесь той же и во вѣки (Евр. XIII, 8). Зачем же наместник?

Святая Соборная и Апостольская Церковь не сомневается в том, что Господь Иисус Христос вечно сопребывает с нею и поэтому она не испытывает надобности в изыскании наместника Христова на земле. Очевидно и взгляд на самый принцип о Церкви в Православии верен, коль скоро при нём нет надобности нарушать текст св. Писания и изобретать совершенно невероятные права римскому папе.

6. — ПЛОДЫ ПАПСТВА

Рассмотрев, откуда возникла идея о папстве, надобно вникнуть и в то, что же возникло из идеи папства? Что оно породило?

Не станем повторять того, что было сказано не раз, т. е. что папство породило так называемую реформацию, нанёсшую до сих пор вполне ещё не оцененный вред для церкви и для жизни всего верующего христианского мира. О безнравственности в папском дворце, о торговле индульгенциями, о фабрикации реликвий, об ужасах инквизиции писалось немало, и нам вполне достаточно лишь упомянуть обо всем этом. Что касается нашего обвинения лютеровой реформации, то оно относится главным образом не к тому, что Лютер произвёл раскол и самим актом протеста исполнил дело, противное учению Христову о смирении, любви и единении. Нет, мы имеем в виду то, что реформация превратила каждого европейского профессора в окончательный авторитет понимания слова Божия. Именно это открыло европейской философии путь к Гоббсу и Локку, а потом и к Руссо, и к Канту, и Гегелю, за которым ходом логического развития мысли явился и Фейербах и вся плеяда материалистов, не желавших оглядываться ни на какие авто-

ритеты. Не страшным ли совпадением сегодня выглядит то, что свои тезисы на дверях Виттенбергского собора Мартин Лютер прибил ровным счетом за 400 лет до русской революции, заключившей шествие революции всемирной. Виттенбергский акт имел место 25-го октября 1517 года. И как ни тяжкою является вина Лютера, нельзя забывать, что не будь папства, не было бы и Лютера с его революцией в церкви.

Впрочем, в интересах развития темы, нам важнее обратить наше внимание на предметы, до сих пор остававшиеся в тени, а не на те, о которых за сотни прошедших лет было сказано много правды и было изложено много трезвых мыслей.

О музыке в храме. Итак мы видели, как и в силу каких причин Рим создал свою собственную культуру понимания церковной жизни и как, в силу этой культуры, он перестал считаться с Православным Востоком. Отсюда произошли не только догматические расхождения. Отсюда в латинском мире возник весьма длинный ряд уклонений от исконно принятых Церковью норм понимания христианского пути в жизни. Отсюда же произошло глубокое разъединение в богословской мысли и в области христианского понимания жизни, т. е. в мировоззрении. Иначе и быть не могло, ибо **предметы нравственной жизни не могут не искажаться, если искажена сторона догматическая.**

Мы касаемся здесь темы весьма широкой и не претендуем считать её исчерпанной помещаемыми замечаниями. Надемся, что, несмотря на краткость, они достаточно осветят свою область и сделают

понятными дальнейшие зависящие от них суждения. Итак о музыке. — Еще во время, предшествующее гордому уходу Рима от соборного (кафолического) соединения с Востоком, православный мир осудил начавшуюся на Западе практику: вводить музыкальные инструменты, в частности орган, в богослужебное употребление.

Вопрос о музыке затронут здесь с определенным намерением: подвести внимание к вопросу о взаимном влиянии между формой и существом. Как бы кто ни говорил, что форма есть вещь второстепенная, что форма не важна, а важно существо, — всякая здоровая педагогика знает, что добрая форма есть необходимый путь к образованию в душе человека отвечающего ей доброго существа, — сути. Поэтому и в православной церковной жизни форма имеет своё большое значение.

Пока человек живёт на земле, все элементы его существа, его внутреннего содержания, нуждаются в форме. Церковь это знает, педагогически пользуется формой и тщательно наблюдает за тем, чтобы форма не становилась самоцелью, но оставалась бы всегда служанкой содержания, поскольку содержание без этой служанки обходиться не может. Величественные храмы с благолепным внутренним убранством, торжественный чин богослужений, кадильный фимиам,... все это неотразимо влияет на молящихся, все это благоприятствует возникновению благоговейного молитвенного настроения, и нередко именно благозвучия хорового пения служат причиной тому, что глаз молящихся застилается дымкой чистой слезы восторга и сердца их трепещут единым биением молитвенного чувства с

той молитвою, слова которой проникли в душу посредством всей богослужебной атмосферы.

Если так, то какая же причина может заставить осуждать практику применения органа? Не то же ли самое назначение имеет церковный хор,величественные песнопения которого одинаковым путем, как и орган исторгают из души неуловимые звуки, происходящие от трепета её тончайших струн. Зачем, в самом деле, было даже и проводить границу или параллель между хором и органом? Одобрять один и осуждать другой? Неужели же они не идентичны в своем назначении, когда самое существо молитвенного восторга, выраженного пением, своим возникновением всё равно обязано тому или иному виду формы, так или иначе, в тот или иной момент жизни заронившей в душу человека семена своего влияния?

Нет. Не говоря о том, что русское церковное пение, в своем подражании итальянским мастерам, зашло несколько дальше, чем то следовало бы и что предполагалось по первоначальному замыслу, надо иметь в виду, что идентичность церковного хора и органа останется на поверхности, лишь только мы обратимся к глубине вопроса. Глубина эта становится понятной, когда наше внимание научается видеть не только то существо, что является содержанием формы, что форму наполняет, — но **то существо, которое возникает в нас по неисповедимым путям жизни человеческого духа вне формы и помимо неё.** Это существо последовательно тоже нуждается в форме, и оно себе её создает собственным творческим актом после того, когда... „согрѣ-

яся сердце мое во мнѣ, и въ поученіи моемъ разгорится огнь" (Пс. 38:4). Тогда „слово благое изливается из сердца" (сравн. Пс. 44:2) и, помимо всякого извне навеянного экстаза, церковные „песнословцы" отверзают уста свои, чтобы славить, благодарить, поклоняться Богу и превозносить Его во веки. Таково в своем принципе понятие о церковном пении. Не со вне вовнутрь, как действует орган, но извнутри во вне! Так музыкальная жизнь Церкви отражает глубину понимания её бытия. Так создается и форма церковной православной жизни.

Такая форма уже пребывает твердым и нерушимым хранилищем содержания, средством сообщения этого содержания другим людям и всем сердцам и умам, средством обогащения духовной жизни общества.

Но нельзя ли подробнее ответить на вопрос о том, что же имеется в виду, когда здесь говорится о существе, возникающем помимо формы? — Попытаемся ответить.

Учащимся старших классов гимназии и университетским студентам [к сожалению за некоторым исключением] известно одно тонкое переживание. Нередко оно потом забывается, теряется в сутолоке будней. Впрочем, если оно было достаточно интенсивным и если учащийся ум во-время заметил его, отличил его от других переживаний учебного процесса, то для того, чтобы оно забылось, будни жизни должны быть слишком унылыми и тяжкими, а жизненные передряги — слишком страшными. Иначе оно незабываемо. Это творческое переживание

есть соль учебного процесса и тот, кому оно вообще не знакомо, конечно, всю жизнь остается на уровне ученика зубрилки. Зубрилка превращает свой ум в склад для хранения количества тех, или иных сведений. Зубрилка может быть вполне владеет этими сведениями, зная что куда относится, как, почему и когда должно применяться. Сведения эти поэтому интересны и пригодны в дело, а зубрилка оказывается полезным человеком. Однако, если они не были творчески освещены, если не озарил их внутренний огонек, внезапная искра, то они не могут духовно обогатить никого и не способны разрастаться, чтобы из горчичного зерна этих сведений разрослось дерево, в котором птицы могли бы найти себе кров и пищу. (Сравн. Мф. 4:2).

Переживание учебного процесса, о котором наша речь, состоит вот в чем: бывает, — выучишь все, что относится к пункту заданного вопроса. И правило вытвердишь на-зубок, и задачки все перерешаешь да еще и так, что и самые трудные станут легко получаться. Будешь знать чтО под чтоО подставить, чтО куда перенести, да так твердо будешь знать, что и других сможешь научить, как это делать. А началом всякого решения тут все-таки будет оставаться выученная формула. Она — как ключ, и без нее никуда.

Дальнейшее бывает очень разнообразно. Иной раз тотчас, а иной — по прошествии какого-то времени, словом, в какой-то неизвестный момент, все содержание вопроса, приобретенное через учебные формулы, по неведомой причине вдруг освещается словно маленьким лучом света, возникшего внутри

сердца. Весь вопрос предстает уму в необыкновенной ясности и содержание его делается **своим** для учащегося. Он **усваивает** его. То, что до сих пор было приобретенным, становится чем-то, что органически соединено с умом. Учебные формулы и правила становятся ненужными для удержания в памяти сути, ибо сама суть возникла в человеке, в его духе, как неотделимая часть целого его личности, и отныне служит уже дальнейшему и более углубленному проникновению в суть дела. „Согрѣяся сердце мое во мне!" (Пс. 38:4), и как бы ни забылись потом почему либо слова первоначальной формулы, формулы выученной, ум в них уже нуждаться не будет, ибо всегда сможет самостоятельно сложить формулу и хотя бы она и разнилась от первоначальной в подборе и ритме слов, она будет безошибочной.

Это переживание учащегося ума служит некоторым подобием гораздо более глубокого переживания чисто духовного, когда какая-то истина веры, воспринятая через формы церковной жизни, вдруг освещается внутренним светом и разогревается огнем, который Господь низводит на землю нашего сердца (Л. 12:49). Вот этот то огонек, как о том учат св. отцы православного Востока, и есть необходимая ценность духовной и церковной жизни. Попытки вызвать его — обольстительны и потому опасны, т. к. они тонко сопряжены с гордостью, и пока он не возгорелся сам, по воле Божией, даже и моменты благоговейного вдохновения по большей части бывают мимолетны и поверхностны. Наше дело приготовить в своей душе чистое место, положить там „сухие щепочки" добродетелей и

оберегать этот очаг, в смирении созерцая истины жизни духа и возложив упование на милость Божию. Если будем достойны, если будет на то воля Господня, Он и низведет огонек, чтобы тот возгорелся. Ведь Господь и сам этого хочет (Л. 12:49).

Если же мы станем разогревать сердце внешними впечатлениями, формами вдохновения, которыми так сильно вздымает дух великолепие торжественной музыки, то чувство наше легко нас и обманет, а до настоящего огонька нам и дела не будет, а вся духовная жизнь останется на поверхности, без корня. Взойдет солнце, и росток увянет (Мф. 13:5).

Так вот о каком содержании речь шла. Так вот почему Восток осудил применение органа при богослужении. **Пусть орган только** отражает предмет, пусть он служит только примером. Сквозь этот пример начинает проглядывать не только внешняя кора расхождений между Востоком и Западом, но и внутренняя причина её возникновения.

Молитва есть область, в которую мы естественно попадаем, следуя путем, начатым при исследовании корней, как породивших папство, так и плодов, им порожденных. Музыка только приоткрыла дверь, а как только мы углубимся в царство молитвы, так станет очевидно, что Латинская школа молитвы отстоит от православной в полном смысле слова, — „елика отстоятъ Востоцы отъ Западъ" (Пс. 102:12).

Вот что писал к одному из духовных своих воспитанников русский подвижник благочестия еп. Феофан, вышенский затворник:

„Что-то вы помянули, что не испытали „восторженных молитв". Избави вас, Господь, от них. Восторги, сильные движения с волнениями суть просто кровянные движения душевные от распаленного воображения. Для них Игнатий Лойола много написал руководств. Доходят до восторгов и думают, что дошли до больших степеней, а между тем это все мыльные пузыри. Настоящая молитва тиха, мирна; и такова она на всех степенях".

Преп. Симеон Новый Богослов наставляет, что к совершенствованию ведёт только молитва, исходящая из сердца; молитва, при которой ум нисходит в сердце и которая основана на очищении совести и на полном послушании. Молитва, воспитываемая по учению Игнатия Лойолы, как наставляет преп. Симеон Новый Богослов, не ведёт к добру. Молитва экстаза, которая сосредоточивается в воображении, когда молящийся сам подвигает душу к вожделению и любви Божией, и в исступлении начинает мнеть, видеть свет телесными очами и обонять благовония, — такая молитва приводит к прелести, какою прельщает дьявол.

Так мы видим ещё один немаловажный предмет, в котором папство, отделив латинский мир от Востока, вызвало розличие, без преодоления которого о соединении речи быть не может. Но и это ещё не всё.

Путь ко спасению в вечную жизнь, как оказывается, понимается в латинском мире совершенно не так, как он понимается в мире православном. И эта разница возникла исключительно благодаря то-

му, что папство отделило латинский мир от Соборного Единства.

Отделившись от Востока, Западная богословская мысль оказалась заключенной в формы латинского языка. До тех пор латынь озарялась светом греческого толкования, но со временем из Рима зазвучала пренебрежительная формула: "Greacum est, non legitur!" между тем, известно, что все св. Писание Нового Завета было написано по-гречески, да и книги Ветхого Завета в переводном изложении 72 толковников, переведенные ими с еврейского на греческий, были основанием всей Церкви. Латинский язык, очевидно, имеет большие достоинства в той области, где был силен Древний Рим, но в области духовной жизни, области философии и богословия язык железного царства не поспевал за греческим.

До тех пор, как Рим отделил себя от Востока, его богословы, пользуясь одним латинским словом, под влиянием греческого научались видеть в этом слове различные значения и оттенки и поэтому они мыслили одинаково с греками и другими народами Востока. Но вот зазвучало: „Грэкум эст, нон легитур!" и латинское слово замкнулось в своей форме

Пример сопоставления с русским даст понятие того, о чем идет речь. Например: в латинских языках нет различия в понятиях между словами „правда" и „истина". Если же взять такие слова, как „правда". „праведность", „правосудие" и „справедливост", то тут окажется, что все они выража-

ются одним словом: "justicia", откуда произошло наше слово „юстиция". Со словом „юстиция" у русского человека связывается совершенно определенное понятие, — понятие юридических взаимоотношений о благоприятном и неблагоприятном возмездии, о наказании, каре и награде и о соблюдении определенных норм, каковое ведет к тем или иным последствиям, подобно тому, как к определенным же последствиям ведет и нарушение названных норм.

Юстиция, — право! Это есть норма ограничивающая, но в то же время ограждающая и поощряющая **эгоизм** каждого человека. **Мысль,** оторвавшаяся от греческого источника, оказывается в пределах эгоизма, чувства, осуждаемого христианской нравственностью. Дело в том, что в греческом языке слово „дикейсенон" не обозначает ничего даже близкого эгоизму. Оно говорит о праведности. Это есть та **правда,** алчба (голод) и жажда которой насыщается во Христе (Мф. V, 6) и стремление к которой открывает путь, вводящий в беспредельную широту **самоотверженного слУжения Богу и ближнему** (Мф. XII, 29-31). Вот куда направляет, вот куда открывает путь Православная Церковь. Русские толкователи Нагорной Проповеди Господней всегда указывают на подлинное значение слова, применённого св. евангелистом, обращаясь к греческому подлиннику и выясняя суть по нему.

Очевидно в силу ограниченности латинского языка, вся сложная гамма отношений человека к Богу и Бога к человеку, зримая через греческое

слово, в латинском мире съузилась, подверглась примитивизации и в конце-концев ограничилась и замкнулась в понятиях юридических, судебных. Так случилось с богословием, трактующем о спасении человека в вечную жизнь, — так случилось и с богословием, трактующим о спасении Богом человечества для вечной жизни.

Грех тянет вниз одну чашку весов, добродетель — другую. Божественная справедливость, правосудие, юстиция, оценивает по достоинству и грехи и добродетели. Если у человека для приведения весов в надлежащее положение не хватает своих добродетелей, он может обратиться к складу „сверхдолжных заслуг" святых. Ключ от этого склада находится у папы. Индульгенции. **Мы попадаем в атмосферу вопроса, где между православным и латинским пониманием теряется всякая плоскость соприкосновения.** То, что нам кажется невозможным и невероятным, с латинской точки зрения представляется ясным и не вызывает ни сомнения, ни удивления.

Передо мною латинская листовка. От имени римских пап она рекомендует мирянам читать Евангелие. Эта листовка распространялась в „Неделю Евангелия" во время папы Иоанна XXIII-го. Между прочими вещами там сказано (стр. 4, п. 2-ой).

— Верные, читающие Евангелие по четверть часа и делающие это, как духовное чтение, получают трехгодичную индульгенцию.

Тут все ясно. За каждую добродетель причитается награда, за каждый грех — кара. Но пра-

вославному уму это в такой же мере непонятно, в какой уму латинскому непонятно: что же здесь непонятного?

Православный спасительный путь ко Христу возникает с обретением начала премудрости в страхе Божием (Пс. 110:10). Поиски пути, совершаемого в православной Церкви, приводят сердце христианина на путь приобретения смирения, на путь борьбы против всех препятствий, отвращающих от Христа, причем, по милости Божией **христианин черплет силы для борьбы в „сознательной и проверенной опытом уверенности в том, что сильнее всех на свете и влиятельнее всего на человечество действует не какая либо внешняя физическая или государственная сила, но сила добродетели самоотверженной, опирающейся только на веру в Бога и во Христа, и в будущую загробную жизнь и её правду"** (Слова митр. Антония в его книге о Достоевском, стр. 178). Будущая вечная слава праведников есть не только и не столько награда за добродетельную жизнь, сколько просто продолжение плодоносной добродетельной жизни, в которой была достигнута её собственная цель, ибо христианин православный совершает добродетели не для того, чтобы получить за них награду или добродетелями уплатить за совершенные грехи, но — в стремлении к главнейшей цели своей христианской жизни, которою является стяжание Святого Духа Божия. Добродетели же есть только средства.

Исследователь глубин духовной жизни, при сравнении пути, описываемого богословами пап-

ской культуры, с путем, описанным св. отцами православного Добротолюбия, непременно останавливается, поражаясь страшным их различием. С одной стороны грубая примитивность латинства, столь для них привычная, что остается даже незамеченной; примитивность, приводящая к противоречиям, порождающая скепсис и делающая христианство мишенью для критики со стороны атеистов, и с другой — возвышенная тонкость духовного опыта восточных отцев, опыта, проникающего в глубину сердца и являющего предметы духовной жизни в абсолютной гармонии, в свете которой критика со стороны атеистов, язычников и скептиков выдыхается прежде, чем начинает свою речь.

Исповедь представляет грань, по которой ясно становится видным затронутое только что различие в пути духовной жизни. По латинскому пониманию при исповеди кающийся подвергает себя суду, в православии — исповедь есть духовная лечебница, из которой кающийся уходит исцеленным, уврачевав свои духовные недуги покаянием, воспринятием наставления и благодатным разрешением вины, т. е. освобождением от греха.

С точки зрения психологии очевидно, что христианин, как в латинском, так и в православном мире, приходит к исповеди с покаянием, ища примирения с Богом по поводу совершенных им согрешений. В покаянии всегда присущи осуждение совершенного греха, осуждение себя, скорбь о содеянном, желание исправиться и полный отказ от греха с твердым намерением никогда его не повторять. В чувстве предстояния Богу, в глубоком испы-

тании своей души, кающийся испытывает тяготу греха, иногда столь непереносимую, что страдания души влекут за собою потоки слез. Кающийся оказывается перед духовником.

Духовник латинский и духовник православный суть лица весьма отличные одно от другого. Латинский духовник есть судья, оценивающий проступки, определяющий возможность освободить кающегося от наказания за грехи, или же указывающий ему дела добродетелей, способные быть отплатой за грехи. Латинство понимает исповедь, как юридический акт (actus judicialis). Православный же духовник есть только свидетель и наставник, имеющий благодатную силу разрешать от грехов.

В разрешении от грехов кающегося грешника православная церковь видит освобождение его, по благодати Божией, от уз греха и от преграды, которая не дает ему возможности воспринимать милость Божию, всегда влекующую его на путь, шествуя которым он „возображается древлею добротою", т. е. вновь приобретает древнее, утраченное в грехопадении, великолепие образа и подобия Божия. Не то у латинян: „Разрешение греха... по молитвам Церкви... понимается в смысле разрешения не от самой вины, но — от наказания", — говорил испанский богослов Иоанн де Торкемада на Флорентийском соборе.

(См. „Православное учение и практика исповеди". Протпр. проф. Василий Виноградов. По-немецки. **"In Orthodoxer Schau"**, Muenchen, 1958 г., стр. 23-39).

Богословие Запада весьма отлично от богословия Востока не только всем известными догматическими различиями, но линией общей своей направленности, тем — куда нацелено острие главного запроса. Православное богословие устремлено к наставничеству, целью которого является забота: вести наставляемого к обОжению, к тому божественному состоянию, что было потеряно в раю и может быть вновь приобретено через усилие христианина (Мф. 11:12) при благодатной помощи Божией, по дару благодати. Западное богословие исконно направляло больше внимания на область богопознания в смысле обязанности человека „чрез рассматривание творения постигать Творца" (Рим. 1:19-20; Пс. 18:2; Деян. 14:17 и др). Кстати сказать, именно эта направленность латинского богословия направила и классическую европейскую философию на путь исследований в области теории познания, откуда эта философия уже забрела в дебри язычества и атеизма.

Пытаясь в свое время стать во главе западноевропейской философской мысли латинское богословие изобрело учение, получившее наименование „схоластики" и имевшей назначение: быть философией, поставленной в положение „служанки богословия". В 1879 г. папа Лев XIII-ый объявил схоластику, „неотомизм", единственной философией, отвечающей догматам веры.

Схоластика нас интересует в двух отношениях: а) Она объясняет стремления римских пап к земному могуществу, которое в свете неотомизма теряет свойства земного властолюбия и еще раз проводит

линию принципиального несогласия латинского мира с миром православного Востока и б) Она предъявляет ту призму, с помощью которой становится возможным понять мыслительные пути, которыми последние два папы идут в борьбе против антисемитизма.

а) Современные неотомисты заняты теперь не только философией и богословием, но и социологией. В основе последней лежит идея о том, что после капитализма утвердится новый общественный строй, отличный от прежних по своей особенной прогрессивности и справедливости. Во главе этого общественного строя должна будет стоять латинская Церковь, возглавляемая римским папой. Проявлением этой социологической теории являются то там, то здесь мелькающие фразы о желании пап учредить „христианский порядок в мире" (см. „Рождественское радио-послание папы Пия XII-го, 1951 г.).

б) Здесь потребуется больше внимания. Философия схоластики, равно как и латинское богословие, была стеснена бедностью форм латинского языка и его слабостью для изложения и продумывания исследуемых предметов. Поэтому, как и в вопросе о спасении личном, совершаемом христианином, так и в вопросе о спасении человечества, совершенном Христом Спасителем, когда они занялись объяснением этого величайшего таинства, мышление их оказалось заключенным в форме слова „юстиция" во всех случаях, когда надо было думать и говорить о справедливости, о правосудии, о правде и праведности. О, если бы только этими понятиями

исчерпывался предмет! Как просто было бы рассуждать! Во всяком случае православная мысль располагала более широкой лексикой, нежели латинское схоластическое богословие. В результате же того, что латинские богословы не считались с мыслью православного Востока, догмат Искупления в их сочинениях вырисовался, как теория удовлетворения Божественной справедливости.

Оскорбление, нанесенное Богу грехопадением Адама, — говорит схоластическая мысль, — было так велико, что человек не в состоянии был принести жертвы, способной уравновесить его, отплатить за него и тем дать равное удовлетворение Божественному правосудию (юстиции). Поэтому, по безконечной любви к человеку, Господь Бог послал на землю Сына Своего, чтобы Он, приняв крестную смерть, принес требуемую жертву, в которой и совершилось бы искупление рода людского от тяготы Адамова грехопадения.

По схоластической теории толкования догмата об Искуплении, оказавшей так же большое влияние и на русское школьное богословие, вся тайна нашего Искупления совершается Крестной Смертью Иисуса Христа и состоит в том, что Господь, вместо нас, Своею кровию уплатил правосудию Божию за наш долг, за наш грех. Так Бог представляется, по этой теории, не любящим Отцем, но неумолимым Судией, правда же Божия сводится к понятию о необходимости отмщения. Без крестной смерти Спасителя, по схоластическому толкованию, спасение прозойти и не могло бы.

7. — ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ

Эта теория давала повод сомневаться в совершенстве Божественной любви и открывала другие поводы для критики христианской веры. Русская богословская мысль давно заявила, что истолкование догмата Искупления, предложенное латинскими схоластами, как теория сатисфакции, было неточным, в частностях неверным и не могло не вызывать в Церкви некоторых недоумений и возражений. В виду этого великий русский богослов, митрополит Антоний (Храповицкий), проследил богословскую и богослужебную традицию православного Востока и, еще более отчетливо обнаружив несостоятельность латинской схоластической теории, последовательно нашел и сделал явною действительную суть догмата, суть, в которой бьется живая

Примечание: Литература по затронутому предмету находится в следующих книгах:

1) Архиепископ Никон (Рклицкий) **„Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого"**, том 8-ой. Здесь целиком приведено сочинение митр. Антония **„До. мат Искупления"** и некоторые материалы, относящиеся к дискуссии, возникшей по поводу названного сочинения.

2) Протопресвитер Г. Граббе **„Церковь и ея учение в жизни"**. Здесь особенно: 5-ая статья, озаглавленная „Догматика о. архимандрита Иустина", стр. 68-101.

мысль, интегрально представляя учение св. Церкви об Искуплении, как вдохновляющее на подвиг благочестия и как неуязвимое для добросовестной критики.

Необходимо сказать несколько слов, чтобы дать представление о толковании догмата Искупления, предложенном митрополитом Антонием на основании православной богословской традиции и мысли.

— Богъ говоритъ: „отъ всякаго древа, еже въ раи снѣдію снѣси" (Быт. 2:16), объявляя, думаю (как бы так): чрез посредство всех творений возвысься ко Мне — Творцу и от всего собери себе один плод: Меня, Который есмь истинная жизнь; все да приносит тебе плод: жизнь и наслаждение Мною делай себе началом собственного бытия (Иоанн Дамаскин).

Отсюда:

— Первородный грех значит отвержение человеком указанной Богом цели жизни. Целью было: уподобление Богу на основании благообразной души человеческой. Человек заменил эту цель уподоблением дьяволу. Грехом люди перенесли центр своей жизни из богообразной природы и реальности во вне божественную реальность, из бытия в небытие, из жизни в смерть, отошли от Бога и забрели в мрачную и бездорожную даль фиктивных ценностей и реальности, ибо грех далеко оттолкнул их от Бога.

— Целью воплощения Сына Божия было уничтожение первородного греха. В эту цель направле-

на вся проповедь Христова: Покайтесь... Блаженны нищие духом... Возьми крест и следуй за Мною... Возьмите иго Мое на себя... — Уничтожение первородного греха могло бы совершиться и без Голгофы. „Сам Премудрый знал, как устроить наше спасение, хотя бы и не случилось (Иудина) предательства", — говорит св. Иоанн Златоуст. (См. 82-ая „Гомилия" на Матфея).

— Зависть и ложно понятый фарисеями-первосвященниками патриотизм, корыстолюбие Иуды, жестокосердие Пилата, бессердечность толпы и подобные сему стороны событий были орудием, которым диавол воспользовался, чтобы смертью Иисуса Христа прекратить Его подвиг, изгонявший диавола из жизни (Л. 22:3; Ин. 13:2). Принятие крестной смерти Господом было логическим завершением Его поучения. Если бы Он не принял смерти, Он поступил бы вопреки тому, что говорил и тем обесценил бы всё сказанное. Воскресение Христово есть победа Господа над диаволом и его слугами, есть утверждение попрания смерти, через грех вошедшей в мир.

— Одна и та же неизмеримая богочеловеческая ценность проникает всё то, что Христово и потому из этого неделимого богочеловеческого целого нельзя выделить ни одной части и сказать: вот этим Господь Иисус Христос спас мир, искупил род человеческий. Спасительное страдание Христово начинается уже с рождения Его в мир и продолжается до распятия на кресте между двумя разбойниками.

— Крест главенствует только на основании все-

го того, что ему предшествует. Крест есть вершина, совершение (consomacion) пирамиды спасения, но как вершина он зиждется на всём том, что под ним, и что Спаситель вложил в пирамиду спасения словом ли, или мыслью, или молитвою, или вздохом, или чудом, или событием... Основа пирамиды спасения есть воплощение Сына Божия: на нём Господь Христос Своею земною жизнью построил богочеловеческий дом спасения и в верху его поставил крест и воскресение.

— Процесс спасения есть в сущности процесс обОжения человеческого естества с помощью естества Божественного, процесс соединения и телом с Богочеловеком Христом (сравн. Евр. 3:6). А этим достигается: вхождение в вечное царство Господа нашего Иисуса Христа... Отсюда, — спасение есть совершенствование в благодати и познании воплощенного Господа нашего Иисуса Христа.

— Плод искупления это есть открытие возможности для обОжения человека, для приобщения его к новой, благодатной Богочеловеческой жизни, утерянной в первородном грехе.

— Бог есть любовь (I Ин. 4:8), а не гневный каратель, который желал бы удовлетворить Свой гнев, приняв кровь Сына Своего. Это знает Восточная Церковь. Смерть Сына Божия и грех богоубийства не были непременным условием спасения, и не грех Адама, свойственный всему человечеству, возвёл Сына Божия на Голгофский крест. Возвели Его туда сребролюбие Иуды, зависть фарисеев, жестокосердие Пилата, охотно принявшие вложенную диаволом мысль: убить!

Все это должно было здесь изложено для того, чтобы все расхождения между православным миром и миром латинства были поняты ясно; для того, чтобы стало очевидно: какие препятствия должны быть изглажены с пути, чтобы соединение, о котором мечтал папа Иоанн XXIII-ий, о котором молится папа Павел 6-ой могло реализоваться не в порядке подчинения папе, но в духе истины Христовой. О последнем молимся и мы.

8. — О ТЕКСТАХ

(А что, если римские папы правы?)

В наше время, когда лежащий во зле мир почти целиком снял с себя маску религиозной доброжелательности и недвусмысленно воинствует против Христа Спасителя, казалось бы заниматься полемикой было не нужно. Действительно, надо предупредить всякие настроения, способные перевести тему с принципиальной плоскости в область личных обид, причин для которых за всю историю скопилось больше, чем хотелось бы. Взять одну только Брестскую унию 1596 года! Однако, именно острота переживаемого времени заставляет чрезвычайно внимательно отнестись к глубоко принципиальной стороне. Представив её в предыдущей главе, мы должны теперь показать, что латинский мир отнюдь не без резона держится своего воззрения. В самом деле, если римский папа действительно есть непогрешимый наместник Христов на земле, то кто осмелится оспаривать хотя бы одно из мнений им высказанных?

Вопрос о папстве возник еще задолго до разделения, задолго до тех пор, когда Рим создал себе представление о своём превосходстве надо всей Церковью. Мысль о подобного рода главенстве бы-

ла отвергнута Востоком еще в 867 году. И неудивительно. Христианин, всю жизнь читавший св. Евангелие по-гречески, никогда не оказался бы перед мыслью о возможности истолковать известный в этом отношении текст так, чтобы из него можно было извлечь смысл, влагаемый в него латинством. Дело в падежных окончаниях в слове „Петр". Они явны в греческом языке и смысл слова „Петр" поэтому богаче, почему его и нельзя понять в том узком смысле, что придан ему латинским толкованием. Речь идет о знаменитом евангельском тексте беседы Господа Иисуса Христа с учениками, начавшейся вопросом:

„Кого Мя глаголютъ человѣцы быти, Сына Человѣческаго?..."

„За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?....

Текст этот, — Мф. 16:13-20, — достаточно известен, чтобы его приводить. Впрочем, лучше откройте Евангелие и проследите. Со следующей фразы текст приходит к словам Господним: „А вы за кого почитаете Меня?". На вопрос, обращенный ко всем ученикам, Св. Апостол Петр, повидимому от имени всех Апостолов, отвечает:

„Ты — Христос, Сын Бога Живаго".

В ответ на это Господь вновь называет св. Апостола присвоенным ему как бы прозвищем: Петром, что значит камень, и произносит великое обетование:

„На сем камне Я создам церковь Мою,
и врата адова не одолеют ея".

И вот: **православный мир Утверждает,** что Господь основал Свою Церковь на высказанном св. Апостолом (от имени всех учеников) исповедании, что плотник из Назарета, галилейский проповедник и чудотворец, Иисус, есть Христос Сын Бога Живаго, — что Он есть вочеловечившийся Бог и Творец и Судия всего мира, —

в то время как мир латинский утверждает, что Господь создал Свою Церковь на св. Апостоле Петре лично. Подтверждение этому мнению латиняне видят в тут же следующих словах о ключах, обещанных Господом Петру и о **власти вязать и решить.**

На первый взгляд может показаться, что евангельский текст дает одинаковое основание как для одного, так и для дургого понимания, однако, привлечение параллельных текстов **решительно перевешивает** в пользу православного его истолкования, в пользу того значения, что речь идет не о св. Апостоле Петре, как основании Церкви, но о том, что основанием ее является камень его исповедания, — Сам Христос Господь и Бог, истинный Глава Церкви.

Непременно надлежит сравнить след. тексты: Мф. 21:42; Мр. 12:10; Л. 20:17; Пс. 117:22; Ис. 28:16; I Кор. 3:11 и Еф. 2:20.

В этом смысле говорят и древние отцы и учители не только Восточной, но и Западной Церкви.

„Не на Петре, человеке, каков ты, но на Камне, который ты исповедал, на „Мне Самом, как Сыне Бога Живаго" — основываю Я Мою Церковь,

— изъясняет **блаж. Августин** этот текст, и ему вторит другой учитель Западной Церкви:

„Ты скажешь, может быть, что Церковь основана на Петре; но в другом месте показывается, что она основана на всех Апостолах, которые все приняли ключи царствия Небесного" (Мф. 18:18), — говерит **блаж. Иероним,** тонкий знаток св. Писания, ибо он перевел Библию с еврейского яз. на латинский.

В редакции русского богословского журнала **„Церковныя Вѣдомости"** в свое время (1895 г. № 43) было сделано специальное исследование, причем оказалось, что из Отцев и Учителей Церкви, объяснявших слова Господни „на сем камне созижду Церковь Мою", — 44 говорят, что слово „камень" относится не к личности св. Апостола Петра, а к его исповеданию и твердой вере; 16 учат, что под словом „камень" Спаситель разумел Самого Себя; 8 отцев говорят, что основанием Церкви служат все Апостолы. Только 17 древних учителей-толковников слова Господа относят к Петру, но ни у одного из них нет и намека на то, что Апостол Петр есть исключительный наместник Христов на земле, или „князь Апостолов".

Быть может латиняне не очень охотно обращаются именно к этому тексту, когда им нужно доказывать принцип папства. Однако римские католики ссылаются на другой текст, чтобы и этот тогда приобрел нужный им смысл.

Тут у них речь идет о последней беседе Господа с учениками после Славного Воскресения, при море Тивериадском. Во время этой беседы Спаси-

тель троекратно вопрошает св. Апостола Петра: „Любишь ли ты Меня больше, нежели они?" и в ответ на горячий утвердительный ответ Господь говорит св. Апостолу Петру: „Паси агнцев Моих" и еще „Паси овец Моих" (Ин. 22:15-18).

Православная Церковь в этих словах Господних видит, что Господь принял глубокое покаяние св. Апостола, принесенное им после тяжкого греха отречения (Мф. 26:75; Мр. 14:66-72; Л. 22:55-62; Ин. 18:15-17 и 25-27), и теперь восстанавливает его вновь в апостольском чине. Вот из этих-то слов Христовых латинское понимание и извлекает тот смысл, будто тут именно Господь Иисус Христос и учредил папство, поставив св. Ап. Петра пастырем надо всеми Апостолами и сделав его „главою апостольского сонма", как они выражаются. Если заранее воспринять это понимание последней беседы Господней с учениками и от него обратиться к прежде рассмотренному тексту (Мф. 16:-20), то не удивительно будет согласиться с латинянами. Сами же они до такой степени уверены, что иначе и думать не могут.

Так римский папа Пий XII-ый писал: „По установлению Господа нашего Иисуса Христа, вручившего все свое стадо христианского народа Св. Петру, Главе Апостольского Сонма (Ин. 22:15-17), которого Мы являемся недостойным Преемником, Мы обнимаем в Нашей горячей любви все народы... и т. д." (Послание к народам России, 1952 г.).

Если два одинаковых текста, при известной условности, способны вызывать два разных понимания, то очевидно, что эти разные понимания

проистекают от разных причин, лежащих где-то вне обсуждаемого текста. Этой причиной является воззрение на Церковь, понимание её назначения, её сущности, её жизни. Автору этих строк приходилось подмечать, что **у латинян признание верности догмата о римском папе исходит не от евангельского текста, но наоборот: они понимают, что Церковь не может быть без папы. Римский папа есть непременная фигура в Церкви и без него Церковь не может существовать. Отсюда уже и толкование текста.** Следовательно вопрос переносится в иную плоскость, — в плоскость понимания Церкви. Следовательно, надлежит углубиться в этот вопрос и от него уже выводить следствие о правоте или ошибочности как толкования евангельского текста относительно догмата папства, так и верности той, или другой стороны.

9. — О ЦЕРКВИ

Начав в своем месте изложения с вопроса о церковной музыке, мы установили, что линия римского католицизма в церковной жизни идет по пути влияния формы на существо. Мы так же развили понимание предмета о том, что же такое существо духовной жизни, и определили, что православная Церковь от этого существа начинает и им определяет последующие формы. Мы располагаем некоторыми документами, которые подтверждают правильность высказанного расположения направлений. Изложив эти документальные данные, мы рассмотрим и результаты следования той и другой линии в жизни Церкви, откуда уже правильность Православного понимания жизни Церкви и ошибочность латинского выйдет с достаточной очевидностью, чтобы можно было судить и об исходных точках и о последующих выводах, определяемых исследованием предмета наших суждений.

Перед нами текст Рождественского Радио-Послания папы Пия XII-го, от 1951 года. Основным вопросом, трактуемым здесь, является: „отношение Церкви к политике и содействие Церкви делу мира". Высказанная в этом послании воля папы состоит в том, чтобы „человечество, согласуя с во-

лей Божией, стало применять то верное средство спасения, каковым является христианский порядок в мире",... в результате чего оно вскоре увидело бы „фактическое исчезновение опасности даже справедливой войны'" (стр. 17).

„Христианский порядок, как фактор умиротворения, есть по преимуществу порядок свободы. Он состоит в дружном сотрудничестве свободных людей и народов для постепенного осуществления, во всех областях жизни, целей, намеченных Богом человечеству" (стр. 21).

„Мир не может быть обеспечен, если Бог не будет царствовать над вселенной в порядке Им установленном, в должным образом организованном обществе... среди людей,...среди коих церковь, действуя в своей области согласно своему долгу, являлась бы порукою миру" (стр. 24-5).

Следовательно, задача Церкви в том, чтобы организовать христианский порядок в мире. Если вернуться несколько страниц назад, то можно видеть, что именно эта идея разрабатывается в философских недрах Ватикана в развитие схоластики и неотомизма, в осуществление блестящего афоризма иезуита Веригина, который сказал:

— Церковь не для мистики, а для управления миром! (См. журнал „Православная Русь", пасхальный вып. за 1962 г. Статья г-на Парфенова).

— Повинуйся! — говорит Рим своим пасомым.

Не это ли самое имел в виду Ф. М. Достоевский, когда писал в **„Великом инквизиторе"** про иезуитов, что они, приняв меч и порфиру Римского

Кесаря, стремятся к тому, чтобы основать свое всемирное царство на земле, царство, в котором будет достигнут всемирный покой.

„Дело это до сих пор лишь в начале, но оно началось. Долго еще ждать завершения его, — говорит Великий Инквизитор, — и еще много выстрадает земля, но мы достигнем и будем кесарями, и тогда уже помыслим о всемирном счастии людей".

Быть может и Восток, так же, как и латинский мир, жаждет утверждения в мире христианского порядка в государственной жизни народов и тем не менее их позиции в этом смысле совершенно различны. В силу всей структуры своей духовной и церковной жизни, православный Восток во главу угла ставит задачу внутреннего возрождеения. Жизнь православной церкви направлена к тому, чтобы каждый христианин пережил радостный таинственный момент, когда он ощутит в сердце своем животворную теплоту духовно озаряющую его жизнь. „Сыне, даждь ми сердце свое" (Прит. 23-26) — вопиет Православная Церковь ко христианину. Возрождение к духовной жизни, к жизни во Христе, импульсирует человека-христианина к восхождению по пути к совершенству, по пути к вечной жизни, для которой человек сотворен Богом и подготовкой к которой является наша краткая, полная скорбей и смятения земная жизнь. Тогда, живя в духе церковного единения и единства, не только один человек, но и все общество, в зависимости от силы импульса духовной жизни, вкушает благодатную жизнь, и эта последняя, изливая свое

влияние на жизнь государственную, учреждает в ней христианский порядок не в атмосфере права, но в атмосфере любви, и порядок этот образуется случайно и невольно, но не образоваться он не может. Он есть следствие, получаемое из причины, причем причина предпринята совершенно не для получения следствия, но лишь для исполнения воли Божией о человеке.

Вот из каких документов становится очевидной разница в пути и понимании принципа Церкви. В Риме: от формы к существу; от христианского порядка к добродетели. В православии: от духовного возрождения к добродетели, невольным следствием которой является благодатный христианский порядок жизни.

Римский папа Пий XII-ый говорил о мире. Слова его радио-послания пробудили в памяти слова, сказанные на ту же тему учителем православной Церкви, св. Василием Великим. Он учил так:

„У людей не было бы ни разделения, ни раздоров, ни войны, если бы грех не рассек естества. .. Главное в спасительном домостроении во плоти — привести человеческое естество в единение с самим собою и со Спасителем и, истребив лукавое сечение, восстановить первобытное единство подобно тому, как наилучший врач целительными врачевствами вновь связывает тело, расторгнутое на многие части". Вот такое-то единение человеческих личностей — не апостолов только, но всех верующих во Христа по слову их — и образует Церковь, — добавляет еп. Иларион (Троицкий) в своей блестящей работе **„Христианства нет без Церкви"**,

откуда мы и заимствовали поучение св. Василия Великого (См. названный труд стр. 15).

Так вот получается. Если стремиться к миру, то начинать надо борьбою со грехом в истинной церковной жизни во Христе, а не с учреждения христианского порядка жизни в мире. Если начинать с борьбы со грехом, то конечно нужна Церковь, основанная на камне исповедания Петрова, на камне веры, на Христе Спасителе, Господе нашем, Который „Сам искушен быв, может и искушаемым помощи" (Евр. 2:18). Но если прийти к той мысли, что надо учредить христианский порядок, то конечно евангельский текст надо так истолковать, чтобы непременно увидеть в Апостоле Петре „главу Апостольского сонма", чтобы дать ему на Апостольской кафедре такого первосвященника, который был бы **„отец князей и королей, Путеводь всего мира и Наместник Христа Иисуса, Спасителя нашего".** Такова формула, возглашаемая римскому папе при его интронизации.

Если бы кто пожелал посвятить все свое существо такому служению Христу Спасителю, чтобы устранить пропасть, легшую между латинским миром и православным Востоком, он должен был бы прежде всего ответить себе и другим на вопрос:

Есть ли Церковь обруч, скрепляющий и соединяющий клепки, чтобы создать нерушимое целое, или же она есть то нечто, что зародившись в сердце силою Христовой, влечет к полному сплавлению составляющих ее единиц, к превращению всех („О соединении всех" — молится Церковь) не только

в соединенный предмет, но в целокупность во Христе?

Может ли Церковь исполнить своё назначение только воздействием со вне, или это назначение исполняется лишь тогда, когда в глубоком смирении христианин ощущает в себе теплоту и говорит словами пророка: „Согрѣяся сердце мое во мнѣ...".) По-русски сказано: „Воспламенилось...", см. Пс. 38:4).

Римские папы никогда не усумнились в своей правоте. Иначе невозможно было бы кардиналу Умберту явиться в Константинополь, считая себя вправе поучать Восточных патриархов, не мог бы и епископ д'Эрбиньи в ином случае мечтать о покорении под пяту римского папы всей России, а через неё и Азии, не мог бы папа Пий XII-ый считать русский народ „своими овцами", не могли бы и его преемники так примитивно думать, что вопрос воссоединения Церкви решается одним распространением папской власти на весь православный Восток.

Так было. Но пришло время, когда река времен принесла нас к такому течению, где обнаружились издавна заложенные задатки. Еще недавно, рассматривая вопросы догмы и традиции Востока и Латинского мира, можно было увлекаться чистой теорией. Можно было делать те или иные прогнозы и пытаться убедить слушателей по этим предсказаниям. Но теперь время прогнозов прошло. Мы живем во время исполнения пророчеств, и горе тому, кто и сейчас не слышит подземного гула, уже вдалеке рокочущего взрыва, кто и сегодня еще, на-

блюдая молнии, не заботится укрыться от ливня, который вот-вот низвергнется на род сей прелюбодейный и грешный.

Нам приходилось слышать критическую мысль, что не-истинность путей Восточной Церкви изобличается её трагической судьбою, очевидной каждому наблюдателю. Тут имеется в виду, конечно, разрушение Русской Православной Церкви и вместе с этим падение престижа других православных церквей Ближнего Востока. Мысль в том, что если бы стояли в правде, то и устояли бы, а вот без папы римского остались, над ними беда в конце-концов и стряслась. Аргумент это быть может и веский, но впечатление от него ослабевает, если вспомнить, что именно этот же мотив ставился на вид Востоку во времена нашествия Ислама, — можно вспомнить и судьбу Церкви в течение первых веков.

Как выдерживают свое достоинство православные христиане в обстановке гонений богоборческой власти, — то знает Господь Бог, да совесть тех, что оказались между молотом и наковальней, будучи ответственными не только за себя, но и за сохранение церковных святынь. Во всяком случае латинский Запад даже и пальцем не пошевельнул, чтобы помочь православным христианам России, гибнущим от рук воинствующего атеизма, а множество точных данных говорят о доблестном мученичестве Русской Христовой Церкви, и это доблестное стояние в правде Божией служит свидетельством тому, что, когда исполнится Богом поставленный срок, „уцелевшее в доме Иудином,

оставшееся пустит опять корень внизу и принесет плод вверху" (4 кн. Царств 19:30), — да совершится воля Божия.

Иным судьбам подвергался латинский Запад. Если Восток подвергся насилию и разрушительному воздействию Ислама, то латинскому миру пришлось подвергнуться с крайнего Запада вторжению тонкой лживой мысли. Если бы латинский Запад её во-время распознал, её преодолел и подавил, Европа и сейчас радовалась бы жизни во Христе, вкушая мир и благополучие по мере достоинства недостойного человека, всегда впадающего в грех и всегда же восстающего в смиренном покаянии. Но латинский мир к тому времени уже наполнился гордости, предал Восток анафеме и оставшись в одиночестве не сумел справиться с обманом гуманизма. Именно в его среде, в тени готических соборов, из философских построений лукавого человеческого ума родились рассуждения, возвращавшие к язычеству и приведшие к атеистической революции.

Так и теперь. Если на Восток низверглась тягота прямых разрушительных кровавых гонений, то латинский Запад оказался мишенью хитросплетенных влияний лжи, прикрывшейся овечьей шкурой великой правды. Начав умилительными мелодиями о филантропии, о любви к человеку, к человечеству во имя преподанных ему от Бога прав, эта хитросплетённая ложь убаюкала христианское внимание латинян и заставила их ради земного блага забыть об обязанностях вечных, отвергла, отбросила их и поставила человечество на путь отступле-

ния от Христа. Эта судьба латинскаго мира не была бы так страшна, если бы он воспользовался обстановкой свободы, его окружающей, но к сожалению нам не приходится наблюдать именно этого стремления. Руководимый Ватиканом христианский Запад с каждым днем всё больше и больше даёт оплести себя сетями лжи.

Трагедия отделения Рима от Единой Соборной Церкви подходит к страшной развязке. Русская православная мысль, в силу исторических причин обладающая наибольшим опытом соприкосновения с силами антихристианского зла, длительное время надеялась, **что Рим проявит величие духа и, пользуясь своей свободой, пользуясь ещё сохранившимся за ним авторитетом, подымет свой голос в защиту Христовой Правды.** Но надежда эта оказалась напрасной. Мы с ужасом наблюдаем, как Ватикан, в горделивой своей позиции, всё более и более охотно вступает в союз с силами зла, с силами отступления. Видя и зная, что путь этот кончается в пропасти вечной погибели и в предательстве интересов церковной Истины, православная русская мысль хочет остановить стремительный бег Ватикана и, видя возможность несмотря ни на что найти общий язык, пытается вопрошать:

— Quo vadis domine?

10. — QUO VADIS DOMINE?

Православный Восток всегда скорбел о разделении Церкви, происшедшем в IX-XI веках, но скорбь эта всегда усугублялась, когда Ватикан предпринимал ту, или иную агрессию, направленную на то, чтобы подчинить себе Православный Восток. Стоит только, чтобы православный Восток проявил долг вежливости к римским папам, стоит только оказать им почет, как они принимают это за должное, за признание их главенства, в котором они сами нисколько не сомневаются.

Так в конце XVI-го века православные архиереи из Польши обратились к римскому папе, прося рассудить их в качестве третейского судьи, а через 5-6 лет папы уже выбили медаль **"Ruthenis receptis"**. Папы решили, что вся Россия вступила с ними в унию, признав над собою власть, как они считают, наместника Христова и непогрешимого „отца князей и королей и путевождя всего мира". На медали изображалось, как русский человек коленопреклонно целует папский туфель.

В январе 1964 года папа Павел 6-ой оказался незваным гостем иерусалимского патриарха Венедикта. Папу приняли с почетом. Патриарх Афина-

гор даже прилетел из Константинополя на самолете, чтобы приветствовать на Святой Земле римского первосвященника и редкого гостя. Прошёл год и папа уже шлёт восточным патриархам письмо, не лишенное наставительного характера. Забыв, что восточные патриархи имеют грандиозный исторический опыт общения с мусульманским миром, папа Павел 6-ой заботливо указывает им:

„Мы не должны требовать себе подчинения друг от друга" (Письмо к католическим и православным патриархам Ближн. Востока от 5-го января 1965 года).

Исполняется русская поговорка: „Его братом назови, — он на отцовское место садится!"

Когда римские папы говорят о соединении Церкви, они говорят о подчинении всей Церкви себе, своему ватиканскому величеству. Исторический опыт учит нас быть крайне осмотрительными во всех отношениях с Ватиканом. История русской церкви помнит о том, какой след вражды и ненависти пролег вдоль границ между православной Россией и латинской Польшей из-за Брестской унии. Мы не сомневаемся, что и тогда все разрушения, все преследования совершались по научению Ватикана „Ради вящшей славы Божией!". Вот и теперь, когда снова повеяло в воздухе папскими объединительными желаниями, русская православная мысль не могла не принять позиции строгой настороженности.

Когда пролетели первые ласточки, говорившие о том, что папа Иоанн XXIII-ий намеревается со-

брать Вселенский Собор и что этот Собор должен быть Собором Единения, то возникла со всех сторон благоприятная атмосфера чаяния. Чаяния усиливались, т. к. папа быстро зарекомендовал себя, как человек, не склонный во что бы то ни стало держаться за традиции. Стало казаться, что последуют реформы, благодаря которым сближение и даже соединение станут возможны. Ясность в отношении этого сближения определилась не сразу, но определилась она в свое время с тою же надлежашей краткостью и предельной ясностью, с какою папа Иоанн XXIII-ий выразил свое намерение: обратить всю Россию в католичество.

На предшествующих страницах был выяснен вопрос о том, что водораздел, после которого латинство отбилось от общего русла Единой Святой Соборной Апостольской Церкви и ушло на почву, где оно приобрело ряд свойств, чуждых этой Церкви, водораздел, препятствующий слиянию обоих русл Церкви, — есть вопрос о догмате папства. Когда мы слышали о широком либерализме ожидавшегося, а потом уже и начавшегося 2-го Ватиканского Собора, когда там звучало слово „единение" и „единство", когда нас грешных в Риме перестали презрительно именовать схизматиками, изобретши специальный новый термин „отделенные братья", думалось, что отцы 2-го Ватиканского Собора займутся рассмотрением вопроса о папстве в первую очередь, чтобы открыть „отделенным братьям" путь к единению через решение, удовлетворяющее обе стороны.

Собор действительно занялся этим вопросом, обратил на него внимание и в числе одного из

первых своих решений провозгласил такое, после которого ни о каком единении уже речи быть и не могло. Скептики оказались правы. Скептики еще раньше говорили, что Ватикан не может смотреть на догмат о папстве иначе, чем он смотрит и в подтверждение приводили даже цитату из газет. Дело в том, что о Соборе говорилось и до его начала. Архиепископ Сарагосский, Казимир Морсильо и Гонсалес, 4-го октября 1960 года произнес в Буэнос Айресе речь, озаглавленную: „Второй Ватиканский Собор открывает дверь Восточным Церквам". Между прочим изложением мыслей архиепископ Казимир сказал:

„Собор по своей природе будет приглашением к нашим отделенным братьям, дающим себе честь называться христианами, чтобы они вернулись ко всемирному стаду, руководство которым и охранение которого Иисус Христос вверил св. Петру несомненным актом Своей воли".

То есть уже и до Собора из газетного отчета о речи сарагосского архиепископа опытным людям стало понятно, что речь идет не о воссоединении Церкви, но о том, чтобы мы пришли целовать папскую туфлю, однако всё ещё верилось, или, точное говоря не верилось, чтобы Ватикан мог допустить такую нелепицу, как приглашение при закрытых дверях. Все еще думалось, что латинский мир вспомнит о главном препятствии к единению и под влиянием папского либерализма и необходимости единения диктуемого временем, найдёт формулы, хотя бы смягчающие суть и принцип догмата о папстве, чтобы было с чего начать переговоры. И вско-

ре из зал 2-го Ватиканского Собора прозвучала формула, которою дверь для сближения оказалась закрытой плотно, основательно и, повидимому, навсегда.

Ватиканский Собор пересмотрел отношения между епископами латинской Церкви и римским папой и внес здесь какие-то перемены, о папе же самом, **Решением своим от 11-го октября 1963 года Собор заявил, что в силу — а) признания за римским папой его наместничества Христу и б) божественности его избранничества, Ватиканский Собор признал и провозгласил папу во I-х непогрешимым (infalible) в определении вопросов вероучения, и во 2-х стоящим выше Церкви и выше церковного сознания. Папа преподает свое учение: "Ex se, et non ex consensu Ecclesiae" (Лат.), т. е. — „От себя самого, а не от церковного сознания".**

Так прозвучала торжественно произнесенная на Соборе формула, и старая стена, отделившая Рим от православного Востока, явилась перед нами с новой силой, как знак полной невозможности воссоединения латинства с Единой Соборной Апостольской Церковью.

В этой формуле, говорящей о внешнем и видимом, скрывается та самая коренная разница во взгляде на Церковь и на её бытие, о которой говорилось выше: папская церковь есть мирская сила, армия Великого Инквизитора, поставившая себе целью учредить христианский порядок в мире. Это церковь, действующая извне, церковь, чуждая духу Христову, сказывающемуся во внутренней клети

человеческого сердца, и потому неспособная верно реагировать на влияния окружающей жизни.

С момента провозглашения названной формулы, Ватиканский Собор перестал интересовать нас, ибо с этих пор улетучились, растворились в пространстве все надежды на возможность единения. Так тает в жаркий летний день легкокрылое облачко, иной раз белеющее в синеве небес...

Между тем 2-ой Ватиканский Собор задел наше внимание, что заставило не сводить с него напряжённого взора наших наблюдений и чем дальше мы наблюдали, тем отчетливее выяснялось, что, однажды отделившись от Единой Святой Соборной Апостольской Церкви, Рим

— вполне потерял способность воссоединения со Вселенской Церковью и

— устремился по пути, не только чуждому, но совершенно враждебному Христовой Истине.

Далеко ли Ватикан пойдет по пути неправды? Много ли верных христиан найдут в себе нравственные силы, чтобы ради верности Христову пути отвергнуть водительство Рима и вернуться на путь Истины?... Православная русская мысль в ужасе наблюдает пути Ватикана и, зная, что к его гордости обращаться бесполезно, вопросительно восклицает теперь, надеясь, что её тихий голос будет услышан не в Ватиканском гордом уме, но в смиренном сердце верующего христианского сердца латинского мира, и ждет наша мысль, не услышит ли ответа на вопрос:

— Quo vadis, domine?

**
*

С того дня, когда стало ясно, что римскому папе и Ватиканскому Собору нужно не единение в духе любви и Христовой Истины, но подчинение всех римскому папе, думалось, что отцы Собора перестанут и говорить про объединение. Но нет. Название Собора осталось неизменным: его задачей попрежнему было объединение. Когда удалось разобраться в этой сложности, тогда выяснилось, что, собственно говоря имеется в виду, когда речь идет про объединение. Оказалось, что папа воспринял современную идею необходимости объединяться. Объединяются государства, объединяются протестантские секты, объединяются люди по профессиональному признаку, и тенденция эта оказала свое влияние и на Ватикан. Папы решили объединить под свою руку не только православных, но одновременно с ними и протестантов и магометан, а потом оказалось, что папа Павел не прочь даже объединиться и с язычниками. Объединить весь мир под высокой рукою наместника Христова! Задача поистине титаническая и в высшей степени благородная, если бы она исходила из правды.

Но так, как она исходит из неправды, то она и является обречённой на провал.

Впрочем было любопытно выяснить, что же за главная идея стоит за всей идеей этого гигантского объединения? Со временем выяснилось и это, когда по всему миру вновь пронеслось словцо папы Иоанна XXIII-го:

— Aggiornamento!

Вы знаете, конечно, что папа Иоанн XXIII-ий как и все вообще римские папы — итальянец. Неудивительно, что наиболее меткие, наиболее выразительные его слова выходят у него по-итальянски. По сути этого итальянского слова, задача Собора состоит в том, чтобы освободить Церковь от устарелых форм и традиций, дать ей возможность шествовать в ногу со временем, в ногу с современным миром.

„Кто хочет быть другом миру, становится врагом БогУ", — Иак. 4:4.

„Аджиорнаменто" — это „осегодняшнение" Церкви, по нашему бы сказать обновление её приспособление Церкви к тому, что французы называют "temps modern", это есть придание ей такой формы, при которой она стала бы элементом современности, способным поэтому говорить с миром на его языке и призывать его и направлять его к учреждению христианского государственного порядка, о котором не раз было упомянуто выше.

Аджиорнаменто — это желание Царкви стать одним из элементов мира сего, и да не удивится читатель услышав, что даже в среде латинских мирян, известных своим глубоким послушанием клиру и особенно папе римскому, теперь слышится нечто подобное некоему шопоту, в котором удаётся разобрать слова, говорящие о **„ереси модернизма",** как о новой ереси, с которою Церкви приходится встретиться впервые в истории. Этот шопот ещё не достиг той силы, чтобы его можно было наименовать "vox populi", но он есть. Быть может мы и стоим невдалеке от того времени, когда церков-

ное сознание латинского мира, стоящее вне сознания папского, пробудится с достаточной силой, чтобы перестать склоняться перед авторитетом пап?... Не это ли откроет путь к воссоединению Единства Церкви? Кто знает?

„Сила Божия в немощи совершается" (2 Кор. 12:9).

Мы несомненно верим в то, что в своё время верующие христиане действительно вновь соединятся в Единой Соборной Церкви Апостольской, но того, что представляется по намерениям папского Собора, совершенно не видно. Соединения в плане всемирного торжества, ждать не приходится. Помните, как великий пророк Илия удостоился видения Божия: „Не въ трусѣ Господь" и „Не во огни Господь", — „И по огни гласъ хлада тонка, и тамо Господь" (3 Цар. XIX, 12).

Не видится нам, чтобы в результате соединения возникла Церковь, гремящая славой мира сего. Не в такое время мы живём, чтобы этой славы ждать и её добиваться. Все события, развертывающиеся на арене мира, тяжкая поступь всемирной революции, торжественное шествие человека греха и сына погибели (2 Фесал. II, 4), самопревозношение человека и торжество богоотступничества во всём мире, вот явные признаки наших дней, признаки, глядя на которые мы со страхом и трепетом воспроизводим в памяти слова Господни: „Егда сія видите бываюца, вѣдите, яко близъ есть, при дверехъ" (Мар. XIII, 29).

На наших глазах совершается время, когда с огнём в дневное время приходится искать челове-

ка верующего, когда говорить о вере в Бога в общественном месте, не посвященном вере, считается противным нормам вежливости. Это в странах мира, ещё именующего себя миром христианским. В мире же, где торжествует атеизм, говорить о вере значит совершать государственное преступление. Ведь и Господь сказалъ: „Азъ же пришедъ обрящу ли вѣру?" (Л. XVIII, 8).

Эти слова, способные наполнить ужасом душу христианина, растворяются, однако, в радостном обетовании, ибо Господь сказал, что „врата ада" не одолеют Его Церковь (Мф, XVI, 18). Гонимая, лишенная прав, отвергнутая человечеством, Церковь сохранится в каких-то еще не видимых миру формах то полулегального, то нелегального существования. Переживания гонений, притеснений, угнетения, непременно вызовут волну вдохновенного возвращения к вере. Это утверждается опытом России, который явился с возникновением большевицкого преследования Церкви.

Обстановка притеснения Церкви и во всём мире вызовет волну пробуждения духовной жизни и на вершине этой волны явятся ещё неведомые миру движения души, откроются пути духовной жизни, которыми верующие во всём мире обрящут путь к Единой Святой Апостольской Церкви.

Нас останется мало, но верность мы сохраним.

„Буди вѣренъ до смерти и дамъ ти вѣнецъ живота" (Апок. 11, 10).

„Не бойся, малое стадо, яко благоизволи Отецъ Мой дать вамъ царство" (Л. XII, 32).

11. — ЕРЕСЬ МОДЕРНИЗМА

(Аджиорнаменто)

Вот много приходится слышать, что на Ватиканском Соборе столкнулись направления консерваторов и либералов, что между ними происходит глухая борьба, способная повести римско-католическую церковь либо в ту, либо в другую сторону: применить ли широкие реформы, или, не допуская послаблений, требовать исполнения закона по букве. Не наше дело входить во внутрение покои чужого дома. То их дело. Однако, нас не может, тем не менее, не интересовать общая тенденция такого великого и знаменитого собрания наивысшего состава наиболее многочисленной христианской группы в мире. Слова, звучавшие на заседаниях 2-го Ватиканского Сомора, повторялись печатью всего мире, свободного во всяком случае, а часть, несомненно, проникала даже и в коммунистическую печать. Это значит, что высказанные здесь мнения имели бы какое-то отражение и в государственныхъ кругах хотя бы некоторых держав, хотя бы тех, что не отделили себя от римско-католической Церкви. Ведь это слово Ватиканского Собора могло бы иметь большое значение. Но оно не прозвучало.

Пути обращения латинской Церкви на пути мира сего достаточно ярко наметились в ходе 2-го Ватиканского Собора.*) Абсолютно полной картины о 2-м Ватиканском Соборе дать физически невозможно. Нам тем не менее, необходимо бросить взгляд на важнейшие элементы жизни этого Собора, **своими бурными перипетиями увлекающего внимание христианской общественности от центральной темы, которая сегодня должна была бы стоять перед глазами всего мира.**

Значение Собора для всего мира чревычайно велико. Здесь собирается высшая группа иерархии наиболее численной христианской общины, которая пользуется еще вниманием вне-церковной мысли и общественности. Голос римско-католической церкви проникает в весь мир, почему ее слово имеет

---

*) **Примечание,** — Происходящий ныне Ватиканский Собор именуется Вторым в отличие от 1-го Ватиканского Собора, имевшего место в 1869-70 году. 1-ый Ватиканский Собор знаменит тем, что на нем латинство утвердило и провозгласило догмат о непогрешимости римского папы. 1-ый Ватиканский Собор фактически никогда не был закончен, т. к. его заседания были прерваны начавшейся в 1870 году франко-германской войной, события которой захватили Италию. В этом году король Виктор Эммануил завершил давно начатую борьбу за объединение Италии. Он завоевал королевство Неаполь, Венецию и самый Ватикан. Так, 2-ой Ватиканский Собор по мнению многих, является продолжением 1-го Ватиканского Собора. Наблюдения за горизонтом политических событий в мире и удивительная затяжка работ 2-го Ватиканского Собора вызывают нечто похожее на тревогу, — предположение: успеют ли Отцы Собора закончить намеченную работу прежде, чем военные события и этот раз прервут мирный ход заседаний. Никто, как Бог...

удельный вес для всего христианского мира. К сожалению дело обернулось таким образом, что на центральную тему Собора приходится смотреть не с той точки зрения, — о чем говорят отцы Собора, но с точки зрения оценки как того, чтО они обошли молчанием, так и точки зрения оценки самого факта, что столь существенное обстоятельство осталось за пределами внимания Собора.

Центральная тема 2-го Ватиканского Собора лежит не в том, о чем они говорят, но в том, что они обошли молчанием. Это есть вопрос о всемирной революции атеизма, вопрос о том, что нынче человек себя поставил на место Бога. Это вопрос о том, что перед глазами нашего поколения, пока ещё в массе, открывается „человек греха", сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом, или святынею, так-что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога" (2 Фесал. 2:3-4). Правильно оценить папский Собор наших дней можно только глядя через эту именно призму. В отношении к ней и стоит познакомиться с фактами.

2-ой Ватиканский Собор начался по инициативе папы Иоанна XXIII-го в октябре 1962 года. Во время I-ой сессии были только намечены общие контуры, утвержден общий план деятельности Собора и вскоре после ее окончания картина изменилась.

Вознесенный до зенита славы за свою энцикликУ „Пасем ин терис" (На земле мир), римский папа Иоанн XXIII-ий стал испытывать приступы тяжкого недуга и к первым дням июня 1963 года папы не стало. Вопреки обычаю, дело избрания нового па-

пы прошло необыкновенно быстро и обошлось без малейших осложнений. Конклав (он составлялся из 80 человек!) съехался в Рим неожиданно быстро. Чуть не вдруг стало известно, что покойный папа оставил указание о преемнике после себя и по втором голосовании избранным оказался именно названный, — Джиованни Баттиста кардинал Монтини, архиепископ Миланский. Через 18 дней после кончины папы Иоанна XXIII-го кард. Монтини был возведён на папский престол и стал известен, как папа Павел 6-ой.

Павел 6-ой родился в 1897 г. (26 сентября) в семье известного итальянского журналиста и вырос в обстановке комфорта. Газеты встретили его радостно, известив мир, что на папский престол возведен ещё один „прогрессист". Они не ошиблись.

Согласно устава, Альфредо кардинал Оттавиани возложил на главу нового папы тиару, возгласив при этом уставную формулу:

„Прими эту тиару, украшенную тремя коронами, и ведай, что ты есть отец князей и королей, Путевождь всего мира и Наместник Христа Иисуса, Спасителя нашего".

Газетная справка о первом приеме папы заканчивалась так: „В Сикстинской капелле происходила церемония и кардиналы один за другим подходили к папе Павлу, целовали его кольцо и смотрели ему в лицо. Если среди них были такие, кто остался недоволен избранием на папский престол Джиованни Баттисты кардинала Монтини, то они не показывали этого выражением своего лица. Все улыбались..."

Папа, очевидно, тоже улыбался. Он обещал стремиться к единению всех христиан и заботиться о мире во всём мире, хранить верность пути, указанному папой Иоанном XXIII-м, т. е. в частности, как было сказано: **„приспособить Римско-Католическую Церковь к будущим нуждам человечества"**, заботиться о „недоразвитых народах" в этом новом веке, открывшемся в связи с полетами на луну и т. п. и т. д.

Особенно сильное впечатление произвело заявление нового папы, сделанное им в ответ на приветствие бельгийского посла при Ватикане барона Проспера Позвика. Тщательно подбирая слова о властях временного и вечного порядка и об отношении Ватикана к первым, говоря о невмешательстве Ватикана во внутренние дела и интересы, исходящие от временных властей, папа, — как это было понятно журналистами, — открыл, что **Ватикан протягивает руку коммунистическим странам, призывая их улучшить свои отношения со „Святым престолом".**

Папа Павел 6-ой принял все меры к тому, чтобы Собор продолжался беспрепятственно и при нём уже состоялись 2-ая и 3-ья сессии. В ходе 2-ой сессии происходила разработка материала, подготовленного на I-ой. 3-ья сессия представила Собор уже, как довольно ясно выраженный парламент с двумя партиями, недвусмысленно желающими установить свою волю и подчинить ей своих соперников. Тут выяснилась также и необходимость 4-ой сессии. Одни ждут, что на 4-ой сессии будут вынесены решения по всем ранее поднятым вопросам,

другие ждут углубления дебатов. Есть и такие, что ждут неожиданностей, если так можно выразиться.

До сих пор на заседаниях было принято несколько решений. Некоторые из них санкционированы папой, другие ждут его санкции, иные же отложены до 4-ой сессии. Судя по данным, как они стоят налицо в эти дни, если эта 4-ая сессия и внесёт изменения в картину, открывшуюся до сих пор, то коснутся они перестановки мест уже наметившихся слагаемых или сомножителей. И только. Поэтому мы и считаем возможным говорить о Соборе, не ожидая конца заседаний, ибо в рассуждении предмета, более всего привлекающего наш интерес, уже и до сих пор сказано всё.

Напомним, что Собор протекает в условиях секретности. Поэтому обо многом мы никогда не узнаем. То, что известно, есть сведения, объявленные официально или же никогда не подлежавшие секретности.

Открывая речью 2-ую сессию Собора (21 сент. 1963 г.), папа Павел 6-ой поставил **перед отцами** Собора задачу: **„Построить мост к современному миру".** Вскоре стало известно, что Собор обсуждает глубочайшего значения громадный текст, носящий название **"De Ecclesia"** (Де экклезиа), т. е. о природе Церкви. Отрывочные сведения указывают на отдельные главы, носящие название например: „Об откровении", „О религиозной свободе", „Служение Церкви", „О народе Божием"... Серьезность документа потребовала во 2-ую сессию от отцев Собора более интенсивной работы, ради чего даже администрация распорядилась закрыть в часы

заседаний все кафе и бары в Ватикане, чтобы отцы не злоупотребляли отдыхом в их приветливой атмосфере.

Не прошло много времени, как стало известно, что отцы Собора разделились на две группы. С одной стороны консерваторы, а с другой либералы-прогрессисты. В первой группе обилуют итальянцы и испанцы, а во второй американцы (244 епископа из С. Ш. А., Канады и Латинской Америки).

Во время 3-ей сессии уже стали известны и имена иерархов, ведущих как ту, так и другую группу. Среди консерваторов кардинал Альфред Оттавиани (итальянец) и кардинал Фернандо Кирога (испанец). Среди либералов-прогресисстов — Бостонский кардинал Ричард Кушинг, Нью-Иоркский кардинал Франциск Спеллман и к ним же принадлежит престарелый немец кард. Августин Бэа.

По неофициальным, но ни разу не опровергнутым, сведениям основная схема, служившая для начала дебатов на тему „О Церкви" (Де Экклезиа) была составлена в крайне либеральном смысле. Просочилась, напр. такая фраза: (это относительно религиозной свободы).

„Если в своих попытках узнать волю Божию, человек впадает в ошибочное истолкование этой воли, то никакой человек и никакая власть не имеют права склонять его к тому, чтобы он действовал против требования своей совести".

Всякому, кто знаком с основными документами, служащими основой государственного бытия и законности в С. Ш. А., известно и понятно, что тут

действует стремление изображать истину Церкви с точки зрения конституции С. Ш. А. Естественно, что канадцы тоже очень близки этому настроению. Канадский кардинал Лежэ заявил:

„Мы должны утвердить свободу религии тех, кто хотят исповедывать отсутствие религии".

Возникает впечатление, что вопрос о свободе религии предъявил отцам Собора наиболее трудную проблему.

„Церковь должна, — говорил кардинал Кушинг, — занять передовое место относительно религиозной свободы... Наши (прогрессистов и либералов) пожелания и требования можно суммировать в тех понятиях, которые стали важной фазой и традицией американской жизни: вежливое уважение к воззрениям человечества".

(Здесь трудно избежать замечания о том, что супруга Американского президента Франклина Рузвельта горячо отстаивала свободу коммунистической партии в С. Ш. А. именно из принципа вежливого уважения к воззрениям человечества).

„Мы должны, — как бы отвечая Кушингу, говорит кардинал Оттавиани, — исповедывать и защищать католическую веру, даже если это ведет к преследованиям", и ему вторит испанский кардинал Фернандо Кирога. Он настаивает на том, что государственные деятели должны иметь право устанавливать государственную религию.

Хотя ниже об этом придётся говорить пространнее, тут уместно заметить, что Собор был оза-

бочен оправдать евреев в совершённом ими богоубийстве. Так кардинал Августин Бэа в начале заседаний заявлял: „Еврейский народ, как таковой, сегодня нельзя осуждать за виновность, которой он не имеет", а Вестминстерский архиепископ Джон К. Хинэн настаивал на такой резолюции, которая была бы „удовлетворительной нашим братьям евреям". Эти заявления получили более чем благоприятный отзыв со стороны мирового еврейства. В частности, председатель Всемирного Еврейского Конгресса в Лондоне, д-р Наум Гольдманн назвал ожидавшуюся тогда резолюцию „историческим событием высочайшего фундаментального значения для всего христианского мира".

Весьма интересным штрихом в качестве примера настроений консерваторов и либеральных прогрессистов служит их отношение к новейшим методам изучения Библии. Очевидно, тут имеются в виду такие методы, как применение электронного счетчика, например, для изучения лексики той или иной священной книги и проч. Кушинг оказался сторонником этих методов, а ответ на что кардинал Оттавиани замечает, что в них проявляется недоверие к учению, содержимому Церковью исконно, и готовность принять какие бы то ни было новые откровения.

Особенно ярко факт противоречия вышел наружу, когда 12-го октября 1964 г., директор бюро печати американской группы епископов д-р Крузэ' объявил, что группа прогрессивных кардиналов обратилась к папе с просьбой вмешаться в качестве третейского судьи между ними и консервато-

рами применительно к вопросам:

1) о евреях
2) о религиозной свободе
3) о разделении епископами папской власти
4) о политике Церкви в отношении мировых проблем современности.

На другой же день стало известно, что папа заявил себя сторонником прогрессивного епископата.

Несомненно наши источники информации не дали нам картины всеобъемлющей в отношении тематики Соборных совещаний. Точно так же и мы были вынуждены ограничиваться лишь центральными пунктами повестки. Упомянем их лишь вскользь. Говорилось, например, о почитании Божией Матери, о почитании святых, было сделано напоминание, что кроме „чистилища" (места наиболее страшного в понятиях римских католиков) есть ещё и место вечного мучения для грешников. Слово „ад" было обойдено и всюду, где о нём речь шла, было сказано о месте мучений и о мраке. Было ли сделано упоминание о дьяволе, или нет, до нас не дошло. Скорее — нет. Ведь это было бы совершенное противоречие всем идеям прогресса, либерализма и гуманности. Некоторые темы совещаний будут упомянуты на последующих страницах, а некоторым, как напр. вопрос о присоединении к римскому католицизму Православной Церкви и всех протестантских сект, будет уделено специальное внимание. Как бы то ни было, схема текста **„Де Экклезия"** была всё время центральной осью всех проблем. О значении, которое ей при-

дается всеми участниками Собора можно судить по пламенным словам кардинала Франциска Спельмана:

„Эта схема, — говорил он (21 окт. 1964 г.), — повышает новый импульс. Новый диалог. Настоящий ведущий свет для наших мыслей и надежд... Мы желаем помочь всему человечеству, чтобы оно могло надлежащим образом смотреть в лицо предлежащим ему проблемам и встретить их должным образом".

Слышались горячие призывы — взяться за проблемы, тревожащие человека в эти дни, в наше время все более разрастающегося человечества, недостатка в пище, в наше время расовой борьбы, коммунизма и атомной войны.

Вот какие темы волновали пастырей Христова стада в то время, когда по всему миру „волки расхищают овец и разгоняют их" — (сравн. Ин. 10:12).

Наконец, папа санкционировал три декрета: 1) о том, что римским католикам разрешается соучаствовать в молитве с другими христианами, 2) о том, что епископы соучаствуют с римским папой во власти управления Церковью и 3) о признании действительности брака между католиками восточного обряда и православными, если венчание совершено православным священником.

Сессия уже заканчивалась, когда прогрессивные епископы вновь обратились к папе с прошением, в котором они, — „почтительнейше, но настоятельно, весьма настоятельно, с максимальной настоятельностью", как говорилось в этом документе,

просили папу провести еще в ходе этой сесси голосование по поводу религиозной свободы. Однако, несмотря на всю свою прогрессивность, папа Павел 6-ой оставил их петицию без ответа, обещав только, что 4-ая сессия начнётся прямо с обсуждения этого вопроса.

Третья сессия закончилась и в итоге её работ наблюдатели из лагеря всемирной печати записали папе Павлу 6-му на дебет **грандиозные сдвиги в области аджиорнаменто.** Есть тьма охотников делать прогнозы о том, чья сторона возьмет верх на 4-ой сессии. Есть и такие, кто, вспоминая пример папского Собора 1870 года, обещают и нынешнему папскому Собору, что ему не удастся довести свою работу до конца, так как начнется война.

Оставим это в области неожиданностей, о которых было говорено раньше. Что же касается спора между либералами и консерваторами,... то как бы любопытно ни было видеть исход, надо понимать, что суть дела от этого не изменяется.

Вот говорят о модернистах. Но дело не в том, что 2-ой Ватиканский Собор разрешил допустить пользование родным языком верующих при совершении некоторых богослужений. Конечно, это не консервативно. Конечно, это отступление от латыни. И тем не менее введение родного языка верующих в богослужение не есть модернизм, но логическая необходимость.

Или говорят о консерваторах, что они не замечают, что верующие оказались в таких условиях жизни, при которых древние правила способны вы-

зывать лишь более глубокие травмы. Вы помните слова „Великого Инквизитора" у Ф. М. Достоевского, когда тот говорил: „Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей...". Тут не о консерваторах или модернистах речь. Ватикан давно озабочен тем, чтобы избавить стадо людское „от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного".

Дело не в том, что для латинского духовенства допущено ношение „полугражданской" одежды. Конечно, традиционный вид священника в сутане производит более торжественное впечатление. Но не смешно ли выглядит тот же священник, когда он вынужден бежать к автобусу?...

Счет подобных пунктов столкновения модернизма с традиционализмом можно продолжать очень обстоятельно. Но не это интересно. Важно другое. Важен самый факт стремления идти на соприкосновение и диалог с современным миром, причём делается без соблюдения важнейшего условия. В чём оно? **Прежде, чем вступать в соглашение с современным миром, надо дать себе отчет, что же он собою представляет!** Ватиканский Собор этого не сделал. А разве прилично вселенскому Собору самого многочисленного и самого высокопоставленного христианского общества пройти мимо вопиющих явлений современности?

„Смотрите, что творится в мире: всюду безверие, всюду наносится оскорбление Существу Безконченому, Всеблагому; — говорил русский святой праведник о. Иоанн Кронштадтский, — повсюду

хула на Создателя, всюду дерзкое сомнение и неверие, неповиновение; повсюду в мире вооружение и угрозы войною; во многих местностях России и других странах острый голод; повсюду угрозы смертью, повсюду убийства, всюду расхищение казны и частной собственности; повсюду потеря стремлений к высоким духовным интересам, ибо весь почти интеллигентный мир потерял веру в бессмертие души и вечные её идеалы, или стремление к богоподобному совершенству, о котором Господь говорит: „будтье вы совершенны, как совершен Отец ваш небесный" (Мф. 5:48); повсюду одно стремление к удовлетворению животных страстей; алчность к корысти, и обогащению хищническим способом; огульное пьянство, разврат, неуважение брачных союзов. Смотрите и сами судите; мир окончательно растлел и нуждается в решительном обновлении, как некогда через всемирный потоп. Наступили последние времена"... Эту проповедь о. Иоанн произнёс на Новый Год, когда начинался 1908-ой. С тех пор эти же явления продолжают растлевать мир. Они усугубились и проходить мимо них, словно бы не замечая их главной причины, значит проявлять либо полную духовную слепоту, либо безразличие. Если св. праведный о. Иоанн Кронштадтский, приходский пастырь, 50 лет тому назад лишь обличал названные им явления, то не был ли обязан своим христианским долгом Вселенский Собор теперь поднять весь христианский мир на борьбу за поруганную современным миром Правду Божию? Конечно, был обязан. Но что услышал христианский мир от Ватиканского Собора? — Аджиорнаменто!

Исследуя названные выше явления современности, каждый трезвый наблюдатель неизбежно приходит к одинаковому выводу относительно их коренной причины, причина же эта, судя по всем голосам современной общественной мысли, как внехристианской, так и христианской (за ничтожным исключением), остаётся в тени. Заботы о том, чтобы поставить её в центр внимания, нет, если не считать, что об этом в меру своих малых сил постоянно громко говорит общественная мысль русского народа, находящегося на свободе. Суть явления, о котором идёт речь, состоит в том, что **современный мир переживает процесс Всемирной Атеистической Революции.** В силу этого какие бы то ни было отношения между Церковью и современным миром, то есть всякое установление позиции Церкви по отношению ко внешнему миру сегодняшнего дня, должны начинаться с установления своего отношения к революции атеизма. Если бы руководымый римскими папами латинский христианский мир стоял в правде, то Вселенский Собор Римско-Католической Церкви не мог бы обойти молчанием предмет этого заявления. Вместо этого папа Павел пригласил Собор установить тесный контакт с этим миром в том виде, каким он является сегодня: Аджиорнаменто!

Дело здесь обстоит довольно просто и узел распутывается, лишь только будет принята во внимание ложность позиции, в которую попал папский престол со времени своего отделения от Вселенской Церкви, с тех пор, как папа занял положение „князя князей, короля королей и путевождя всего мира" — как это читается в ватиканской формуле

инторнизации пап. Папство превратилось в государство, которому другие государства подчинялись. Ведь все европейские короли получали корону из папских рук. После французской революции папа оказался в руках у Бонапарта. Корсиканец не пожелал принять корону из папских рук и надел её на себя сам. В окружении множества других обстоятельств, папство оказалось вынуждено признать власть революционных правительств, а атеисты Гарибальдийцы едва не лишили пап даже и того маленького кусочка земли, на котором ещё можно было думать о государственном существовании Ватикана. Папский престол оказался в договорных отношениях с правительствами, вызванными к жизни революцией, в свою очередь явившейся плодом атеизма. **Так папство состоит в конкордате с атеизмом и не осмеливается поднять своего голоса против него.**

(Примечание: Каррикатурное подобие этому, хотя и полное глубокого трагизма, приходится наблюдать в Москве. Здесь, находясь целиком во власти атеистического правительства, которое явным декретом (23 января 1918 года) поставило Русскую Православную Церковь вне закона, лишила ее всех прав и состояния и легализировало физическое уничтожение Церкви, Русская Православная Церковь просто оказалась в руках большевицкого революционного произвола и в положении полной беззащитности. Поэтому неудивительно то, что русские иерархи, ответственные перед Богом и совестью за сохранение святыни Церкви, подписывали и подписывают противоречащие смыслу документы за одно лишь обещание большевицкого правительства не применять изданного большевицким правительством закона. Там мы имеем дело с мертвой хваткой произвола ленинской власти, притом, что Церковь абсолютно беззащитна. Не явно ли, что когда митр. Никодим, явившийся на Родосское совещание, заявил, что совещание должно обойти молчанием вопросы борьбы с

атеизмом, он ждал, что свободные Церкви отвергнут это представление?... Не ясно ли было, что митр. Никодим явился в Родос со связанными руками?..)

Находясь в центре внимания всемирного общественного мнения и пользуясь абсолютной свободой, открытой каждому в демократическим мире, нынешний Ватиканский Собор конечно должен был предъявить всему миру страшную правду об атеистическом происхождении революции, открывшей широкий путь силам зла, от которых так тяжко страдает современное человечество.

Страшно подумать, что может быть и Ватиканский Собор руководствовался в своем молчании относительно атеизма тоже молчаливым уговором, указанием, намеком, что всякое касательство острой темы об атеизме может повлечь тяжкие последствия для Церкви и её святыни? Страшно подумать, что это может быть так и есть. Как бы то ни было, христианский мир ждал, что Ватиканский Собор изобличит главную пружину зла в сегодняшнем мире: атеизм. **Он этого не сделал.**

12. — РЕВОЛЮЦИЯ ПЛОД АТЕИЗМА

„Аджиорнаменто", т. е. постановка Церкви на почву реальности сегодняшнего дня, прежде всего требует выяснения связи между революцией и атеизмом. Надо знать, что революция есть плод атеизма и всякое одобрение революции есть косвенное одобрение атеизма, согласие с ним.

У нас принято ужасаться по поводу гонений на Церковь, учиняемых каждой революцией. Французская революция открыла путь гонений на Церковь в ходе событий новой истории. Подобная картина наблюдалась и в Италии. Русские декабристы изучали вопросы борьбы с Церковью, а „шестидесятники" её вели мыслью и словом. Революция в Испании (1932-7 гг.) связалась с кровавыми гонениями на Церковь. Но дело идёт глубже. Все революционные правительства непременно отделяют Церковь от государства и ни одно из них не позволяет Церкви переступить порог школы, чтобы дать детям религиозное воспитание. Нужно ли упоминать о кровавых гонениях на Церковь в государстве, устроенном большевиками на развалинах России?

Большевики заявляют, что преследуют Церковь за то, что она была оплотом самодержавия. Одна-

ко, несмотря на то, что эта причина ушла в историческую область, ожесточенная антирелигиозная и антицерковная работа советских правительственных органов продолжается неослабевающим темпом. Большевизм ведёт борьбу против Церкви не на жизнь, а на смерть. Не было, нет и не может быть революции, которая не насаждала бы атеизм, прибегая для этого то к жесточайшим, то к мягким мерам (в зависимости от интенсивности религиозного чувства в народе). Американская демократия запретила чтение молитвы в школе. Во всём демократическом мире государственная жизнь ведется так, словно бы Бога нет (Religion ist Privatsache!), в государственной школе преподавание Закона Божия устранено и не допускается ни под каким видом, а в странах большевизма оно карается по всей строгости уголовного законодательства. Нужно ли еще говорить что бы то ни было, чтобы установить очевидность союза и прямой связи между атеизмом и революцией?

Понять дух современности, к которой римский папа решил обратиться можно только постигнув эту связь. До тех пор, пока она не постигнута, человек не располагает достаточно верной ориентировкой. Итак, — в чем же эта связь?

Причина антирелигиозной настроенности всех революционных правительств лежить в том, что все без исключения революции являются порождением атеизма.

Суть и корень революций состоят не в интересах угнетённых масс, которые через революцию якобы свергают с себя узы, приобретают права,

отвечающие их достоинству и обретают благополучие. Суть революции вовсе не в том, что с престолов низвергаются монархи, не в том, что общество устремляется к свободе, равенству и братству, не в том, что в целях этой идеи осуществляется не знающая меры жестокости ломка общественных взаимоотношений, не в том, что учреждаются новые сословные и новые экономические отношения и системы, и даже не в том, что насильственно осуществляется переоценка ценностей, в силу которой преступление и безнравственность возводятся в положение добродетели. Ведь это тоже непременно сопутствует всякой революции и даже предшествует ей. Но не в этом все-таки суть. Это все только отражение сути революции. Это все только её орудия, инструменты её осуществления и её прямые или побочные последствия.

Суть революции состоит только в атеизме.

Генеалогически революции, как к своему началу, восходят не к древнейшим или не столь давним восстаниям рабов, недовольных своей судьбою, — но к аллегории **восстания Прометея против Зевса.** (Вы обращали внимание на особенную любовь, питаемую революционерами к Прометею?). Здесь идея, оправдывающая акт, которым сотворенное ничтожество присваивает себе право действовать вопреки воле и указанию, исходящим от всемогущего величия творца. Здесь языческая аллегория той истины, что так ярко описана у св. прор. Исаии:

„Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю попиравший народы. А говорил в

сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему. Но ты низвержен в ад, — в глубины преисподней. „(Ис. 14:12-15).

В христианском обществе и государстве живо понимание той истины, что пирамида властей, пирамида подчинения и господства, венчается Престолом Божиим, Престолом, где во славе восседает Господь и Бог всяческих, Творец мира и Судия. Мысль атеистическая обрезает эту пирамиду, после чего **человек становится высшей ценностью.** С этого момента, т. е. „оказавшись" высшим существом, человек приобретает совершенно иной взгляд на свое положение в мире, на свое отношение к себе самому и себе подобным, и его права и обязанности предстают перед ним в совершенно ином виде.

Человек начинает мнить себя всемогущим владыкой мира, что и толкает его отвергать всякую власть, стоящию над ним и выше него, и исполняться справедливым негодованием по поводу того, что есть кто-то, кто почему-то позволяет себе делать ему указания и наставления и требовать от него исполнения. Представив себе себя высшим существом мира человек, вместо того, чтобы шествовать путем, указанным ему Богом для собственного же блага человека, этот возгордившийся человек, подняв голову и самоуверенно указуя перстом в пространство, указывает миру путь, которым мир должен идти, и человечество впадает в море бед, ибо: „Кто восставал на Бога и оставался в покое?" (Иов. 9:4).

У кого нет Бога в сердце, у того нет и царя в голове.

Эта фраза не лишена иронии, ибо у нас именно про глупца говорится, что „у него нет царя в голове". Однако, идея этой фразы идет гораздо глубже. Отвергнув Бога, человеческий ум теряет способность ощущать смысл монархии, — формы власти, исконно свойственной христианским государствам и коренящейся в готовности человека действовать в согласии с волей Божией и в покорности ей. Обезбожевший человеческий ум не способен видеть в монархии того, что она есть. Тогда он видит в ней только то, в меру чего достигают его собственные представления о положении властителя. В монархии прельщенный атеизмом ум видит только тиранию, т. е. не обоснованную ни на каком законе и полную своекорыстного произвола власть одного человека надо всем населением, надо всем народом. Но мало того, что с возникновением этой превратной картины у человека „кипит разум возмущенный". Этот разум берётся за задачу объяснения принципов власти вне Бога. (Но Господь Бог от праздномыслия вольнодумцев быть не перестал).

Отвергнув Бога праздный разум атеиста измышляет, якобы источником власти является народ. За каждой человеческой личностью он узаконивает право на земной эгоизм, право на достижение счастья (разумеется земного, ибо вечного блаженства атеисты не признают), а назначение власти обезбожевший ум видит в том, что она обязана удовлетворять желаниям человеческого эгоизма, ибо не от народа ли власть черплет свои полномочия?. Беззаботно и безответственно человек измышляет организацию власти, устанавливая ей три

фукции: законодательную, исполнительную и юридическую. Дальше ум приходит к решению проблем государственного бытия и узаконивает тоталитаризм и произвол государственной власти. (Локк, Руссо, Монтескье, Гегель).

У кого нет царя в голове, тот способен слушать и исполнять любой совет, не подумав о том, — Кто советник? — Лишь бы совет нравился. А как не понравиться, если в нем узаконивается **мое** право делать то, что **мне** хочется и если по учению этого совета **„мне** все подвластно, я же — ничему!".. И никому не пришло в голову призвать господ „энциклопедистов", „иллюминатов" и проч. и проч. и проверить их документы: имеют ли они право изрекать аксиомы? Европейская общественная мысль уже глубоко была увлечена „философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу" (Кол. 2:8).

Разве могли бы все известные миру праздномыслители, все эти локки, канты, монтескье, вольтеры и им подобные, — разве они могли бы додуматься до своих измышлений, если бы они верующим сердцем всегда созерцали Бога, словно Он рядом с ними? (Пс. 15:8). Но вот они Бога отвергли... и Он предал их нечистоте в похотях их сердец (Рим. 1:24). У всего европейского общества, начавшего считать себя культурным, закружилась голова. У человека изменилась точка зрения на мир, на родину, на семью, на себя самого.

Посмотрев на мир с этой новой точки зрения человек и не может не переоценить ценности, и вот тО, чтО прежде мыслилось, как порок, теперь то

ли оправдывается, то ли возводится в добродетель. Атеисты садятся за изобретательство экономических систем и систем социальных в убеждении, что учреждение их создаст общественные взаимоотношения, непременно обещающие человеку полное торжество над миром. Пишутся декларации, манифесты... и все это во имя блага человечества. Вот уже находится и масса, страстно рвущаяся к осуществлению намеченных программ, и ей указывают на препятствие. Тогда, возмущенная злом, стоящим на пути к уже очевидному благу, толпа вырывается из под контроля и с криком: „А ла латерн!" во имя свободы наполняет тюрьмы, во имя равенства сажает на престоле тирана и во имя братства заливает эшафоты гильотин потоками крови. Престолы, удерживающие нормы прошлого, низвергаются и осуществляется не знающая меры жестокости ломка господствовавшей до тех пор культуры, цивилизации и обычаев.

Религия и Церковь при этом подвергаются искоренению, и совершается это искоренение не столько потому, что они стоят препятствием на пути революции к её цели, — в гуманистических интересах устроить новый экономический и социальный порядок, — но потому, что религия и церковь, живущие в полной своей силе, превращают всякую революцию в незачатого младенца. Действительно, при господственном положении церковного сознания в уме человека, само возникновение революционной мысли оказывается физически невозможным. Как не может женщина родить дитя, не будучи беременною, так в верующем церковном обществе не может быть революции. Здесь, в церковном об-

ществе, зло потопляется в добродетели и мятежники не находят точки опоры, чтобы даже призвать к мятежу.

В атмосфере, где господствует учение о грехе, об Искуплении, об ответе на Страшном Суде Христовом, речь о правах гражданина и человека не может ни звучать, ни иметь сколько нибудь существенного резонанса. Общество, знающее, что „существующие власти от Бога учинены" (Рим. XIII:I), не может породить мысли, будто бы правительства приобретают власть от управляемого народа. Для того, чтобы ум мог с согласием воспринять мысль о том, что власть исходит от народа, он должен быть свободен от понятия о Боге. Если он и будет еще причислять себя к верующим, то вера его и Бог будут у него стеснены в области частной его жизни, т. е. его общественная мысль будет атеистической, безбожной. Так атеизм предшествует революции, сопутствует и последует ей и вне атеизма никакая революция мыслима быть не может. Признать законность революции значит признать законность атеизма.

Все революции осуществлялись во имя человека. Все революционеры (даже из лагеря, именующего себя, подчас, антикоммунистическим) подписываются под словами **Карла Маркса:**

„Человек есть для человека высшее существо"

(См. в его „Критике философии Гегеля).

Все революции начинаются в атеизме и вот именно поэтому все революционные правительства теми или иными мерами уничтожают религию и

Церковь. Исключения нам не было дано видеть, несмотря на горячее желание найти, хотя степени со-существования с религией весьма различны. **Поскольку всякая революция изначально исходит из атеизма, все то, что является результатом революции, не может относиться к религии иначе, как отрицательно.** Все те отчаянные обстоятельства, которые характеризуют современность, происходят из того источника, что вместо богопочитания современность учредила человекопочитание, поставила человека на пьедестал божественности, отвергла вечность и ответ перед Богом,

Восстать в борьбе за Правду, за Истину Христову, чтобы разрушить сеть порока, оплетшую современный мир, значит разрушить суеверие атеизма. С этого и надо начинать. Но разрушить это суеверие, значит восстать против революции, значит вступить в конфликт с современностью. Для этого нужен героизм.

За неимением героизма латинскому христианскому миру предложено аджиорнаменто. Дано задание от римского папы: „Построить мост к современному миру". Ложное положение, в которое поставил себя Ватикан с тех пор, как он присвоил себе своё мнимое первенство, поневоле увлекло его на пути компромисса с революцией.

В своё время папы не воспользовались тем авторитетом, которым они тогда еще располагали, чтобы довести до сознания общественной мысли, насколько глубоко по существу Христианская Церковь осуждает революцию, насколько она неспособна к со-существованию с нею. Да и как иначе? При

встрече с Бонапартом, при столкновении с Гарибальди, папы оказались в одиночестве. Отступать им было некуда. Им пришлось идти на мир.

Между тем создавалась обстановка демократии, организованная гуманитаристами, человечество шло своим путём и лозунги, повторенные много раз, стали казаться истиной. Слова о „свободе, равенстве и братстве" стали звучать возле папских знамён, а так как демократии не вели физического уничтожения Церкви, то симбиоз привёл и к возникновению общих интересов. Пришло к тому, что открывая 2-ую сессию Ватиканского Собора, папа Павел 6-ой призвал Собор **„Проложить мост к современному миру"** (Речь 29-го сент. 1963 г.).

Судя по реляциям печати, Ватиканский Собор с удивительной добросовестностью устремился по пути „осегодняшнения". Временами казалось, что цель Собора состояла во внедрении в понятия латинского христианского мира принципов и идеалов Организации Объединенных Наций. Борьба за мир во всём мире, лозунги пацифизма почти не умолкали, а на заседании 20 октября 1964 г. Собор прямо занялся такими проблемами, как рост населения в мире, недостаток питания, расовый вопрос и в очень своеобразных тонах трактовалось отношение к коммунизму (о чем будет сказано ниже).

Однако, столкнувшись с проблемами сегодняшнего дня, отцы Собора ни одним словом не обмолвились о том, что христианский мир должен защитить св. реку Иордан от посягательств нехристей, желающих изменив её течение разрешить проблемы питания у себя дома. (А эти проблемы могут быть решены иными путями).

Однако, столкнувшись с проблемами сегодняшнего дня отцы папского Собора ни словом не обмолвились о кровавых и кощунственных гонениях на Церковь во всех странах, где государственная власть оказалась в руках крайне левого якобинства, т. е. ленинского большевизма.

Однако, столкнувшись с проблемами сегодняшнего дня, отцы папского Собора молча прошли мимо всего того, что является причиной фактов, разлагающих Церковь, отнимающих у неё словесных овец и развращающих внешний мир мыслью о том, что выше человека на земле нет ничего!

А между тем, фактом сегодняшнего дня являются вот какие мысли, открыто разбросанные по страницам самых разнообразных изданий:

„Мы живем в дехристианизированном мире, в котором человек уже не находит Бога и не считает себя зависимым от Него".

„Никаких грехов против Бога быть не может. Правящие должны прилагать все усилия к тому, чтобы жизнь была лучше для живущих сегодня, а не для будущих поколений.

„Если христианство хочет продолжать существовать, оно должно радикально пересмотреть свои традиционные формы"...

За первые три сессии 2-ой Ватиканский Собор по всем этим вопросам не сказал ни одного слова, словно бы эти стороны жизни современного мира его не касались. Очень жаль.

13. — НА ЗЕМЛЕ МИР

Впрочем нет. Именно касались. Именно в этом смысле латинская иерархия и ведёт свою деятельность. Желая продолжать своё существование в условиях безбедного благоденствия, латинство занялось радикальным пересмотром своих традиционных форм. Аджиорнаменто.

Не ожидая, чтобы правящие политические круги заботились о благоденствии народном, папство само стало прилагать все усилия к тому, чтобы жизнь становилась лучше сегодня, сейчас, сию минуту для нашего поколения. Если его предшественник, папа Пий XII-ый, только намекал на осуществление „христианского порядка в мире", на подобие того, о чем мечтал Великий Инквизитор у Ф. М. Достоевского, то папа Иоанн XXIII-ий уже смело внедряется в область социального планирования, в своего рода социал-утопизм XX-го века.

Папа Павел 6-ой напрасно требовал „построить мост к современности". Заботу об этой постройке давно взял на себя его предшественник папа Иоанн XXIII-ий. Это особенно ярко выразилось текстом его нашумевшей энциклики, озаглавленной **„На земле мир"** ("Pacem in terris"). Она была выпущена на Страстной Неделе 1963 г. и получила от всего

современного мира никогда ещё не виданную поддержку, **"publicity".**

Пасхальная энциклика папы Иоанна XXIII-го в 1963 году обращена к духовенству и мирянам, принимающим папское благословение, и одновременно ко всем людям доброй воли. Введение говорит о порядке, установленном Творцом во всем мире, после чего рассмотрен и порядок, которому должно подчиняться человеческое естество и человеческое общество. 1-ая часть текста трактует вопрос прав и обязанностей человека. Папа стремится идти в ногу с веком, ради чего он откликается даже на такие темы, как борьба с колониализмом. Этот раздел заканчивается так:

„И когда отношения в общежити установятся в смысле прав и обязанностей, перед людьми тотчас же откроется путь в мир ценностей духовных, которыми являются истина, справедливость, любовь свобода, и они (люди) тогда сознАют себя сочленами этого мира... Благодаря этому импульсу они окажутся на пути, который даст им лучшие возможности познания истинного Бога, то есть личного Бога, стоящего вне материального мира и выше него. В силу этого они поймут, что они обязаны будут поставить свои отношения в зависимость от священного, что и даст твердую основу их жизни в смысле как индивидуальном, так и общественном".

Следующий раздел посвящен рассмотрению отношений между людьми и властью в различных политических и общественных группах. Он начинается с апостольских слов, говорящих о том, что

всякая душа должна повиноваться властям предержащим (Рим. XIII, I-6). Приводится толкование св. Иоанна Златоуста, после чего автор переходит к рассмотрению обязанностей властей, имея в виду равенство между людьми. Тут он излагает учение, как он говорит, — „вполне способное согласоваться со всяким видом подлинно демократического режима".

(**Примечание.** Как именно папа находит возможным согласовать христианское учение о власти с демократическим, нам не было дано понять. По имеющимся у нас данным они согласованы быть не могут, хотя бы иногда между ними и было возможно сожительство, симбиоз. **По христианскому учению власть исходит от Бога.** Об этом и св. Апостол говорит в цитируемом папой тексте. **По демократическому учению власть исходит от народа** — факт, записанный в бесконечном числе высказываний всех выдающихся деятелей демократии).

Намеченная папой схема власти направляется к цели общего блага и с этой целью в последующих строках излагается целая социальная система. Здесь говорится и о распределении функций власти (законодательная, исполнительная, судебная), говорится о том, что люди, в руках которых оказывается государственная власть, должны иметь ясные представления об источнике её, о том, что соучастие граждан в общественной жизни зависит от степени развития страны и т. д. и т. п. Если в первой части энциклики папа говорит, как духовное лицо, то в данном разделе его лексика крайне сходственна с лексикой ораторов Организации Объединенных Наций и авторов социальных утопий конца XVIII-го века. **В общем читатель оказывается перед планом создания рая на земле.**

В III-м разделе папа переходит к рассмотрению отношений между государствами. Носителям власти делается напоминание о значении их обязанностей, после чего указывается, что отношения между государствами должны определяться истиной, исключающей приложение расизма, абсурдность которого тут же тщательно доказывается. Уделено внимание судьбе национальных меньшинств, взаимоуважению между государствами, сказано о необходимости соблюдать равновесие между народонаселением, территорией и капиталом и не забыт вопрос о политических беженцах.

Рассмотрев множество проблем, волнующих деятелей Организации Объединенных Наций, папа переходит к проблеме разоружения. В этом разделе папа напоминает, что он выступает в качестве наместника Христова на земле, — наместника того Христа Иисуса, Который есть Спаситель мира (вселенной) и устроитель мира (тишины). Тема о международном мире, разумеется, разрабатывается папой во всех подробностях и разговор о ней ведётся, словно бы по нотам ООН. Не забыто наше атомное время и, напомнив о том, что вопросы войны должны и могут разрешаться путем переговоров, папа настоятельно говорит, что „является абсурдом утверждать, что война может быть средством восстановления нарушенного права".

„Но мир останется пустым звуком, если он не основывается на том порядке, что намечен в этом документе (имеется в виду божественный порядок, о котором говорилось во вступительной части), — с надеждой, основанной на истине, в порядке, по-

строенном на основе справедливости, оживлённом и одушевлённом любовью и введённом в дело свободой".

4-ый раздел углубляет предмет. Сказав довольно о независимости государств, папа переходит на платформу интернационализма.

„В силу требований, предъявляемых этим самым моральным порядком, было бы желательно создать общественную власть во всемирном плане". Не решившись призвать прямо к созданию мирового правительства, папа приходит к Организации Объединенных Наций, которую он и рекомендует именно в том виде, как она была создана в июне 1945 г. Рузвельтом и Сталиным... „Поэтому, — пишется в энциклике, — мы живейшим образом желаем, чтобы Организация Объединенных Наций неуклонно совершенствовала свою структуру и свои средства, чтобы они отвечали широте и благородству целей этой Организации".

Заключается энциклика тоном пастырского характера. Говорится о моральном состоянии людей и о том, что действительным мерилом прав и обязанностей может быть только Церковь. Папа пишет:

„Пусть никто не забывает, что именно Церковь сопоставляет право и обязанность не только в плане принципов веры и морали, но блюдет это сопоставление и тем, что властно предписывает своим чадам меру этих отношений в сфере временной жизни, когда речь идет о приложении этих принципов к жизни практической". Взяв эту точку

в качестве исходной, папа переходит к поучению о борьбе со страстями и в призыве своем восходит в мир невещественных духовных отношений. Еще раз напомнив, что он выступает в качестве наместника Иисуса Христа, папа приводит библейские тексты, именующие Христа Спасителя „Князем мира" (Ис. 9:6) и указывает, что „Он, — т. е. Христос Спаситель, — есть мир наш" (Еф. 2:12-17) и возвращается снова к деятельности Организации Объединенных Наций, так словно бы это учреждение имело какое-то отношение ко Христу.

(„Не пріемли имени Господа Бога твоего всуе", — говорит закон! — Исх. XX-7).

Итак, в наше непомерно тяжкое для **Церкви Христовой время римский папа не произнес ни одного слова для возбуждения или поощрения борьбы против наступающего атеизма.** Энциклика написана так, словно бы не бывало большевицкой власти, **этого организатора** систематической работы **по преследованию и искоренению Церкви, и если чего хочет папа, так это мира с врагами Христовыми.**

Имея перед глазами послания трех пап и видя в них единый лейтмотив, мы удивляемся настойчивости, с которою Рим упорствует в своем ложном понимании Церкви. Для каждого из пап Церковь есть учреждение, **способное Установить точные пРава и обязанности народа, откуда уже должен открыться пУть к духовно-творческой жизни** народа и урегулированы правовые отношения. Видно, глубоко прав был Ф. М. Достоевский в приведенных им мыслях „Великого Инквизитора". И чем дальше,

тем отчетливее видно, что православному человеку с латинством не по пути. Хочет латинский мир понять нас или нет, просто ли папы хотят себе подчинить православный мир, или нет, — **мы с их пониманием согласиться ни в одном пункте не можем и в подчинение папам поэтому мы не пойдем.**

Энциклика папы Иоанна XXIII-го вызвала взрыв неописуемого восторга в либерально-прогрессивно-демократическом мире. Газеты подняли небывалый шум, и похвалы папе слышались отовсюду. Бразильская печать решительно высказалась за то, чтобы в том году премия Нобеля за мир была выдана именно римскому папе. Католики и протестанты, атеисты и язычники и магометане всего прогрессивного мира и до сих пор не могут забыть давешнее папское выступление.

Американский президент Дж. Кеннеди, прочитав энциклику, отозвался о ней с большим одобрением. „Так мы научаемся, — говорил он, — говорить языком прогресса и мира поверх перегородок сект и верований".

Московская большевицкая газета „Известия" (13 апреля 1963 г.) отозвалась одобрительно. Она осталась очень довольна тем, что папа призывал ко всеобщему разоружению и „проявил терпимость к коммунистам-атеистам".

Секретарь английской коммунистической партии Джон Голлан, выступая по ТВ в беседе с английским иезуитом, желавшим популяризировать папскую энциклику, заметил: „Пришло к тому, что Хрущев и папа Иоанн в общем говорят одно и то же".

Шум похвал и одобрений в демократической печати невозможно описать. Здесь папу поняли правильно и замечания западных телеграфных агентств не потребовали поправок. Но замечания раздавшиеся с коммунистической стороны, вызвали со стороны Ватикана необходимость разъяснения. Оно и последовало по ватиканскому радио в те же дни.

„Центральным ядром энциклики, — говорило Ватиканское радио, — фундаментальным принципом, из которого она черплет свои директивы применительно к отношениям между разными политическими объединениями, является достоинство человека, его права, его обязанности. Самая цель мира во всём мире — это свобода и развитие человека".

Может быть и прав старик Маркс, когда говорит: **„Человек есть для человека высшее существо"...**

Все для человека!

14. — ПАПСТВО И ЕВРЕИ

У папы Иоанна XXIII-го был большой личный друг, французский еврейский историк Жюль Исаак. Удрученный кровавым антисемитизмом Гитлера, погубившим его жену и дочь, Жюль Исаак задолго до начала Собора просил римского папу Иоанна, чтобы Римско-Католическая Церковь публично осудила антисемитизм. Папа Иоанн охотно отозвался. Именно тогда он удалил из служебников слова, оскорбительные для иудеев, и лично наблюдал за тем, чтобы капелланы не смели пользоваться старыми формулами. Дело доходило до того, что он сам прерывал богослужение, когда капеллан по рассеянности прочитал молитву по-старому во время Стастной Службы в 1963 г. Он требовал, чтобы его приказание исполнялось во всей точности. Но на настоящую принципиальную высоту вопрос о борьбе с антисемитизмом оказался поставлен уже после смерти Иоанна XXIII-го, на 3-ьей сессии 2-го Ватиканского Собора.

Хотя **антисемитизм и не является продуктом христианства,** вопрос о борьбе с антисемитизмом мог быть представлен Собору христианского епископата в силу вот каких обстоятельств. Отъединившись от Вселенской Церкви, папство и весь ла-

тинский мир лишились плодотворного общения с Восточной Церковью и поэтому в своем богословии пришли к сухой бесплодной схоластике. Схоластика имела назначение: терминами земного, чувственного мира объяснить жизнь мира духовного. В результате явилось и схоластическое истолкование догмата Искупления, где на чашках весов Божественного правосудия (юстиции) с одной стороны лежал грех человечества, а с другой — крестная смерть Сына Божия, уничтожающая этот грех. **В свете такого понимания открывается возможность представить преступление убийства Сына Божия, совершенное евреями, в таком свете, что это по сути дела было не их преступление, но только акт, Божественным предопределением введенный в общий план домостроительства о спасении рода человеческого.**

По закону кары и награды, Воплощение Сына Божия и Крестная Смерть Мессии была вызвана грехопадением всего человечества, и это было во искупление греха всего человечества, что Христос Господь принял на Себя кару Крестной Жертвы за грех, чтобы дать человечеству награду вечного спасения. **Так получается, что Крестную смерть вызывает грех всего человечества, еврейский же народ исполняет здесь лишь случайный служебный акт.** Развивая эту мысль, как делали некоторые еврейские писатели, род людской должен быть благодарен евреям за то, что они убили Христа, т. к. если бы не убили, если бы не совершилась Крестная Смерть, то не было бы и спасения!...

В смысле только что высказанного, очевидно, римские папы Иоанн XXIII-ий и Павел 6-ой и пред-

ложили Ватиканскому Собору заняться вопросом о виновности или невиновности евреев в богоубийстве. В тексте, предложенном Собору для обсуждения (8 ноября 1963 года) говорилось:

"Ответственность за Христову смерть падает на всё грешное человечество. Сын Божий по Своей воле принёс Себя в жертву на Кресте, чтобы искупить грех всех людей. Роль, сыгранная вождями, осуществившими распятие, не исключает виновности всего человечества. Но личную виновность этихъ вождей нельзя распространять на весь еврейский народ, как того времени, так и наших дней... Священные события Библии не должны вызывать презрения и ненависти к евреям и их преследования".

После длительного обсуждения, Ватиканский Собор 20-го ноября 1964 года издал документ, осуждающий антисемитизм и гласящий, что еврейский народ никак нельзя считать проклятым за распятие Христово, как нельзя и возлагать на него вину богоубийства. (Сведения об этом появились в печати 21 ноября 1964 г.).

Было бы нелепо, если бы мы не присоединились к постановлению, осуждающему антисемитизм. Это продукт слепой языческой злобы, зависти, невежества и глупости, почему антисемитизм заслуживает всяческого осуждения. От этого, однако, постановление Ватиканского Собора, вынесенное в порядке „аджиорнаменто", нелепым быть не перестает, а нелепость и противоречивость его Евангелию и христианскому пониманию сути дела ещё раз обличает, что **папство уклонилось в ересь. Здесь**

ложность латинского догмата о непогрешимости пап обнаружилась во всей неприкрытой наготе.

Проклятье за распрятие Христово было низвергнуто на еврейский народ не христианской Церковью, но было призвано на него первосвященниками, фарисеями и книжниками (Мф. 27:25). Поэтому Ватиканский Собор не имел полномочия освободить еврейский народ от этого проклятия.

Памятуя дело Освальда Руфейзена, который, приняв римско-католическое христианство и кармелитское монашество, был лишен своих прав, как еврей по рождению (См. постановление Верх. Суда Республики Израиль, 6 декабря 1962 г.), Ватиканский Собор должен бы был точно указать, какое еврейство имеется в виду: расовое, религиозное или национальное, т. е. государственное. Впрочем, это лишь юридическая точность.

Если свободны от вины богоубийства евреи-фарисеи, евреи — книжники и первосвященники, которые, **вопреки воле народа,** стремившегося за Иисусом Христом и видевшего в Нем Мессию (Ин. 12:19), настояли перед Пилатом (Деян. 3:13) и добились убийства Иисуса Назорея, значит Иисус Назорей не признается Богом, ибо это убийство совершено именно руками названных вождей еврейского народа. Действительно: **освобождение еврейства от греха богоубийства тождественно отрицанию Божественности Иисуса Христа.** Мы не думаем сказать, что римский папа и Ватиканский Собор отрицают Божественность Христову, но мы конечно имеем в виду сказать, что из нелепости их постановления можно вывести и это следствие.

Иисус Христос Царь Иудейский есть Бог. Евангелие говорит, что убили Его евреи. Это убийство есть богоубийство. Значит, Ватиканский Собор, запрещая возлагать на еврейство вину богоубийства, прямо противоречит св. Евангелию. Неужели папская власть так высоко почитается, что папе разрешается и Евангелие переписывать? Но это выходило бы за пределы даже самого смелого „аджиорнаменто".

Совершённый вождями еврейского народа грех богоубийства распространяется, конечно, на современное нам еврейство и кровь этого греха (Мф. 26:25; Деян. 3:13) лежит на нём всей тяжестью своею и будет лежать, пока не одумаются, пока не покаются, пока не станут на колени перед Иисусом Христом Царем Иудейским и Богом всяческих. Вина богоубийства продолжает тяготеть над современным еврейством в той степени, в которой оно:

либо — 1) соблюдает верность фарисейству, одобряет его культуру, — веру, историю и мораль, и следует ей по отношению к Иисусу Христу,

— либо 2) отвергается фарисейства и осуждает его и совершенную им трагическую ошибку (Деян. 3:17).

Следовательно, ключ к решению вопроса, с которым проф. Жюль Исаак обратился к римскому папе Иоанну XXIII-му, лежит не в папских руках и не в руках Ватиканского Собора, **но в руках самого еврейства,** его доброй воли, Ватиканское же решение противоречит Истине и лишь затуманивает и затрудняет предлежащий еврейскому народу путь

спасительного покаяния и обращения ко Христу. В этом покаянии и только в нём осуществится освобождение еврейства от греха богоубийства, „ибо, — пишет св. Апостол Павел, — не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей,... что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдёт полное число язычников, и так весь Израиль спасётся" (Рим. XI, 25-6. См. вообще главы от 9 по II-ую посл. к Римл.).

Что же касается схоластических рассуждений, то... не станем повторять ранее сказанного (см. выше: **„православная традиция").** Предмет догмата лежит глубже, нежели то показали схоласты, и если бы Рим не находился уже веками в отъединении от Церкви Христовой, то никогда не пришлось бы папам краснетъ за свою непогрешимость, как в этом случае с их нелепым постановлением относительно евреев. О, если бы это был единственный конфуз, принесённый „аджиорнаменто", которое изобрёл папа Павел 6-ой.

15. — ПАПСТВО И КОММУНИЗМ

У англичан есть поговорка: **"In Rome do as Romans do"**, что значит: „В риме поступай так, как поступают римляне". Русский эквивалент будет вроде того, чтобы „В чужой монастырь со своим уставом не соваться", а другие (про волков например...) звучат несколько грубовато, почему мы лучше и останемся при английской версии. Смысл ясен.

Оказавшись в революционном и демократическом стане, Ватикан стал рассуждать по смыслу этой поговорки. В риме поступай по-римски, с демократами — по-демократически. Ватикан заговорил языком прогрессивных сил человечества. Говоря прогрессивно, надо принимать, что революция есть благо для человечества. Против этого мнения римские папы по-настоящему никогда не восстали. Может быть они не знали, что революция есть плод атеизма? Может быть они рассуждают так, что мол атеизм это плохо, а его продукт, т. е. революция это хорошо?.. Прогрессивно! Демократично!...

Молчаливо приняв европейскую революцию, папство лишило себя возможности принципиального сопротивления революции коммунистической,

ибо эту последнюю признали все прочие революции, почти что одобренные папами. Правда папство знает, что большевизм это есть явный и озлобленный враг Христов, но Ватикан находится среди слишком большого числа огней, идущих в самых разных направлениях. Поэтому теперь папство присоединяется к хору прогрессивных политических правительств и вместо борьбы против коммунизма говорит исключительно о мире во всем мире и своего голоса против большевиков не поднимает. По принципу английской поговорки, папам приходится, находясь в Риме поступать так, как поступают римляне. Это тоже одно из проявлений стремления к „осегодняшнению" Церкви, и Ватикан теперь торопится толковать не о том, что Есть Царство Небесное, не про то, чтО есть Царство Небесное, но про нужды человечества здесь, в царстве земном.

В конце XIX-го века революционеры и прогрессисты поучали церковных деятелей и миссионеров, что нельзя мол голодному говорить о Царстве Небесном. „Прежде накорми, а потом требуй добродетелей!" — говорили они. Эти поучительные слова, видно, теперь дошли до папского сознания, потому что по научению папы Павела 6-го весь Ватиканский Собор устремился в область заботы о человеческой судьбе. Собор взывает о необходимости принятия спешных мер для борьбы с царящими в мире бедностью и голодом, следом за ЮНЕСКО заботятся об урожайности и тут же стали рассуждать о месте Церкви в современном мире. Тема об атеизме все-таки прозвучала на Соборе, однако

в очень любопытном виде. Утрехтский кардинал (Голландия) Бернард Ян Альфринк высказался так:

„Необходимо всеми силами отвергать атеизм, однако, нет надобности подчеркивать осуждения коммунизму, ибо теперь все уже знают позицию Церкви. В задачу Собора входит вызывать и поощрять диалог со всеми людьми доброй воли", и корреспонденты телеграфных агентств не без основания поняли, что кардинал Альфринк коммунистов считает людьми доброй воли.

Отношения между папством и коммунизмом имеют довольно долгую историю. Во время голода, возникшего непосредственно после гражданской войны и большевицкой победы, папы Бенедикт XV-ый и Пий XI-ый посылали голодающему населению СССР пищу и одежду. Они пытались соревноваться тут с американскими еврейскими организациями, создавшими тогда знаменитую „АРА", щедро раздававшую питание населению в районах, особенно тяжело пострадавших от голода. При этом, как „АРА" имела в виду оказание поддержки большевицкому правительству, так и папская помощь не проявила ни малейшего намека на хотя бы критику большевизма. В осуждение подлинной причины бедствия, от которого они хотели помочь русскому народу, папы не сказали ни слова.

Когда в мире стали известны „ноты Керзона", в которых в частности прозвучало требование об освобождении патриарха Тихона из тюрьмы, Ватикан почувствовал себя бодрее, здесь стали говорить о том, что коммунизм преследует Церковь, а в 1930 году римский папа даже распорядился, чтобы

„были вознесены всеобщие молитвы к Богу... в Ватиканской базилике по случаю неблагоприятных обстоятельств, в которых находится религия в России' (см. послание папы Пия XII-го к народам России). Неблагоприятными обстоятельствами папа назвал разрушение храмов, надругательства над святынями, произвольные аресты, убийства и заключения духовенства без суда и следствия... подлинно -- неблаогоприятные обстоятельства.

Война 1939-45 годов сильно смешала карты отношений между Ватиканом и коммунизмом. Папа Пий XII-ый хотел было осудить гитлеровцев за кровавую расправу с евреями. Но тогда он не мог бы обойти молчанием большевицкие кровопролития, тем более, что в те дни свежи были обнаруженные немцами могилы в Катыни и в Виннице. Однако, если бы папа назвал большевиков кровавыми палачами, на него обиделись бы Западные демократии, для которых Сталин был великим человеком. В результате бедный папа попал между молотом и наковальней и еврейство до сих пор не прощает ему того, что он не обрушился всей тяжестью своего гнева на немецкий нацизм. (См. об этом в письме Гарольда Титтмана, замест. посла при Ватикане от Фр. Д. Рузвельта, 5 января 1943 г.).

Но если папе невозможно мыло выступить против коммунизма в дни войны, ибо его руки в этом отношении были связаны отношениями с Западными демократиями, то после войны поднять голос против коммунизма стало вообще невозможно, ибо это тотчас же было бы принято, как поджигательство войны. Еще в декабре 1942 г. папа говорил:

„Коммунистическая опасность существует, но опасность нацизма гораздо больше" („Оссерваторе делла доменика", июнь 1964 г.), но когда умер богопротивник Сталин, то папа вознес о нем молитву.

Потом на папском престоле появилась фигура престарелого Иоанна XXIII-го. Этот папа довольно откровенно гордился своим пролетарским происхождением и может быть именно „классовая близость" между папой и Н. С. Хрущевым послужила довольно недвусмысленному сближению между Ватиканом и большевиками. Предвестниками возможности возникновения дружбы между этими двумя силами оказались визиты в библиотеку Ватикана членов семейства Аджубей, причем, невзначай тут же случайно оказывался и сам папа Иоанн XXIII-ий. Он умилялся тому, что внук Н. С. Хрущева носит то же имя, что он, дарил деткам конфеты... Когда же мировому общественному мнению стало не по себе от этих визитов, то из Ватикана послышался успокоительный голос. Оказалось, что за встречами между папой и Аджубеями никакой политической подоплеки нет. Дружба с зятем и дочерью большевицкого диктатора была своего рода прелюдией попытки, как записано в папском дневнике, — „Обратить всю Россию в католическую Церковь". Старая, заношенная мечта всех пап.

Добрые отношения с Ватиканом сулят коммунизму значительный выигрыш на всех фронтах его политики мирной инфильтрации в жизнь Западного мира. Поэтому коммунистические правительства становятся уступчивыми и улыбчивыми, добиваются нужных им целей и расплачиваются с папой глиняными черепками. Таков уж плательщик.

В свое время арест и несправедливый суд венгерского коммунистического правительства над кардиналом Иосифом Миндсенти вызвал нечто вроде волнения в Ватикане. Кто-то даже говорил о негодовании в римско-католических кругах. Во всяком случае венгерский кардинал Миндсенти оказался у большевиков в тюрьме. Пожизненно.

Осенью 1956 г. вспыхнуло Венгерское антикоммунистическое восстание, во время которого повстанцы открыли Будапештскую тюрьму. Под охраной венгерских и русских солдат повстанцев кардинал Иосиф Миндсенти был освобожден из тюрьмы, но из-за того, что город был охвачен пожаром боя, и поскольку граница оставалась на замке, единственной возможностью спасти кардинала было: доставить его в посольство С. Ш. А., где ему и предоставили политическое убежище. Как известно, восставшим в Венгерии антикоммунистам никто не помог и они погибли в руках сталинцев, подавивших восстание. Кардинал Миндсенти остался почетным заключенным в американском посольстве в Будапеште.

В октябре 1964 года стало известно, что из Ватиканского секретариата в Будапешт отправился монсеньор Августин Казароли, который там вступил в переговоры с правительством Кадара. Вскоре газеты сообщили, что монсеньор Казароли наносит заключительные штрихи в тексте договора между Ватиканом и Венгерским правительством и что подписанием договора католическая Церковь в Венгрии получит бОльшие урава и бОльшую свободу. Это вносило успокоение и косвенно подтверждало еще в августе разошедшееся из Ватикана сообще-

ние о скором освобождении кард. И. Миндсенти. Открывалась даже возможность, что он появится на Соборе! Венгерская коммунистическая газета „Паэсе Сера" писала, что правительство Кадара, — „вполне удовлетворенное соглашением, заключенным со святым престолом, отныне не итересуется переездами Миндсенти, который и сможет покинуть страну, когда бы он ни пожелал".

В конце октября в Рим явились новые венгерские священники. Это были ставленники архиеп. Замваса, правящего венгерской церковью с согласия с одной стороны римского папы, а с другой — большевика Кадара. Венгерские священники антикоммунисты покинули Венгерскую Академию в Ватикане. На их место пришли большевицкие ставленники. Кардинал Иосиф Миндсенти остался в американском посольстве в Будапеште. Большевики честно расплатились с папой. Черепками. Полностью.

Мы испытываем глубокую уверенность, что вступая в договорные отношения с коммунистическим миром, папа и Ватикан действуют точно по формуле: "Ex se, et non ex consensu Ecclesiae" ибо явно, что сам-то латинский христианский мир далёк от желания тесной дружбы с большевизмом. Впрочем,... точного ответа у нас нет, и было бы интересно слышать ответ на вопрос:

— Quo vadis, domine?

... Поступило известие о том, что чешский примат, архиепископ пражский Иосиф Беран, освобожден из под стражи. После шестнадцати лет заключения он покинул Чехию и появился в Ватикане. Па-

па возвёл его в достоинство кардинала. О том, какой дебет по этому случаю себе запишет атеизм в Чехии, мы узнаем не скоро, но в том, что дебет будет крупный, сомневаться не приходится. Большевики „баш на баш" не меняются. Они привыкли „пятак на копейку".

Папа Павел будет улыбаться в Ватикане, а ксендзы в Чехии будут гибнуть... „во имя мира и дружбы".

Взаимопонимание с людьми доброй воли независимо от их веры или неверия.

Мир и дружба. Pacem in terris...

Аджиорноменто!

Построить мост к современному миру! (Папа Павел 6-го).

Кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу. (Иак. 4:4).

16. — ЕЩЕ НЕМНОГО ИСТОРИИ

Между вопросом объединения православия с Римом, с точки зрения принципиальной и фактической стороной объединения, как она выглядит сегодня, стоит ещё некоторый отрезок времени в истории, не зная о событиях которого невозможно правильно судить о положении вещей. На фоне существования коммунистического правительства в России римские папы написали весьма многозначительные узоры своего отношения к Русскому Православию. Об этих отношениях дает ясное представление статья бывшего юрисконсульта Архиерейского Синода Православной Церкви в Польше, г-на К. Н. Николаева. Эта статья была помещена в газете „Россия" в Нью-Йорке по поводу визитов Аджубея с женой, дочерью Хрущева к римскому папе Иоанну XXIII-му и его приёму этой пары. Надо сказать, что уже после опубликования статьи г-на К. Н. Николаева, стало известно, что папа через Аджубея послал личное письмо Хрущеву. Содержание этого письма опубликованно не было.

Рассказов про аудиенцию Аджубея с женой у римского папы, г-н Николаев пишет:

„Обратимся к недавнему прошлому. Недолгий понтификат Бенедикта 15-го совпал с началом рус-

ской революции и в центре римской политики оказался русский вопрос: вначале все шло хорошо. Временное Правительство, после недолгого сопротивления, легализировало Восточный Обряд в России, а в 1921 году, уже при большевиках, экзархом Восточного Обряда с правами епископа, был Римом назначен Леонид Федоров.

„Католики Восточного обряда получили в России законную организацию. Рим мог считать себя удовлетворенным и за 1792-94 и за 1839 и за 1871. Уния, ликвидированная при Екатерине 2-ой, Николае I-м и Александре 2-м, победоносно возвращается в Россию и угрожает всей её территории.

„Мало того. Православная Церковь на Святой Руси оказалась гонимой. Для Рима было ясно, что это явление всемирно-исторического значения и его Рим истолковал в свою пользу, вообразив, что это начало завоевания России католичеством.

„На известном московском процессе (в марте 1923 г.) католического духовенства, во главе с архиепископом Яном Цепляком и прелатом К. Буткевичем, между прокурором Крыленко и архиепископом произошел такой диалог:

„Крыленко. Обвиняемый Цепляк, как вы смотрите на октябрьскую революцию и советское правительство?

„Архиепископ. Мы очень надеялись на революцию, которая дала нам свободу. При старом строе мы были связаны и была ограничена наша религиозная свобода...

„Архиеп. Ропп, митрополит Могилевский и всех католических церквей России вначале тоже был склонен думать, что католицизм будет располагать бОлшей свободой под управлением советов, чем располагали при царской власти, ибо хотя царское правительство имело своего представителя при Ватикане, но постоянно вмешивалось во внутренние дела католической иерархии в России.

„БОльшая свобода" отразилась на судьбе Роппа так, что уже вначале двадцатых годов он оказался вместе со своим генеральным викарием А. Около-Кулаком в Варшаве и присутствовал там на молебне и митинге в защиту арестованного патриарха Тихона. Митинг привлек массу народа — русских и поляков; на нем говорил и я.

Еще яснее судил известный унийный деятель в России, а затем в Польше, иезуит Ян Урбан. Кстати заметим, что орден иезуитов имеет 50 провинций, 19 вице-провинций, 32.287 монахов-священников, схоластиков и 5.718 братчиков. Это авангард наступления католичества на русское православие.

„Если бы когда-то, — говорил Ян Урбан, — накануне войны (имелась в виду война 1914 года) нам кто либо с полным ручательством предсказал падение связывающей религиозную свободу царской власти и восстание из гроба Польской республики, католического государства, — то наверное с этим образом мы соединили бы в своих надеждах так же образ напряженной католической работы над **обращением восточних диссендентов к церковному единству.**

„Несомненно, в нашем воображении рисовался бы предполагаемый результат. Однако, как оказалось впоследствии, работа эта более трудна в осуществлении и гораздо скромнее по результатам".

„Это говорил Ян Урбан в 1930 году, на первой конференции духовных лиц по вопросу церковной унии в Польше. Конференция происходила в Пинске.

„Обращение России в католичество? Напрасная мечта — думаем мы. Как знать — говорит Рим. У курии большой опыт сношений с Россией. У неё прекрасно сохраняются архивы. Достали старые акты времен Флорентийской унии и пришли к выводу, что нужно ещё раз попробовать договориться с Москвой. Это тем более, что такого замечательного случая, как стремление советов ликвидировать православие, — пропустить нельзя. И не пропустили.

„Нашлись живые люди, такие как епископ д"Эрбиньи, молодой, блестящий, с красивой бородой, будущий чрезвычайный посол курии к советам.

"Что такое большевики, Рим узнал позже. Пока же казалось, что с большевиками договориться легче, чем с царским правительством. Из России шли для Рима довольно утешительные вести. Конечно есть затруднения, и большие. Их не стоит скрывать, но не с такими затруднениями приходилось бороться Риму. Нужно понять одно. Католичество интернационально, большевизм тоже. Это два интернационала. Есть еще третей — капитали-

стический, но ему грош цена. Большевики должны это понять. Борьбу большевиков с православием необходимо отделить от борьбы с религией. Первая понятна с политической точки зрения, вторая — бессмыслица. Борьба с православием для большевиков есть борьба с русской национальной идеей, а так как католицизм никаой связи с русской национальной идеей не имеет, то надлежало показав большевикам политическую благонадежность католицизма, сотворить соблазнительную идею создания вненационального католицизма, как средства охранения народа от политической реставрации. Это весьма странно. Многое, что выяснилось впоследствии, было еще в тайне. Многое останется в тайне навсегда.

„В 1922 году, во время Генуэзской конференции, на которой Ллойд Джордж стремился примирить эмиграцию с советами, кардинал Гаспари вступил с Чичериным в разговор по церковным вопросам. Весьма дипломатично были смешаны вопросы и православные и католические; говорили вообще о гарантиях религиозной свободы, но все понимали, что дело касается положения Католической Церкви в России.

„Все это для католиков разъяснилось во время беседы **Генуэзского** архиепископа с Чичериным, во время завтрака на королевской яхте. Чичерин был посажен рядом с архиепископом и очаровал последнего. На вопрос о свободе Католической Церкви в России, Чичерин ответил, что она пользуется не меньшей свободой, чем в Америке. Разговор носил самый изысканный характер. Русский Чичерин го-

раздо лучше говорил по-французски, чем итальянец архиепископ и Чичерин прекрасно знал великих итальянских поэтов. Они чокнулись и выпили за здоровье друг друга. Какой-то газетный репортер заметил, как **архиепископ поднес красную розу Чичерину** и, конечно, об этом разболтал.

„Как бы то ни было, Рим пытался осуществить какие-то проэкты соглашения с советами. Деятельность эта становилась известной в России и в этом чувствовалась угроза положению православия.

„Все это взятое вместе, в минуту катастрофы и гонения на Православную Церковь в России, производило такое впечатление, что пользовавшийся европейским авторитетом, ныне покойный заслуженный **профессор богослов Н. Н. Глубоковский,** живший в Болгарии, заявил, что **„Рим кружится, как изголодавшийся волк, и готов пожрать как свою добычу погибающее православие".**

„Все это на наших глазах окончилось катастрофой для католичества. Большевики шли навстречу, ибо считали Рим силой в смысле влияния на буржуазные правительства. Но весьма быстро поняли, что за Римом никакой реальной силы не стоит и они порвали переговоры. Перед этим произошла еще тонкая мистерия с посещением в 1925 г. епископом д-Эрбинье Москвы. Большевики очаровали епископа и он был очарован. Не останавливаясь подробно на этом удивительном политическом явлении — отметим, что в Москве сразу поняли, кто такой д"Эрбиньи и для чего он прибыл. Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Петр ему не дал „поцелуя любви" и от свидания уклонился.

„С Православной Церковью этот тайный посол Ватикана обошелся весьма строго: **„Патриаршая Церковь, по его мнению, это осколок прошлого, у которого нет будущего.** Вообще он **не понимает, как, несмотря на крушение Империи, Церковь всё же устояла...**"

„Говоря о восстановлении патриаршества, он замечает, что многие связывали с этим определенные надежды: как некогда Патриарх Филарет помазал на царство и короновал своего сына Михаила, так и новый Патриарх в недалеком будущем возложит императорскую корону на голову самодержца из той же династии. Это несомненно реальная опасность для большевиков, а рядом универсальный католицизм, который никогда и ни на кого не возложит короны. Большевикам есть о чем подумать.

— С Патриаршей Церковью Риму делать нечего: она не ощущает духа времени. А дух времени развернул над д"Эрбиньи сказочную панораму. Вечером 17-го октября, возвращаясь в одиночестве с Воробьевых гор в Москву, в своих размышлениях Михаил д"Эрбиньи подымается на необычайные мистические высоты.

„Три часа размышлений о том, какие желания и молитвы заставил бы Св. Дух родиться в душе св. Павла .... Св. Павел пожелал бы быть в центре этой империи, более огромной, чем некогда был языческий Рим; он пожелал бы дать Христу свидетельство слова и крови, а людям свидетельство любви в искупающем милосердии Христа. Отчаялся бы ли он? Рим, когда Павел прибыл туда, был много дальше от Христа, чем теперешняя Москва. Хри-

стианский фермент отсутствовал в этом мире древнего язычества. Св. Павел свою задачу нашёл бы здесь менее трудной, чем в Риме. Труд колоссальный, конечно, опасный, но проникающий во все глубины Азии".

„Какие перспективы рисуются перед Римом, какие видения посетили д"Эрбиньи в этот октябрьский вечер над Москвою? — „Азия, приведённая к церкви, ко Христу, скоро, через век или два, Москвой в соединении с Римом — не мечта ли это? Или может быть, скорее христианская надежда, которую внушает Бог. Неосуществимо это. Может быть. Но не для Бога".

С такими ощущениями вернулся д"Эрбиньи из Москвы. Он привез из Москвы: „двойное сокровище: более ненужную привязанность к душам русского народа, более просвещенную надежду, что хотя бы для этого понадобился целый ряд чудес, те из этих душ, которые искренни и прямы, будут просить, придет день, у единственной Церкви, у Св. Петра, благословения и освящения их во Христе Иисусе".

„Бессмысленные мечтания Рима договориться с советами не по линии прекращения гонений на религию в России, а по линии предоставления свободы католичеству, которое при царском правительстве, вопреки утверждениям Ватикана, обладало твердым положением и было стеснено только в совращении православных, но с провозглашением свободы совести в 1905 г. освободилось и от этих стеснений, производили впечатление недостойного поведения. Рим шёл на всё.

..Во время процесса католического духовенства, было получено разрешение папы на принятие условий советского декрета об аренде церковных зданий и храмов для нужд культа и возникшее осложнение отпадало. **Прелат Буткевич был расстрелян 31 марта 1923 г. 12-го мая в Риме была совершена** торжественная о нем служба и в этот же день в Лозанне Конради и Полуниным был убит советский **агент Воровский и от имени папы было послано выражение сочувствия советской миссии.**

„Все это происходило в то время, когда выяснилось положение православной Церкви. Начало гонениям положил процесс петроградского митрополита Вениамина. (Живя в Польше г-н Николаев не имел точных сведений о том, что происходило на Русской земле. Преследования Церкви начались немедленно с приходом большевиков к власти в октябре 1917 года. Первым событием, произведшим потрясающее впечатление на всю верующую Россию, было убийство Киевского митрополита Владимира 25 января 1918 года. Н. К-в). Весь построенный на лжи, процесс начался в субботу 10 июня 1922 года и закончился расстрелом митрополита и его сотрудников в ночь с 12 на 13 августа.

„Большевики стали на сторону „живой церкви" и был создан раскол. Под смертным ударом оказался Патриарх Тихон, но был спасен проявлением европейского, в частности английского, общественного мнения (лорд Керзон), которое тогда имело влияние на неокрепшую советскую власть. **Ватикан как бы не замечал наступления советской власти на православие и шёл своим путем, обходя общий вопрос о гонениях.**

„Продолжалось такое неестественное положение с 1922 г. по февраль 1930 г. 2-го февраля **папа Пий XI-ый огласил послание, которое ознаменовало разрыв Ватикана с советской властью. У Рима не было больше никаких надежд. Политика курии в русском вопросе потерпела полный крах.** Иначе не могло и быть. У Курии не хватило политического чутья. Не приходилось думать о подчинении русского народа Риму, приходилось заботиться о сохранении жалких остатков церковной организации среди полутора миллионов католиков, проживавших в России. Таких неудач Рим еще не испытал. **Методы** работы, в которых был **воспитан Рим в отношениях с Императорской властью оказались неприемлемыми.** Иных не было.

„Мы испытываем глубочайшее волнение при мысли об ужасных и святотатственных преступлениях, которые умножаются и усиливаются с каждым днем и которые направлены как против Господа Бога, так и против душ многочисленного населения России, дорогого нашему сердцу хотя бы уже в силу величия его страданий и я, которому принадлежит столько сынов и великодушных служителей Католической, Апостольской Церкви, богобоязенных и благородных вплоть до геройства и мученичества. Рост такого зверства и безбожия, поощряемый государственной властью, требует всеобщего и торжественного возмущения и ответа". (Это те самые события, что позднее папа Пий XII-ый назвал „неблагоприятными обстоятельствами, в которых находилась Русская Церковь").

„19 марта, в присутствии папы в Базилике св. Петра отслужили литургию и торжественный мо-

лебен о спасении России. Католическая Церковь отозвалась повсюду, **но спасти положение вещей возможности не было. Были пропущены сроки. Ватикан должен был бы поднять свой протестующий голос не в 1930, а в 1922 году.**

Гонения на православие, после страшных дней Голгофы православной иерархии, клира и мирян были смягчены во время 2-ой мировой войны, которая захлестывала советскую власть. Иерархия была призвана на службу советской власти, но и сама получила возможность в какой-то мере исполнять свои обязанности. Ныне ветер возратился на круги своя и **приближаются сроки, которые в результате преследования православия, должны приблизить его конец. Но** не только православия а **религии вообще и не только в России, но и в** зависимых от советов **сателлитах. Большие испытания переживает Католическая Церковь и в Польше и судьба её неведома.**

Восточный обряд, подрывавший положение Православной Церкви в Польше, был ликвидирован в результате 2-ой мировой войны. Ныне он в виде „литургической традиции украинской католической Церкви" возродился в Канаде. Он приобрел внушительный вид и на Ватиканском Соборе 15 епископов Восточного обряда находились в православных облачениях в Базилике св. Петра на виду у всей католической иерархии и народа.

„Подвиги" же советской власти, осуществленные диктатором Сталиным и Хрущевым и в отношении Православной Церкви и Русского нарда **таковы:**

„Тысячи разрушенных и осквернённых церквей и монастырей,... десятки тысяч расстрелянных и умерших в концлагерях епископов, пастырей, иноков и инокинь; миллионы жертв репрессий, осужденных на смертоносное лишенство, ссылку, голодную смерть; террор, оскорбление святой веры народа и разнообразные формы принуждения верующих к отречению от святой веры или забвению: Всего не перечесть, что было перенесено верующими за 45 лет „октября".

„Десяткн миллионов детей за эти 45 лет не были допущены и не допускаются до веры в Бога, совращаются в неверие, принуждаются к кощунству. Человечеству дано видеть дьявольскую природу гонения на Бога. И вот этому дьявольскому гонителю на Бога, возглавителю советской власти Хрущеву — Римский папа Иоанн XXIII-ий в лето от Рождества Христова 1963, в год созыва Ватиканского Собора Католической Церкви, протягивает свою первосвященническую руку.

„Страх и ужас".

17. — ВСЕ ТАКИ ОБЪЕДИНЯТЬСЯ?

(Голоса Востока)

Но вернемся к вопросу единения. Думается, что как бы ни резкой была постановка вопроса в дневнике папы Иоанна XXIII-го, кого бы ни спросить, — все скажут, что воссоединение Церкви есть жизненная необходимость. Посмотрим же ещё раз на перспективы единения, поскольку их открывает римский папа.

Римский папа Павел 6-ой в своей энциклике от 6-го августа 1964 года (в день Преображения Господня) очень настаивает на единении. В этой энциклике, в первой её части, — О совести, — папа нас порадовал тем, что высказанные им мысли, как оказывается, весьма приближаются к тому, что ранее было высказано нами на этих страницах по поводу значения и действительности главного содержания жизни христианской. Римский папа говорит об акте веры, совершающемся в душе, и приходит к словам Господним о Духе, от Отца ниспосылаемом во имя Сына и имеющем научить верующих (Ин. 14:26). Папа Павел полон объединительного энтузиазма и в III-ей части энциклики, озаглавленной „Диалог", говоря об „отделённых братьях", он радуется тому, что попытка объединения делает-

ся с латинской стороны. При этом он призывает свою паству благоприятно относиться к „отделённым братьям".

Желание объединяться с протестантами и с православными так сильно в папском сердце, что он ради сближения просит прощения у своих „отделённых братьев". Вот что он говорит:

„Если мы каким либо образом заслуживаем осуждения за ... разделение, мы смиренно просим и молим о Божием прощении, а так же просим прощения у наших братьев, которые чувствуют себя обиженными нами.

„Со своей стороны мы охотно прощаем испытанные нами оскорбления, причинившие нам страдания, и забываем горе, которое мы терпели в течение времени раскола и разделения".

(Из речи папы Павла 6-го, 30 сент. 63).

Мимо этих слов нельзя пройти без пристального внимания. Они заслуживают тщательного разбора. Начнем со второй части. Она не так сложна.

Спасибо папе за великодушие, что он нам прощает. Но нам мало слышать только эти слова. Нам нужно знать, какие именно мы нанесли оскорбления латинству, чем причинили ему страдание и горе и в чём именно римский папа нас прощает? Ведь если мы этого знать не будем, мы можем нечаянно вновь оскорбить римского папу. Тут дело деликатное и нужна точность. Конечно, если римский папа принимает за оскорбление самую нашу позицию к его догматам, позицию, по которой мы не желаем отступить от величайшей ценности: **истинной веры**

Христовой, то пусть приготовится к скорби еще на много лет. Несправедливо было бы с нашей стороны ради уважения к римскому папе, пренебречь всем тем, чтО сказали нам мудрые и святые Божии люди, передавая нам слово Божие, преемственно воспринятое ими от Иисуса Христа, Спасителя нашего. Помните, как св. Апостолы Петр и Иоанн отвечали еврейским первосвященникам? — **СудИте, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?"** (Д. 4:19). **От православия мы ни на иоту не отступим.**

Не пройдем без внимания так же и мимо первой части. Нас поразили в ней историческая неосведомленность папы Павла 6-го и его незнание в отношении православного понимания о покаянии, одним из видов которого является просьба о прощении в человеческих отношениях.

То, что раскол произошел тогда, когда кардинал Умберт 16-го июня 1054 года по полномочию римского папы положил на св. престол храма св. Софии буллу, подвергавшую анафеме Православный Восток, — есть широко известный факт, отвергнуть который никакой возможности нет. Папа Павел 6-ой, повидимому, забыл о нем, ибо иначе пришлось бы нам обличать папу Павла 6-го в умышленном умолчании, т. е. в искажении исторической истины. Имея же в виду историческую действительность, чтобы держаться в атмосфере испрашивания прощения, фразу эту **надо переписать так:**

„Так как мы (латиняне) **уполномочили кардинала Умберта на его акт 16-го июня 1054 года, то**

мы и заслуживаем осуждения за разделение и мы смиренно просим и молим о Божием прощении".

Без такой ясности папские слова не имеют никакой цены.

Когда же римский папа Павел 6-ой просит нас недостойных братски простить ему (т. е. латинству) причиненные нам с его стороны обиды, то мы тоже ждем, чтобы папа назвал, за какую именно перед нами свою виновность он просит прощения. Нам важно знать, чувствует ли сам латинский первосвященник, что с латинской стороны нам было причинено немало обид, которые он ищет случая изгладить, или же Рим, испрашивая прощения, лишь ставит себя выше мелочности старых счетов и снисходительно проходит мимо того, что по существу он считает напраслиной, возводимой на Рим со стороны Православного Востока.

Вина и грех не названные есть вина и грех не сознанные.

До тех пор, пока Рим не назвал, за что же он просит прощения, создается впечатление, что своей фразой папа Павел 6-ой не прощения у нас просит, но вменяет нам виновность в грехе напрасного осуждения и вместо положения простителя ставит себя в положение милостивого судьи.

Итак, смирение римского папы ложно.

Конечно, то, что римский папа „просит прощения у своих братьев" — есть акт смиренного великодушия. Достойно!

Хорошо. Господь велит прощать и мы хотим

творить волю Господню. Однако, прощать ближнему виновность, не назвав её, — прощать то есть ту виновность, которой мы за ним чувствуем, быть может, лишь по своей страстности, значит: утверждать в себе грех гордости мнимого великодушия и страсть осуждения. Тут дело деликатное и нужна точность.

Тот, **кто просит прощения, должен быть готов загладить свой проступок.** Так обещался Закхей и Господь одобрил его (Л. 19:2-5). Поэтому мы ждем, чтобы римский папа, — если он говорил от сердца, — назвал те проступки латинства перед Православной Церковью, которые он хочет, чтобы мы, православные, ему простили, ибо — непременное условие излечения всякой язвы состоит в том, чтобы она была открыта и обнаружена с полной доверенностью! Так поучает св. Иоанн Лествичник (сравн. Слово к пастырю, 7:5), а в другом месте этот же святой наставник поучает, что **„покаяние есть примирение через совершение благих дел, противоположных прежним".** Как же совершить противоположные дела, если не сознавать прежних? А ведь вина и грех не названные есть вина и грех не сознанные, в несознанном же грехе как можно принести плод покаяния...

Объяснение этой задачи, впрочем, быть может, лежит в том, что римский папа Павел 6-ой никогда не читал „Лествицы". Может быть объединение и надо бы начинать с этого крыла?

Просмотрим, однако, что еще Рим предлагает Востоку в качестве первоначального основания для „диалога", способного повести к воссоединению?

А вот что. Послушайте, как папа поучает свою иерархию, чтобы она искала точек соприкосновения с Православным Христианством.

„Будем ставить на первое место то, что нас (с ними) объединяет, а не подчеркивать то, что нас разделяет. Такова, — говорит он, — добрая и плодотворная ориентация нашего диалога".

Не терпя, впрочем, неясностей, в той же энциклике, названной „Ecclesiam suam" (6. 8. 64), несколько строк ниже, папа торопится не только подчеркнуть, но со всей отчетливостью вычертить то, что именно нас больше всего разделяет.

„Нас угнетает одна, связанная с этим мысль, пишет он. — Она состоит в том, что именно Нас, Кто больше всего способствует примирению, многие отделённые братья считают главным препятствием к этому примирению, когда они имеют в виду Примат Чести и юрисдикции, которые Христос вручил апостолу Петру и которые Мы от него унаследовали. Разве нет таких, кто думает, что если бы был устранен Примат Папы, то объединение отделённых Церквей с Церковью Католической (папа имеет в виду Церковь латинскую) было бы легче. Мы хотим умолять отделённых братьев, чтобы они приняли во внимание несостоятельность такого предположения; и это не только потому, что без папы Католическая (латинская) Церковь перестает быть сама собою, но потому, что если в Христовой Церкви не было бы верховного пастырского поста Петрова, действительного и решающего, то единство разрушилось бы и напрасно было бы пытаться восстановить его..."

Всю эту энциклику папа Павел 6-ой писал, полагая себя управляющим Церковью Христовой „в качестве Епископа Рима и поэтому преемника блаженного Апостола Петра, которому поручены ключи Царства Божия, и наместника того Христа, Который сделал его первым пастырем Своей всемирной паствы".

То есть латинский ум предъявил здесь всю невозможность сговориться. Уж если сам папа, желая „ставить на первое место то, что нас объединяет", тут же непреклонно исповедует свой догмат о папстве, — догмат недоверия Христу Спасителю, обещавшему во веки пребывать с созданной Им Церковью (Мф. 28:20), — догмат отделения Рима от Соборного Единства; и указывает, что разговор начинается с того, что латинский мир от этого не отступит, то остается удивляться, зачем папе было начинать разговор? Неужели он не знал?

Но не останавливайтесь на поверхности. Пройдите глубже, и станет видно, что начинательные строки энциклики, где папа говорил о душе и о вере, не доходят до его собственной души. Он никак не может понять, что Церковь не есть административная единица, которая распоряжается спасением людей. Иначе он понял бы, что Соборная Кафолическая) Апостольская Церковь **может существовать без премьер-министра!** И ведь как наглядно папа показал, что не понимает сути Соборности (кафоличности) Апостольской Церкви! Он пишет, что Она неминуемо разрушилась бы, если бы не было папы. Но вот перед его глазами нерушимо стоит Соборность (кафоличность) Восточной Православной Церкви, Богом Христом хранимой в

своем единстве без всякого папы. И сохранится во веки веков.

Странное впечатление воспринимает православный ум, слыша столь неосведомленное заявление римского папы, и невольно хочется поставить это в связь с непогрешимостью. **Как так? Как может так грубо ошибаться непогрешимый?..** И больше того. Хочется нам знать, когда римский папа бывает непогрешим: 1) Тогда ли, **когда папа Лев XIII-ый скрепил своей подписью книги, говорящие о проклятьи, лежащем на еврейском народе за богоубийство, или же 2) когда папа Павел 6-ой говорит, что вина богоубийства и проклятье за неё не падает на еврейский народ?**

Поистине, все нелепости, вышедшие наружу в „осегодняшнении" и в прочих деяниях 2-го Ватиканского Собора, служат достаточным удостоверением тому, что **отделив себя от СобоРного** (кафолического) Единства Св. Апостольской Церкви, **Рим стал на путь горьких заблуждений.**

Но папа не замечает того, что он сам, открыв дверь для обединения, тотчас же загородил её непреодолимым препятствием. Он так же бодро продолжает говорить про объединение. Мало Собора. Мало энциклики. В интересах объединения и аджиорнаменто, папа Павел 6-ой (вопреки старинной традиции) покидает Ватикан и отправляется простым паломником во Святую Землю.

Путешествие своё папа совершил в условиях роскоши, доступных лишь единицам из сильных мира сего. Отправляясь в путь на самолёте папа не преминул похвально отозваться о современной

технологии. В речи, обращенной к Англии, папа благословил плоды технологии, призвав своих слушателей „искать путей, чтобы использовать плоды технологии на благо всему человечеству. Ибо, — сказал папа, — технология есть одно из средств, предусмотренных Богом, чтобы человек мог осуществить вменённую ему Богом священную обязанность: подчинить себе землю и управлять ею".

(Не входя в подробности, автор этой записки имеет заметить, что такое суждение противоречит Библии. Земля **была** подчинена человеку и задание овладеть и управлять ею были даны человеку. Совершив грех **человек потерял данную** ему **Богом власть** над землею. Если, поэтому, думать об исполнении человеком „вменённой ему Богом, священной обязанности: подчинить себе землю и управлять ею", то человеку следует обращаться не к плодам технологии, но ко Христу. Далеко же папу завело стремление к „аджиорнаменто").

На Святой Земле римский папа оказался редким гостем и неудивительно, что ему был оказан самый радушный прием не только со стороны латинян, но и со стороны православных и магометан. Да и мы поступили бы так же. Ведь как бы критически мы ни относились к деяниям и речам папы, мы не можем не уважать в нем предстоятеля самой многочисленной и весьма почтенной христианской Церкви.

Итак, в Иерусалиме, в покоях папской Иерусалимской миссии, папу навестил православный патриарх Венедикт (4-го января 1964 г.) и для свидания с папой в Иерусалим из Константинополя самолетом прибыл патриарх Афинагор. Свидание меж-

ду патр. Афингором и папой Палом 6-м состоялось 5-го января 1964 года. Оно длилось 29 минут. Никаких коммюникэ о происшедшем разговоре опубликовано не было. Все газеты тотчас же украсились фотографией, на которой изображалось, как патр. Афинагор обнимается и целуется с папой Павлом 6-м. Журналисты латинской веры немедленно стали описывать, что Византия понимает свою давнюю ошибку и что вопрос признания папства Востоком есть вопрос недолгого времени. Потом смолкли.

Как же реагирует православный мир на папские призывы? Вежливость, конечно, требовала, чтобы патр. Венедикт навестил папу в Иерусалиме и прибытие туда патр. Афинагора для беседы с папой показало расположение православных к установлению возможности переговоров. Содержание беседы между патр. Афинагором и папой Павлом 6-м нам не известно.

Наибольший вес, разумеется, несмотря ни на что, имеет в православном мире до сих пор Русская Православная Церковь. Она разделена на две неравные части: одна часть её находится на свободе, за пределами Родины, в эмиграции и в рассеянии; другая её часть, находясь на родной земле, подчинена власти большевиков, захвативших в свои руки государственную власть в России и проводящих над Россией и русским народом так называемый коммунистический эксперимент. Важнейшим элементом этого эксперимента, как явления коммунистической революции, является полное уничтожение религии и Православной Христианской Церкви

в первую очередь. Тот остаток Русской Православной Церкви в России, который именуется официальной её иерархией, находится полностью в руках большевицкого правительства.

Ватикан не счёл нужным так или иначе обращаться к Русской Православной Церкви за границей, если не считать приглашения на Собор наблюдателя. Вне зависимости от этого, Русская Православная Церковь за-границей не проявила и едва ли в дальнейшем проявит энтузиазм к тому, чтобы объединяться с латинством, т. к., находясь на свободе и имея доступ к информационным материалам самого широкого диапазона, Русская Православная Церковь заграницей дает себе отчёт, что Ватикан понимает объединение лишь в том смысле, чтобы весь мир пришел и поклонился папе. Хотя папа и ждёт поклонения папскому догмату, смиренно подписываясь в качестве "Servus Servorum Dei", история уже ясно показала, что — не дождётся, ибо смирение его ложно.

Есть непроверенные сведения, что Московская Патриархия первою изо всех Православных Церквей мира живо и положительно отозвалась на папские приглашения. Для оценки этой справки надобно смотреть на вопрос с точки зрения заинтересованности коммунистического правительства, ибо московский патриарх говорит только то, что ему прикажет советское правительство и в лучшем случае то, что оно ему разрешит.

Подавляя Церковь внутри страны, коммунистическое правительство тем не менее заинтересовано произвести впечатление за-границей, будто

бы оно вполне лояльно к Церкви. Именно такое впечатление было бы произведено появлением в Ватикане представителей московской богословской коллегии. Это примирило бы верующих свободного мира с коммунизмом, создало бы впечатление, что Церковь в СССР не поставлена вне закона (ибо кто же в свободном мире желает помнить, что декрет от января 1918 г. „Об отделении Церкви от государства" остается в силе, хотя бы некоторые его параграфы иногда не применяются).

Установить контакты с Ватиканом Советское правительство заинтересовано еще и потому, что такая связь открыла бы возможность посылки заграницу агентуры, удачно закамуфлированной в духовную одежду и потому стоящей вне подозрений. Хотя коммунистическая власть уже имеет ходы в Ватикан через польское, венгерское и др. католическое духовенство из стран восточных „сателлитов", иметь ещё случай да ещё непосредственно из Москвы, было бы для большевицкой работы весьма удобно.

Иерархия православных стран-сателлитов (Румынии, Болгарии и Югославии) тянется за Москвою.

Названных соображений довольно, чтобы непроверенные сведения о положительной реакции Московской Патриархии на папский призыв к единению рассматривать, как достойные доверия.

Если не считать визита патр. Венедикта к папе в Иерусалиме, патриархи Иерусалимский и Александрийский не проявили своих настроений ни в пользу, ни вопреки соединению с папским Римом.

В то же время было много мелких зарниц, усиленно намекавших на то, что патр. Афинагор имеет склонность идти на соединение, вплоть до признания папского догмата.

Здесь, впрочем, (по имеющимся у нас сведениям) играет роль не столько склонность к латинству, которою некоторые греки страдают ещё со времен Флорентийского собора, сколько склонность к приспособлению Церкви применительно к обстановке сегодняшнего дня и к объединению во что бы то ни стало, — настроения, привившиеся к патриарху во время его долголетней жизни в Сев. Америке со всеми её модернистскими влияниями. Однако, слава Богу, Константинопольский патриарх есть патриарх православный. Он не стоит, подобно римскому папе, „вне церковного сознания", но подчиняется ему. Поэтому от патриарха Афинагора и не приходится ждать диктаторских мер в смысле подчинения Константинополя Риму.

Но есть еще и такой взгляд, что Церковь переживает тяжкое время и что для более эффективной обороны, а может быть и наступления, ей было бы полезнее представить собою монолит, действующий единой волей и по общему плану. Надо бы, поэтому, чтобы „Богословы спрятали, хотя бы на время, свои никому не понятные теории и сухие догматы" и чтобы, поступившись в области терминологии и букве догматов, они действительно предъявили безбожному миру мощную церковную организацию, способную оказывать себе самой нужную помощь. Разве было бы мыслимо, чтобы Русская Церковь осталось предоставленной себе в годину большевицкого бедствия, если бы за нею

стоял вес, объединенный Римом христианский мир?...

Ответом на это да послужит история флорентийской унии. Тогда, в конце XIV-го века, император Византии и византийская иерархия пошли на уступки папству во всех решительно пунктах догматических споров. Они поступили так именно в интересах создания единого церковного монолита, способного оказать должное сопротивление наступавшему исламу. Византийские иерархи, кроме св. Марка Ефесского, подписали догматы и о папстве, и о чистилищи и о „филиокуэ". Да и как было не подписать, если папа обещал расположить западных королей к оказанию помощи против турок отныне единоверной Византии, признавшей власть римского папы. Папа обещал!

Как известно, ни один из королей и не подумал послать ни одного солдата ни накануне подписания византийцами Флорентийского „унийного" договора, ни в день его подписания, ни позднее. Пришёл день, и турки, ворвавшись в Константинополь, залили кровью христиан улицы, площади и храмы великого города.

Урока Флоренции нельзя забывать и теперь.

Но забывается. Несмотря ни на что пришло к тому, что в Греции возникла положительная реакция на папские призывы. Казалось невероятным, когда мелькнули первые высокомерные хлесткие заглавия, конечно писанные латинским пером, говорившие о том, что „Византия ищет контаков с Римом". Судить трудно о причинах. Ждать полного выяснения картины значит пребывать в состоя-

нии ожидания неожиданностей. К моменту выхода этих записок в свет может пройти немало изменений на поверхности...

Что влечёт патриарха Афинагора в объятия римского папы? Надежда найти опору против угнетения и унижения, претерпеваемого православным патриархом в мусульманском Стамбуле? Или быть может действительно любовь к современности, к правовому обществу, к величию человека, или любовь к аджиорнаменто?... Идет ли речь о полной капитуляции, подобно той, что связана с Флоренцией? Или стоим мы перед попыткой, несмотря ни на что отыскать пути примирения?... Господь то ведает, а мы не знаем.

Но твердо знаем, что патр. Афинагор рискует остаться без паствы, ибо не пойдёт она за ним. А он?

Вот уже прислал он к папе римскому своих представителей. Вот уже митр. Мелитон Гелиопольский и Хрисостом Мирский по всему свету представлены на фотографиях вместе с папой Павлом 6-м. Снова объятия. Снова улыбки (21 февраля 1965 г.) и газетные справки разносят по всему свету, что папа благословляет день прибытия патриарших делегатов и говорит о начале „нового этапа в отношениях между обеими церквами".

Но высокомерие латинских справок о том, что Византия пошла на поклон к Риму отравлено. Пытаясь наполнить перо не чернилами, но жёлчью, латинские корреспонденты вынуждены оглядываться на Гору Афон. **И первые же ласточки, прилетающие**

со Святой Горы, говорят, что церковное сознание Греции далеко не сочувствует ни настроениям, ни пути патриарха Афинагора. Да...

„Эта гора Афон! Она в греческой Церкви, — пишут латинские корреспонденты, — подобна варварской секте. Она постоянно направляет „греческое пламя" против святого престола Петрова и время от времени слышен раздающийся оттуда голос того или другого монаха, который, обращаясь к грекам, кричит, как после Флорентийской унии в XV-м веке монахи кричали папским делегатам у храма св. Софии: — **Анафема тому, кто признает римского епископа, ибо он есть воплощение диавола!"**

Не по вкусу латинству св. Гора Афон.

Печать Западного мира представила радость римского папы по поводу прибытия в Рим представителей патриарха Афинагора, поставив её, если так можно выразиться, под увеличительное стекло. Если смотреть на происшедшее, устранив эту лупу, то говорить, что патр. Афинагор пошёл на поклон к римскому папе, будет уже крайне преждевременно. Представители патриарха оказали папе всякий почет, но склонности принять папский примат не проявлено ни в малейшей мере. Письмо патр. Афинагора I-го к папе Павлу VI-му, переданное через специальных патриарших послов (датированное 25 января 1965 г:) ответчает обстановке. В несколько повышенном тоне патриарх говорит о радостном вдохновении, которое он испытывает по поводу согласия поместных церквей Востока сотрудничать с Ватиканом в направлении соединения, однако, упоминание **о братском отношении к Риму (не**

о сыновнем) сделано достаточно часто, чтобы можно было этого не заметить. Вещи вежливо поставлены на свои места.

Приветственная речь к римскому папе, произнесенная представителем патр. Афинагора митрополитом Мелитоном Гелиопольским и Теирским, без подчеркивания, но в терминах, не способных быть недопонятыми, выясняет, что **Все-Православная** конференция **на Родосе постановила вступить в „диалог" с Ватиканом на началах равенства и в духе молитвы о разрастании среди всех христиан** духа примирения. Речь пойдет об изучении тем, которые должны будут быть положены в основание „диалога".

Не остается сомнений, что к быстрым и опрометчивым решениям со стороны патр. Афинагора склонности не проявлено. Очевидно, что впереди лежит ещё дальний путь и перспектива его скрыта в неуловимой дали будущего.

По нашему глубокому убеждению и принимая сегодняшнее расположение направлений мысли и сил, „диалог" будет повторением Флорентийских дебатов XV-го века, а исход их может быть либо полная безрезультатность и безплодность, либо предательство Православия. Ведь Ватикан от папства не откажется. Об этом и нынешний папа Павел VI-ой заявлял ясно и безоговорочно. Пусть патриарх Афинагор будет говорить с папой по-братски, папа-то Павел с патриархом иначе чем по-отцовски говорить не сумеет. „Диалог" до сих пор открывает православным иерархам скользский путь: в интересах объединения и братской любви,

целовать папскую туфлю и признать римского папу главою Церкви, путевождём всего мира, отцем князей и королей. Но это значило бы, что осуществилась бы великая ложь соединения двух форм, лишённых духовного содержания, и нехристианская печать всего мира встретила бы такое событие с грохотом одобрения. Православный мир чует опасность и подает свой голос, который латины пытаются представить миру, как сгусток изуверских выкриков.

На самом деле голос греческого монашества свободен от тех тонов ярости, что в него вкладывает латинский корреспондент. Этот голос с большим достоинством, разумно и спокойно предъявляет Риру условия, выполнение которых необходимо для того, чтобы открылись возможности диалога, где было бы соблюдено достоинство обеих сторон почему и переговоры могли бы быть плодотворными. В октябре 1963 года на страницах выходящего в Афинах духовного журнала **„Спита"** (Искра) появилась статья **архимандрита Августиноса Кантиотиса'** инока, известного своей популярностью в среде верующего народа Афин. Статья называется **„Ватикан".** Приводим отрывки из нея, заимствованные из журнала „Православная Русь" №-12, 1964 г.

Условия переговоров

Католическая церковь должна свои откровенные намерения выражать не только в выступлениях Конгара, но и делами их подчеркивать. Свою добрую волю может она выразить следующим:

1) Так как историческим фактом является то, что католическая церковь первая сделала неправый шаг и чрез своего представителя Гумберта в 1054 г. возложила на алтаре Святой Софии острую обличительную буллу, которая беспримерные оскорбления содержала по отношению к нашей Церкви, то теперь, поскольку она готова к принципиально правильной позиции, обязана она как будто вынести приговор той булле, которая решительный удар нанесла единству обеих церквей.

2) Она должна была бы во всех православных странах немедленно уничтожить т. н. унию — этот клин, вбитый в мясо православия: ведь против них поднимается каждая неиспорченная душа — настолько обманна их стать.

3) Как наше православное королевство разрешило западной церкви иметь на своей территории 4 епископов и одного архиепископа в Афинах, хотя маленькая паства католиков отнюдь не требует такого числа иерархов, так должна была бы и итальянская власть, а с ней и Ватикан, разрешить, чтобы в Риме и других итальянских городах были учреждены православные епископаты, так как число православных в Италии даже превышает число католиков в Греции. И если это будет разрешено православным в Италии, то мы впредь обещаем, что мы никогда не будем подражать постыдному поведению униатов и не будем являть себя в обманных формах.

Призыв Павла 6-го.

В своих призывах к представителям других Церквей говорит неоднократно теперешний папа

Павел 6-ой, что надо похоронить прошедшее. Да, Святой Отец! И мы присоединяемся к Вашему призыву, так как слышим первоапостола, чье имя Вы носите: „Забывая задняя и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе" (Фил. 3:14). Но разве довольно того, чтобы забывать прошлое? Как Апостол Павел не колебался с вызывающей удивление откровенностью осуждать свое прошлое и признавать свои ошибки (Гал. 1:13), то так же должны были бы поступать и теперешние папы: они должны были бы не только желать забывать, но и иметь духовную силу отказаться от всего, что в прошлом было осуществлено в учении и жизни против заветов евангельских и против Предания единого христианства первых восьми веков. Имеете Вы мужество отказаться от примата и от непогрешимости, о которых ни Священное Писание, ни церковное Предание первых веков ничего не знают? Обладаете ли Вы решимостью прекратить недозволенный прозелитизм? Решились Вы на то, чтобы покончить с униями?

Конгар один нас не убеждает. **Слова без дел суетны и пусты,** как еще наши предки, древние греки, говорили. Не шаги, а прыжки, от всего сердца, должна была бы Западная Церковь делать, чтобы достигнуть того, что она некогда имела в братстве с Восточной Церковью. Но и мы готовы уступить, в ошибочности чего нас сумеет убедить Западная Церковь, и мы не будем колебаться с этим согласиться. В противном случае, если Католическая Церковь, в одном лишь расчете на свою распространенность, на организацию, на дисциплину и на

миссионерскую силу расширения, останется на основе папизма и будет пробовать распространить свое господство надо всею вселенной, всё поглощая и к себе присоединяя, если, как сказано, она эту тактику будет продолжать, то не было бы ли признаком нашего безграничного неразумия, если бы мы, православные, решились на переговоры с людьми, которые наперед не расположены отказаться от своей точки зрения, а, напротив того, стремятся поглотить остальные Церкви? Здоровое и неиспорченное православное сознание отвергает бесцельные и суетные переговоры, и только некоторые праздные профессора богословия и честолюбивые епископы к этому стремятся по легко зримым мотивам. Но эти немногие далеки от того, чтобы воплощать общее сознание Православной Церкви, которая как солому сдунет их с кафедр и престолов.

***

Казалось бы, что после появления подобного рода выступлений в греческой богословской литературе, ни о каких визитах патриарших делегатов к римскому папе и речи быть не должно бы. Но вот едут, и не исключена возможность, что поедут и из других столиц. Конечно, если поедут из Москвы, внутренние пружины будут понятны даже и для не очень опытных людей. Но проследить внутренние пружины, посылающие в Рим делегатов от патриарха Афинагора, пожалуй еще труднее, чем обнаружить секреты избрания кардинала Монтини на папский престол в рекордно короткий срок.

Объединительным настроениям есть еще одно объяснение. Люди желают видеть Церковь, перед

лицом нынешней волны неверия, крепкой, сплоченной и способной ответить любой мирской задаче. Ах, какая растерянность! Какой разброд! Приходилось ли Церкви Христовой проходить сквозь испытания, столь же тяжкие, как нынешние?

Ободримся. Не раз это бывало. А может и то быть, что пришло время исполнения пророчеств, и пора нам склониться под высокую Руку Господнюю. **Начинающим же сим бывати, восклонитеся и воздвигните главы ваша: зане приближается избавление ваше... В терпении вашем стяжите души ваша"** (Л. 21:28 и 19).

18. — О ХЛЕБЕ И О КАМНЯХ

Но может быть Церковь должна объединиться не только для того, чтобы явить свою силу? Может быть Церковь должна вмешаться в гуманитарные проблемы мира и человечества, должна ориентироваться на сегодняшний день, чтобы показать человечеству, что если между людьми будет любовь, то не только войны не будет, но даже и камни сделаются хлебами!...

„Божественный Спаситель, — писал папа Пий XII-ый, — основал Свою Церковь для того, чтобы через неё сообщать человечеству Свою правду и Свою благодать до конца времен" .... Если человечество, согласуясь с волей Божией, станет применять то верное средство спасения, каковым является христианский порядок в мире, то оно увидит очень быстро фактическое исчезновение опасности

даже справедливой войны" (Родж. послание папы Пия XII-го, 1951 г.).

Не есть ли это способ превратить христианскую истину в орудие организации человеческого благополучия на земле?

„Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами..." (Мф. 4:3).

В конце ноября-начале декабря 1964 года в Бомбее происходит так называемый Евхаристический конгресс. При нём — секция, посвящённая вопросам питания и здравоохранения. На заседании секции выступает папский легат кардинал Григорий Пётр Агаджиньян:

„Христианское сознание должно обратить внимание на экономическое неравновесие между развитыми и недоразвитыми странами мира... Во имя справедливости (юстиция) и человечества папа требует, чтобы эта добрая деятельность продолжалась, ибо уничтожать или разбрасывать без смысла то добро, от которого зависит жизнь других людей, — значит оскорблять справедливость и человечество".

В начале года папа Павел объединялся с православными иерархами. Подошёл конец года и папа совершает полёт в Бомбей. Здесь происходит 38-ой Евхаристический конгресс. Весть о предстоящем визите папы вызывает ожесточенный протест индийской национальной партии Джан Санг. Врочем, партиям была дана директива не протестовать. Директива, повидимому, исходила от полиции. Неиз-

вестно, кто организовал папе встречу в Бомбее, но известно, что на встречу явилось „неисчислимое количество сотен тысяч людей", в восторге приветствовавших дорогого гостя. (Так писали газеты). Даже старожилы дипломатической группы и журналисты, которым по чину полагается быть на всех встречах и по ним судить о популярности той или иной личности в международных политических кругах, не запомнят встречи, подобной тому, что было устроено для папы Павла 6-го в Бомбее.

Цель папского визита была в том, чтобы содействовать религиозному объединению с магометанами и язычниками и лично убедиться в том, что в Индии народ живет очень бедно. Сам папа назвал эту поездку „поездкой мира и любви, дружбы и братства". Это был диалог Рима с сегодняшним миром всех религий и всех рас.

„Все люди — братья под отцовством Божества", — сказал папа прибыв в Бомбей (2 декабря 1964 г.). О том, что говорил папа на евхаристическом конгрессе, газеты не сообщили ничего, или так мало, что заметить было невозможно. Но вот папа занят делом объединения. В Бомбее он собирает магометан и язычников. Перед ними он цитирует индусское „Священное Писание" и говорит о том, что „Мы должны сблизиться"... Все люди должны начать „строить будущее человечества". Папа здесь явил пример объединительного стремления, ибо он одновременно выступал и как христианин и как язычник. „Христос, — говорил он, — дорог ... миллионам людей, которые познали и полюбили Его, как вдохновение любви и самопожертвования" и

тут же вместе с собравшимися он прочитал и языческую индусскую молитву: „От нереального веди меня к реальному. От мрака веди меня к свету. От смерти веди меня к бессмертию".

(К сведению: эту языческую молитву очень рекомендовали читать известные деятели теософии, — Анни Безант и г-жа Блаватская. Поэтому христианам повторять её не следует).

Своим визитом в Бомбей папа воспользовался также для того, чтобы говорить о мире, о разоружении, о взаимопомощи между государствами и т. п. вопросах из тематики Организации Объединенных Наций. Посетив трущобы Бомбея и видя бедность, в условиях которой там живет народ, папа прослезился и снова призвал народы к миру и против войны. Все возможное хочет сделать человек, чтобы превратить христианство и христианскую истину в средство организации благополучия на земле. Нет слов, чтобы описать, как папе Павлу дорого человечество.

Вот он вернулся в Рим и преподавая свое благословение народу он снова говорит о том же:

„Дорогие дети! Мы несём вам привет от людей, встреченных Нами при нашей поездке на богомолье. Мы несём вам пример религиозности, трудового терпения и спокойствия, самоотверженного смирения, полного надежды и добра".

Эта поездка, сказал папа, научила его видеть, „как в мире сегодня нас окружающем, возможны взаимоотношения между людьми, даже при далеких расстояниях, — как можно видеть цель, к кото-

рой мы должны себя воспитывать... Поэтому мы должны научиться лучше знать, лучше уважать и любить других. ... Вот пища, которая должна насыщать новый образ мышления и образование человеческой личности сегодня".

Христианство, — сказал папа, — с его призывом к братской любви, есть „подлинная религия современности" и он призвал Пресвятую Деву, чтобы Она усилила „верность нашим религиям и верность нашему человечеству".

**
*

Между тем приблизилось Рождество.

В свое время социал утопист **Роберт Оуэн**, возмущенный несправедливостями, царившими в мире, призывал к тому, чтобы — **„созвать мировую конференцию, целью которой было бы освободить человечество от невежества, бедности, разделённости, греха и нищеты".**

Слова сэра Роберта Оуэна нам невольно вспомнились, когда до нас донеслись слова Рождественского послания римского папы Павла 6-го, ибо он призвал покончить с расизмом, национализмом, бедностью и социальным неравенством во всём человечестве. Назвав это „нашей программой", папа предложил услуги Римско-Католической Церкви, чтобы „поддержать усилия людей доброй воли для содействия всеобщему благу, миру во всём мире и братству всех людей. ... Демократия, — сказал папа тут же, — к которой сейчас обращается всё человечество, должна стать явлением более всемирным, способным преодолеть все препятствия, стоящие на пути действительного братства всех людей.

... Этими препятствиями являются: национализм, расизм и милитаризм....”

**
*

Одним словом, римский папа твердо сошел на почву социал-утопизма, на почву демократии, на почву служения ценностям мира сего, на почву служения человечеству. **Он хочет быть другом миру** (сравн. Иак. 4:4).

„Человек! Это звучит гордо”. — говорил Максим Горький.

„Сущность культуры лежит в глубокой гуманности”, — говорит др. Альберт Швейцер.

„Челловек есть для человека высшее существо”, — говорит Карл Маркс.

„Ядром энциклики “Pacem in terris” является достоинство человека” (говорит радио „Ватикан”).

**
*

Так что же? Сказать теперь, что римский папа является Наместником Христа? Назвать его Главою Апостольского сонма? Непогрешимым Первосвященником Христовой Церкви?...

— Quo vadis, domine?...

Пока мы были заняты излагаемой здесь темой мы как бы свыклись с бытием, с бытом римского католицизма, и едва не вошло в привычку наблюдать за каждым шагом, за каждым словом римского первосвященника: не мелькнёт ли огонёк, способный разогреть вековой лёд? Но, увы! Многое пришлось видеть, многое пришлось заметить, но

ни разу не мелькнуло ни одной искорки, способной явить хотя бы нечто подобное возможности согласить Православие с Римским Католицизмом.

Снова и чрезвычайно поразил нас, во время последних наблюдений, способ понимания коммунизма (большевизма), господствующий с папского согласия в Ватикане. Из целого ряда слов, оттуда звучащих, становится очевидным ложный взгляд римского престола на коммунизм. Последний видится из Ватикана не более, как социально-экономическое учение, — учение тоталитаризма — резкое, суровое, жестокое, противоречащее естественным явлениям жизни и потому заслуживающее осуждения. Ватикан осуждает коммунизм именно за это, но не только за это.

Ватикан осуждает коммунизм еще и за то, что он представляет собою доктрину, борющуюся против Церкви и насаждающую атеизм. Об этой-то опасности со стороны коммнуизма римский папа Павел VI-ой говорил, обращаясь к коллегии иезуитов при избрании нового „Черного папы", т. е. генерала ордена иезуитов, в конце мая 1965 г. (Был избран испанец Педро Аруппэ). Слыша эту речь, мы не могли ещё раз не удивиться тому, что **римский папа не видит главной истины:** он не видит того, что коммунизм есть продукт атеизма и что борьбу против насаждаемых им суровой, кровавой жестокости и ненужной общественной ломки, надо начинать прежде всего с преодоления суеверий атеизма, ибо не иное что, как атеизм породил всё уродливое учение коммунизма и держит в боевом порядке ряды союзников коммнуизма.

Наше положение в этом случае не представляет собою сложности. Мы с папой не согласны и всячески стараемся разъяснить его ошибку, способную оказаться роковой. Мы можем считать его мнение ошибочным, и ложным, и опасным. Мы не обязаны следовать за ним и поступать по его совету. Это даёт нам свободу избежать тех пагубных шагов и роковых ошибок, к которым ведёт ложное понимание сущности коммунизма (большевизма) и мы, основательно обученные в области диалектического материализма, не ошибёмся, назвав коммунизм и всю его жестокую преступность плодом атеизма. Это не представляет собою психологической сложности. Но вот вопрос: ведь одинаково с нами в отношении коммунизма думают сотни тысяч римских католиков-антикоммунистов. Подобно нам они знают, насколько опасна даже малая степень братания с коммунизмом, ибо они видят как это братание (со-существование) ведёт их от поражения к поражению, а коммунизм — от победы к победе.

Замечательно, что общечеловеческая порядочность римского католика прямо пропорциональна его верности римскому папе. Это, в свою очередь определяет и послушание римскому папе и доверие к его мысли и слову. И вот они тоже слышат речи непогрешимого, который направляет их по пути, для них заведомо неверному. Что же говорят эти антикоммунисты, — верные сыны Римско-Католической Церкви? Что говорят они, когда чувствуют, как римский папа связывает им руки в борьбе против всемирного зла большевизма (коммунизма)? Что говорят они?

Ведь они связаны великой дисциплиной веры. Они покорно идут по пути, где их непогрешимым предводителем является римский папа, и никто из них не осмеливается поднять голось, чтобы спросить:

— Quo vadis, domine?

Мы свыклись с делом наблюдения за выступлениями римского папы, за его путешествиями, за его речами, статьями и Энцикликами. Но не станем превращать эти наши записки в дневник жизни нынешнего папы Павла VI-го. Его жизнь идёт своим путём, путём для нас чуждым.

А время идёт, да идёт. Как недавно оно привёло нас к наблюдениям за папской поездкой на Восток, так теперь приводит оно нас к 4-ой сессии 2-го Ватиканского Собора. Уже начали съезжаться в Рим кардиналы, архиепископы, епископы, прелаты... Вот-вот начнутся заседания. Но опыт прошлого уже показал, что и эта сессия не изменит ничего. Она не может, ни чем не может приблизить римский католицизм к православию.

Ожидается удивительное событие: римский папа поедет в Нью Йорк, чтобы выступить перед общим собранием Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Он надеется, что слушать его речь приедут все главы всех государств. Все! Значит, кроме горсточки христиан папу будет слушать (если будет?) собрание, в большинстве своем состоящее из язычников, магометан, неверов, иудеев, не верующих во Христа, и многочисленной

толпы врагов Божиих, — большевицких вождей из стран „по ту сторону железной завесы".

Было бы великим делом, если римский папа уподобился Великому Павлу и воспользовался случаем выступления на всемирном Ареопаге, чтобы там проповедать Христа. (Сравн. Деян. XVII, 22-32). Однако уже пришла весть, что папа будет говорить о мире. О мире во всем мире,... о мире со врагами Христовыми.

Все эти речи останутся нам чуждыми, но с грустью наблюдая, как всё дальше и дальше от Истины Христова Православия уходит римский католицизм, мы с печалью будем взывать всё то же полное скорби восклицание:

— Quo vadis, domine?

19. — О ПРАВДЕ

Было бы прискорбно оставить впечатление, словно нашей целью была только полемика или даже филиппика, для которой де и материал был специально подобран. Но нет. Мы воспринимали информацию **из общего источника газет и журналов.** Временами казалось, что эти наши источники информации искажают данные, выставляя лишь то, что им было бы угодно и умалчивая о другом. Но по этому поводу было бы естественно слышать **замечание Ватиканских источников.** Такого замечания **ни разу не случилось встретить.** Очевидно, **корреспонденции подавались правильно*)** и не наша вина, что собранный воедино информационный материал оказался в состоянии произвести такое печальное, хотя и цельное впечатление.

Мы были бы рады узнать, что латинское христианство оказалось на высоте требований, предъявляемых современностью и что оно не склонно „сообразоваться с веком сим" (ср. Рим. 12:2) но и в эти лукавые дни ведёт своих пасомых „в горняя, к Свету невечернему".

---

*) Папа это подтвердил в речи к журналистам, 8-го февр. 1965 г.

К глубокому прискорбию, оно не оказалось на высоте.

Латинский мир дорог нам, ибо это мир христианский и ни что не радовало бы нас так, как видеть его ходящим во Истине (сравн. III Ин. 1:4). Мы искренни, когда говорим, что ненависть далека от нас. В самом деле, — „Ненавидеть — тяжело и сопряжено с беспокойством, — говорит св. Иоанн Златоуст, — а любить легко и удобно... поэтому, какое можем мы иметь оправдание, если не станем привлекать к себе однородных с нами?..." (Толк. на Пс. 5-ый). Скорбя обо всем, что нас разделяет, будем радоваться тому, что есть у нас общение любви в одинаковом исповедании христианском и духом того, что нас объединяет, будем вытеснять то, что нас разделяет.

Если мы с любовью взглянем на то, чтО произошло на Западе, в латинском мире, то мы и себя сможем предостеречь от опрометчивых мыслей, слов и дел. Представьте себе, и мы об этом говорили, что в исходной точке латинского заблуждения лежала добрая воля. Ведь римский патриарх не для чего другого стал присваивать себе высокую власть, как для того, чтобы светом Христовым просветить всю Европу! Что же получилось? Да именно то, что как отдельный человек, так и целые общества, отпавши от единства во Христе, подвержены возможности уклониться от верного пути и впасть в ошибку. Это с латинством и случилось.

„Если бы выступал страстный помысл так, как он есть в сравнении с нестрастным, тогда опреде-

лить было бы легко: но обыкновенно у того, кто стал внимать себе, страстные помыслы не являются в своем виде, а всегда под благовидным прикрытием. Потому-то всегда есть опасность — действовать будто по добру, а между тем это будет по страсти", — так насавляют преп. Варсануфий и Иоанн.

Очевидно, что латинский мир в свое время не заметил страстного помысла, явившегося ему под благовидным предлогом, и уклонился „на страну далече" от Единой Соборной Апостольской Церкви, и пример этот да будет и нам предостережением. Нужно и нам „быть особенно внимательными, чтобы не отпасть" (сравн. Евр. 2:1) и действовать и мыслить „не сообразуясь с веком сим, но прообразуясь обновлением ума" (Рим. 12:2) и держась истины Церкви Христовой, которая Духом Божиим (Деян. 1:8), извнутри, из сердца (Прит. 23:26; Л. 12:49; Мф. 6:6; Пс. 38:4; Л. 17:21). силою Господней образует „тело, составляемое и сочиневаемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей при действии в свою меру каждого члена" и „получает приращение для созидания самого себя в любви" (Еф. 4:16).

Изобличив приведенными данными латинское учение, как ложное противное воле Божией а потому и неприемлемое, обратимся к совершению подвига нашей жизни, чтобы если войдёт к нам „кто неверующий или незнающий, ... то да падёт он ниц, поклонится Богу и скажет: истинно с вами Бог" (I Кор. 14:25).

Не станем бояться унижения в общественной жизни, нынче неминуемо связанного с подвигом христианского благочестия. Ведь нам ещё давно было сказано: „Сын мой! Если ты приступил служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению" (Сир. 2:1). Кто нынче унижаем, как не верующий христианин? Воспользуемся же этим средством стяжения духа премудрости в страхе Божием, (Пс. 110:10), памятуя, что унижение поможет нам подняться на нравственную высоту.

Пусть мысль о бессмертии нашем, Суде и о Правде Божией, о неизбежности предстать пред лице Творца нашего и Бога, о неизбежности страшно устыдиться тем, как мы пренебрегли Его любовью к нам, быть может устыдиться так, чтобы навеки скрыться от Лица Божия... пусть эта мысль ясным лучом озарит нас, даст нам испытать совесть нашу об исполнении Заповедей Господних (Исх. 20:2-17 и Мф. 5:3-11) и поставит нас в единстве Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, служащей не человеку, но Богу всяческих, Которому слава во веки.

**
*

Удивительную историческую параллель приходится наблюдать в наше время. Как некогда, в страшные годы нашествия ислама, так и теперь православная Восточная Церковь подвергается разрушению и уничтожению огнём и мечом. Тогда это были турки, теперь это богоборцы, атеисты-большевики. Как некогда, в лукавые годы нашествия ложной науки, так и теперь Западная Церковь подвергается внутреннему разложению от

плодов философии и пустого обольщения по стихиям мира, а не по Христу (Кол. 2:8) и приходит к подмене правды Божией человеческой ложью. Если бы теперь кто, увидев, как далеко по пути неправды зашли римские папы, отделившие себя от Единой Соборной и Апостольской Церкви, пожелал вернуться в соединение с Православием, не естественно ли будет, если он спросит у нас:

„А что же у вас осталось?... Ваши храмы разрушены. Ваши иерархи уничтожены. Вы сами оставлены в жалкой нищете и нынешние ваши патриархи сами вот-вот готовы то ли объединиться с римским престолом (благо он полон сил и богатства), то ли идти на поклон государственной власти богоборцев и явных слуг антихриста. Так что же можете вы предложить нам? Если бы мы решились соединиться с вами?...

А ничего. Надо и в том сознаться, что то, что мы до сих пор живы, есть удивительное чудо милости Божией и мы сами... „отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых. Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и ещё избавит.... (2 Кор. 1, 8).

Но разве о богатстве земном, неужели о силе земной может теперь идти речь?

Христом Богом вдохновенное учение святых отцев, подтверждённое опытом истории, поучает нас, говоря, что только в истинном Православии

полноценно хранится Божественная истина Церкви, созданной Спасителем и Им хранимой до конца времен; что только в святом Православии верно и точно изображаются истины о Боге — Творце и Промыслителе и что святое Православие, поэтому, является единственным учением, верно наставляющим человека на нравственном пути его земной жизни и что поэтому — вне святого Православия человечество не может обрести пути к достойной, благородной и благодетельной общественности в каком бы проявлении она бы ни воспринималась.

Это сознание особенно близко русскому сердцу. Вместе с нашей родиной Россией мы прошли тысячелетний путь во святом Православии. В нём и с ним мы переживали поражения, бывшие результатом нашего отступления и греха. В нём и с ним испытали мы и торжество великих побед, посланных нам по милости Божией на посрамление нечестивых врагов. Во святом Православии переживает наша родина тяжкое испытание богоборческих гонений на Церковь и только силою святого Православия являет мученический подвиг и стояние за Христову веру.

Во святом Православии и только в нём нашли мы полноту Наполняющего всё во всём (Еф. 1, 23) и опытом в этом убеждённые мы твердо знаем, что отступать от Святого Православия нам пути нет. **Нет, поэтому, силы на земле, которая заставила бы нас, людей, верных Христу и Великому Князю Владимиру, изменить Православию.** И если даст нам Господь силу верно соблюсти эту священную клят-

ву, то к нам отнесены будут и слова великого обетования:

„Побеждающий облечётся в белыя одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим" — (Апок. III, 5).

„Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками" (Апок. II, 26).

„Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего" (Апок. III, 12).

„Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем" (Апок. III, 21).

Слушай же, православный русский человек. Это к тебе, к твоему сердцу взывает Господь Иисус Христос словами Своей Вечной Книги, говоря:

„Будь верен до смерти и дам тебе венец жизни" (Апок. II, 10).

**
*

Невесел наш удел, если мерить его привычными мерками земного благополучия. **Но Правда Христова у нас.** Об этом свидетельствует опыт истории. И тот, кто хочет смотреть в лицо современности, воинствуя за Христа, не может не соединиться с нами, не может не присоединиться к Единой Святой Соборной Апостольской Церкви. Великое множество верных рабов Божиих находятся в среде Римско-Католической Церкви, но „поелику находятся они там по неведению, не из противления Богу, но как бы подвизаясь за истину, то **не презрит их Господь.** Да уловит и их Господь. Да обли-

стает их Небесный и истинный Царь и да сподобит их слышать Свой глас и да дарует им истиную свободу" (сравн. Наставления св. Макария Вел. „Добротолюбие" I, 131).

В этом смысле мы и веруем, что когда-то придёт день воссоединения Церкви, придёт день, когда перестанет существовать грань отделяющая Запад от Востока. Это не произойдёт в торжестве и блеске соборов, где папы стали бы обниматься с патриархами, и в печатных изданиях широковещательной пропаганды об этом быть может, не будет сказано ни одного, слова. Нет. Это произойдет в тайном почти что возникновении малых общин, при благословении незаметной, но твёрдой и верной Богу иерархии Христовой Церкви.

„Не бойся, малое стадо..." (Л. XII, 32).

И Бог Святой знает, не от таких ли капель в море, как эти малые общины, начнётся возрождение мира, уже задохнувшегося в тине материализма и атеизма? Не отсюда ли мир вновь станет черпать духовную силу для своего существования,... если, конечно, ещё не истощилась даже и тяга к свету духовной жизни? Бог весть. Но именно эти капли послужат тому, чтобы, если есть в мире ещё способность воспринять милость Божию, постоянно готовую излиться на людей, — то „оставшееся в доме Иудином даст корень внизу и плод вверху" (4 Цар. XIX, 30)... Или, быть может, мы будем последними исповедниками Божией Правды в мире отступления, подчинившемся человеку греха, сыну погибели (2 Фесал. II, 3-11).

„Не нам, Господи, не нам,
Но имени Твоему дай славу" (Пс. СХШ, 9).

ЭПИЛОГ

Обстоятельство жизни и работы в условиях эмиграции повели к тому, что мы оказались с одной стороны перед возможностью, а с другой, поэтому, перед обязанностью подвести итог всему сказанному, прежде, чем эта книга увидела свет. Русская книга в иностранной обстановке не может быть отпечатана в короткий срок. Итак, книга ещё находилась в типографии, как 2-ой Ватиканский Собор закончился. Была подведена черта итогов. Были сказаны последние, заключительные слова, были даны последние напутствия, было дано последнее благословение.

Собор закончился 8-го декабря 1965 года (грегорианский календарь) в обстановке необыкновенной торжественности. Рассказывают, что на площади перед собором св. Апостола Петра в Риме, кроме 2.400 католических архиереев, были представители более, чем 90 государств и собралось до ста тысяч народу. В 13 ч. 25 мин. по часам на соборе св. Петра папа Павел VI-ой, простерши руки к своим сотрудникам по Собору, сказал:

"Ite in pace", — („Грядите с миром").

Выслушав последние слова Собора, проследив за последними действиями римского папы, мы оказались в крайне тяжелом положении: мы со скорбью в душе должны заявить, что высказанные ранее наши предположения оказались верными, что ошибки мы не понесли и что латинский мир, влекомый папой Павлом VI-м, отныне устремляется по пути, который совершенно чужд православному расположению, по пути, на котором ни о каком соглашении между св. Православием и Римским католицизмом речи быть не может. Латинский мир, руководимый папой Павлом VI-м, решениями 2-го Ватиканского Собора, поставлен на путь страшного противления правде, на путь соглашения со злом мира сего, на путь удаления от Христа. Если в тексте нашего изложения мы не без горечи осмеливались высказывать опасения в этом смысле, то заключительные слова и решения Собора превратили эти опасения в твердые, непререкаемые факты. Такова в высшей степени прискорбная действительность. Мы не удивимся, если этому Собору будет присвоено наименование Собора Отступления.

Вне соборной деятельности римского папы, после того, как мы заключили последнюю главу, имело место историческое событие его поездки в Нью Йорк, где он выступил с речью на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Полет римского папы явился (впрочем, уже не первым) случаем дерзкой ломки вековечной традиции, по которой римский папа никогда не покидал Ватикана. То, что папа говорил на Генеральной Ассамблее, то, как он себя проявил в кулуарах, вызва-

ло удивление, может быть, даже ещё гораздо большее.

Организация Объединеных Наций есть организация а-теистическая, хотя бы она и не была антирелигиозной. Ещё при начале её деятельности из её недр были слышны такие слова: „Бог превратился в ненужную гипотезу, осмысленное применение которой, способное повлечь к какого либо рода открытиям, уже теперь осталось в прошлом". Так высказался первый генеральный секретарь ЮНЕСКО, Джулиан Гаксли. В отмену или во изменение такого рода высказывания из недр О. О. Н. ни разу не прозвучало ни одного слова. Таким образом, молчание ООН приходится принять за знак согласия с Джулианом Гаксли. Украшенная в своем антрэ фигурой языческого бога Зевса Организация Объединенных Наций, конечно, отчаянно нуждается в том, чтобы там прозвучало слово призыва к возврату к вере в Бога. Однако, мы оказались правы. Римский папа оному Великому Павлу не уподобился и, оказавшись перед столь блестящим форумом, перед столь великолепным Ареопагом, Христа им не проповедал. Папа Павел VI-ой только повторил всё те же речи, что слышатся там каждый день.

Папа говорил о мире во всем мире.

Его речь была посвящена вопросам разоружения, дальнейших задач, стоящих перед Организацией Объединенных Наций (это был намёк на необходимость вовлечь Красный Китай в состав членов ООН), и возвеличению значения человека в переживаемое время. Папа Павел VI-ой указал Ор-

ганизации Объединенных Наций её путь на дальнейшее время. Это есть путь борьбы за мир во всем мире.

„Трудно предвидеть, но не трудно утверждать, что это есть путь к новой истории; к истории мирной, подлинно гуманной, к такой, какою она обещана Богом людям доброй воли. Вот куда мы должны двигаться". И дальше в своей речи, подражая прогрессивным ораторам, папа воскликнул: „Всегда вперед!"

Св. Православная Церковь не знает такого учения, будто бы Господь Бог обещал людям доброй воли мирную, подлинно гуманную историю. Наоборот, Господь сказал: „В мире (мірѣ) скорбны будете" (Ин. XVI, 33). Св. Православию чужды прогрессивные чаяния о райской жизни на земле.

В кулуарах ООН папа Павел был как свой человек. Всем приветы, улыбки... Всем. В том числе и Советскому представителю А. Громыке. Дружеская беседа. Приветливое рукопожатие. С кем?... С руководящим представителем группы людей, так называемой партии, которая, овладев Русским государством, государственными средствами стремится к осуществлению давно, ещё их предшественниками, поставленной цели: попранию славы Божией и уничтожению веры в Бога.

Римский папа смотрит далеко вперёд. Так ему кажется. Кто знает?... Быть может, то, что не удавалось его предшественникам, удастся ему? Не светила ли папе Павлу VI-му звезда надежды на то, что рукопожатие Громыки послужит хоть малень-

кой ступенькой к исполнению мечты всех пап: „Обратить Россию в католическую веру! Подчинить её римскому престолу!!". Вы помните, конечно, как кардинал Гаспари поднёс наркому Чичерину красную розу? Вы помните запись в дневнике папы Иоанна XXIII-го, датированную 26-м декабря 1962 года?.. Этого забывать нельзя.

Визит римского папы в ООН, его речь там вызвали в прогрессивной печати всего мира отзывы самые торжественные. Особенно ярко выразился известный журналист Вальтер Липпманн. В статье, которая под разными заглавиями — обошла множество газет по всему миру, прозвучала его фраза о том, что теперь мир имеет дело с новой церковью, с церковью папы Иоанна XXIII-го, верным и последовательным апостолом которого является папа Павел VI-ой. До сердца Вальтера Липпмана особенно дошли те слова папы Павла VI-го, где тот указал на источник зла в мире. Это: „гордость,... колониализм, эгоизм, т. е. гордость, рвущая братство".

Заслужив себе немеркнующую славу со стороны всего прогрессивного человечества, включая и большевиков, — ибо известное агентство ТАСС тоже откликнулось о речи папы в ООН реляцией в высшей степени похвальной, — папа вернулся в Рим и вновь приступил к деятельности Собора.

И вот Собор пришёл к своему окончанию.

Несмотря на то, что в предшествующих строках мы уже имели случай высказать свое мнение по некоторым пунктам, теперь, поскольку эти пунк-

ты вышли из стадии обсуждений и оказались в фазе решений, необходимо подчеркнуть некоторые, о которых было говорено выше, хотя бы это кое-где отчасти и казалось повторением.

Надо вспомнить, какие жаркие дебаты разыгрались на Соборе вокруг вопроса о невиновности евреев в распятии Христа. Можно сказать, что весь мир затаив дыхание следил за ходом дебатов, и высказывания то в пользу традиционалистов, то в пользу прогрессистов слышались из самых разнообразных источников. Но вот пришло и к решению. Итак, 28 октября 1965 года 2-ой Ватиканский Собор, руководимый папой Павлом VI-м, провозгласил, что весь еврейский народ нельзя считать повинным в преступлении богоубийства. По смыслу этой обновленной веры, как выражался папа Павел VI-ой, „евреи не являются народом презренным или недостойным доверия, но народом почета и надежды". Отныне о евреях запрещено упоминать, как об отверженных, проклятых и виновных в богоубийстве.

Note bene: Всякое упоминание о евреях наталкивает на острые переживания, почему, для точной ориентировки читателя, необходимо ещё раз подчеркнуть, что **говорим о евреях исключительно с точки зрения религиозной.** Мы совершенно не касаемся евреев, имея в виду еврея, как гражданина республики Израиль. Мы совершенно не касаемся еврея, как представителя еврейской расы. Наши суждения относятся исключительно к предмету религии и всё то, что говорится здесь, мы готовы

повторить в лицо даже и самым добрым из наших друзей еврейского вероисповедания. Это вероисповедание мы глубоко осуждаем. Мы также осуждаем римского папу Павла VI-го за то, что будучи христианским епископом, облекаясь как бы в прекрасную одежду мира и любви, он на самом деле становится на путь противоречия Христу Спасителю, ставя тем самым и весь латинский мир на путь ложный и ведущий в область противления Христу, т. е. на путь вечной погибели.

Ересь латинства, как и всякая ересь, ужасна тем, что она не останавливается. Она ведёт дальше по один раз начатому пути уклонения от Истины и приводит к положениям явно абсурдным, причём, человек, увлечённый ересью, оказывается лишённым способности видеть эту абсурдность. Латинский мир обезволен учением о папстве. Будучи связаны по рукам и ногам, латинисты мнят себя свободными и в своей верности римскому папе слепо идут за ним по пути от Христа.

Без кривотолкования св. Писания папство с самого начала не могло бы обосновать себя догматически. Естественно, что последовательно оно пришло и к дальнейшим искажениям Слова Божия и к пренебрежению им, что и явилось воочию всему миру на 2-м Ватиканском Соборе. А именно, —

Христос Спаситель учит, что Он создал Свою Церковь на камне исповедания того, что **„Он есть Христос, Сын Бога Живого"** (Мф. XVI, 16). Папы же в свое время сказали, что Господь основал Церковь на св. Апостоле Петре. Пришло к тому, что

латинская церковь перестала быть Христовой. Она у них стала церковью папы Иоана XXIII-го и Павла VI-го.

Христос Спаситель учил, что **Дух Святой „от Отца исходит"** (Ин. XV, 26). Ватикан учит, что Дух Святой исходит „от Отца и Сына" (филиокуэ). Противореча св. Писанию латинский мир не замечает этого.

Христос Спаситель **отверг** евреев, сказав им: **„Се оставляется вам дом ваш пуст"** (Мф. XXIII, 38). Господь говорил про евреев, что **„Отец их диавол и они хотят исполнять похоти отца своего"** (Ин. VIII, 44). Св. Апостол Павел говорит, что они **„Господа Иисуса убили и Его пророков и св. апостолов изгоняли, Богу неугодили и всем человекам противятся"** (I Фесал. 11, 15) и св. Апостол Иоанн Богослов в Апокалипсисе говорит, что они даже не достойны именоваться иудеями, но суть — **„сборище сатанино"** (Апок. 11, 9). Все это написано отчетливо и ясно не с целью оскорбить евреев, но с той целью, чтобы призвать их к покаянию. Вместо же того, чтобы усилить призыв к покаянию, 2-ой Ватиканский Собор, вопреки текстам св. Писания, провозглашает, что:: **„...евреев не следует считать отверженными Богом, так как такое мнение не основано на Священном Писании".**

Не поразительно ли?

Когда такое резкое противоречие между Св. Писанием и решениями Ватиканского Собора становится очевидно, то удивляешься простодушнию латинского послушания римскому папе.

Послушание, конечно, представляет собою одну из величайших добродетелей христианского подвижничества, но это латинское послушание папе не может быть поставлено в заслугу римско-католическому миру, ибо не было, нет и не может быть такого учителя добродетели послушания, который велел бы оказывать послушание кривотолковникам Слова Божия.

Мы же, зная всё это, не желаем даже и слушать отныне о каком бы то ни было соединении с папским Римом.

Не менее резкое впечатление возникло и тогда, когда Собор вынес своё, (тоже вызвавшее очень серьёзные споры) решение **„о свободе вероисповедания"**. Для православного сознания мысль о том, чтобы церковь определяла возможность свободы вероисповедания, представляется весьма удивительной. Внутри Церкви о свободе вероисповедания речи быть не может, а вне Церкви она сама не имеет власти. Как же может римский папа давать или не давать мне свободу, если я не признаю его авторитета над собою? Очевидно, речь идет об отношении латинского мира к другим вероисповеданиям, но не о свободе в этом отношении?... Или быть может, по понятиям латинства, Римская Католическая Церковь имеет право вмешиваться во внутрение дела католических государств? Напр. Испании... Как бы то ни было, русскому православному человеку довольно странно думать, чтобы римский папа оказывался судьей моей свободы в отношении вероисповедания.

Теперь Ватиканский Собор провозглашает, что каждый человек свободен веровать так, как ему повелевает совесть. Однако, этот декрет оказался шире, чем область отношений между Римско-Католической Церковью и католическими государствами. Он оказывается глубоко связан с новой идеей Ватикана об отношении Церкви к современному миру, ибо он оправдывает не только все виды религиозного исповедания, т. е. разных оттенков и выражений веры в Бога, но оправдывает также и то веление совести, по движению которого человек отрицает и самое бытие Бога. Собор находит возможным вступать в диалог с атеистами, включая и коммунистов.

Движением к этому декрету, опять таки, названа любовь, добрые намерения братской любви ко всем людям, в том числе и к атеистам, т. е. к явным врагам Божиим. Ватикан может проповедывать такую любовь. Святое Православие её решительно отвергает и осуждает, как лукавое извращение слов Христовых, как любовь ложную, ибо она вместо блага для предмета любви несёт ему зло, утверждает его в грехе, чем ведёт его к погибели.

Произносить малейшее оправдание атеизму значит **укреплять людей в грехе,** ибо неверие не есть акт своеобразного пути совестного искания истины, но, будучи всегда актом мысли извращенной и похотливости к угождению плоти, атеизм есть, как учит св. Ефрем Сирианин, **„грех мыслительной силы души и матерь всякого лукавого дела"** („Добротолюбие" т. 2-ой, стр. 265 и 325). Истинная любовь не может укреплять в грехе и

христианину не свойственно проявлять терпимость ко греху неверия.

Пытаясь отыскать путь понимания образа мышления отцов Ватиканского Собора в том, что они видят неверов, как своего рода правдоискателей, снова приходится вспомнить, что латинский мир заинтересован в установлении мира с коммунистическими правительствами, овладевшими странами Восточной Европы и Россией. Отчасти дело и в том, что папе нужно заботиться о том, чтобы ослабить гонение на веру в Польше, Чехословакии и др. странах Вост. Европы, подпавших под власть большевизма, а с другой, — надо же мостить дорогу на Москву! Естественным следствием отсюда было то, что кроме чуть не благоволительного отношения к атеизму, 2-ой Ватиканский Собор оказался в той же мере благоволительным и к коммунизму. Папа Павел VI-ой наложил молчаливое, но непреодолимое „вето" на всякие попытки вынести декреты решительного осуждения коммунизма.

Действительно, епископы из лагеря традиционалистов и консерваторов пытались добиться, чтобы Собор вынес такого рода решения, но прошения их остались втуне. Собор ограничился замечанием о том, что ещё раньше церковь осуждала марксизм, врочем, и это замечание сделано лишь между строк. Остается лишь вспомнить красную розу в петлице наркома Чичерина.

Положительно русскому человеку с римским папой не по пути.

В последней речи перед закрытием Собора папа Павел VI-ой говорил:

„Декларация Ватиканского Собора о праве человека на религиозную свободу имеет своим основанием достоинство человека, требования которого к человеческому разуму известны по многовековому опыту. .. Действительность нынешнего времени состоит в том, что люди желают свободно исповедывать свою веру, как общественно, так и в личной жизни. В самом деле, свобода вероисповедания уже провозглашена как гражданское право в большей части конституций и имеет торжественное признание в международных документах".

„Другим фактом является то, что ещё существуют такие формы правительств, при которых свобода вероисповедания хотя и имеет конституционное признание, она испытывает давление со стороны государственной власти, ибо власть правительства постоянно озабочена тем, чтобы убедить граждан в том, чтобы они не вводили религиозную практику в свою жизнь, равно как и тем, чтобы затруднить и сделать опасной жизнь религиозных общин.

„Этот Собор с радостью воспринимает первый из названных фактов, как знамение нашего века. Со скорбью, однако, обвиняет он второй факт, как дело заслуживающее того, чтобы быть оплаканным. Собор требует ото всех католиков и обращается с призывом ко всему человечеству, чтобы с самым пристальным вниманием был рассмотрен вопрос о необходимости свободы вероисповедания, особенно при свременном состоянии семьи".

Так говорил римский папа, первосвященник наиболее численной христианской церкви. Считать

римского папу неосведомленным относительно судьбы христианских церквей в странах, попавших под власть коммунистов, значит быть очень невысокого мнения о службе информации Ватикана. Этого мнения мы не разделяем. Значит римский папа знает обо всем, что происходило и происходит в отношении Церкви Христовой не только в католических странах, но конечно и прежде всего на русской земле. И вот, когда алтари Христовых храмов подвергаются поруганию (вы видели, как сапог комиссара наступает на антиминс? Как комиссары, при закрытии храма вытряхивают св. Таины из дарохранительницы прежде, чем положить на весы золотой предмет....). Когда происходит вакханалия уничтожения Церкви, вакханалия большевицких кощунств, попрание святыни Христовой и намеренное развращение народных масс, насильственно отрываемых от Христа; когда сознательные враги Христа Спасителя науськивают малолетних детей, научая их петь кощунственные песни... В это время пользоваться столь мягким лексиконом, как тот, что прозвучал из уст папы Павла VI-го! Русский православный ум не находит слов, чтобы по достоинству наименовать категорию папской речи. И это перед лицом всего мира. И это в то время, когда правдивое слово столь авторитетного лица, каким является римский папа перед лицом католического мира,.... когда его правдивое слово о гнусных кощунственных разрушениях, производимых и произведенных большевиками в покоренных ими странах,... когда призыв к прекращению гонения на Церковь, к восстановлению справедливости, могли бы вызвать хотя бы даже и слабую реакцию у

почтенных слушателей (привыкших мыслить, правда, в терминах барышей от торговли с людоедами). Не было ли это священным долгом, обязанностью того, кто мыслит себя быть отцом всех христиан?

Но римскому папе нужно соблюдать мир с коммунистами, и вот, там, где нужно кричать, где нужно негодовать, где нужно настоятельно требовать прекращения гонений на Христа, призывать к установлению врагов Христовых от государственного кормила, папа Павел VI-ой не нашёл более сильных выражений, как междустрочное упоминание о „фактах, которые заслуживают быть оплаканными". Это не только печально. Это, — и да будет это известно римскому папе и всему латинскому миру, — в глазах русского православного народа **ставит папу Павла VI-го в ряды той стороны, которая гонит Христа и Его Церковь,** ибо римский папа ищет мира с теми, к кому русский православный народ непримирим, как непримиримы „Христос с Велиаром" (2 Кор. VI, 15).

Если бы и были у латинства шансы укрепиться в сердце русского православного человека, то желанием мира и дружбы с коммунистами папы окончательно уничтожили эти шансы. Да иначе и быть не могло.

На 1-м Ватиканской Соборе имело место явление, крайне характерное для нашего времени. Распростерши крылья своей папской любви ко всему роду людскому, римский папа вызвался сделать все усилия на то, чтобы сгладить расхождения между Римским Католицизмом и Православием. Но

оставаясь в духе латинства, он не отказался от своей основной ереси, — папизма, и он оказался на ложном пути, неминуемо приведшему его к результату прямо противуположному тому, к чему он стремился.

Его вероисповедание, а отсуда его отношение к Богу и к ближнему, — спутанное тенетами ереси, — не снабдило его способностью преодолеть вековечного непонимания России, характерного для Запада. Это непонимание толкнуло папу (сначала Иоанна XXIII-го, а по его следам и Павла VI-го) искать мира с большевизмом, ибо этот мир показался папам путём, по которому можно было бы проникнуть к сердцу русского человека. В результате, однако, к расхождению догматическому, лежащему препятствием на пути соединения латинства с русским Православием, прибавилось ещё расхождение и остро-политическое. Мы снова говорим о непримиримости русского народа к большевизму.

Русский народ имеет к большевизму только вражду. Только ненависть. Любить врага тут можно только в двух случаях: либо когда он побежден, либо когда он в покаянии повергся ниц перед Христом Спасителем. Но так как нет ни того, ни другого, то русский народ и имеет к большевизму только вражду и ненависть.

Ведь большевизм есть прежде всего враг Божий.

Это выяснено бесчисленными заявлениями коммунистической теории и глубоко кощунственными актами практики большевицкой власти. Рус-

ское православное сердце, собственным опытом осведомленное о богоборческом смысле большевизма, собственным опытом испытавшее смертную тоску коммунистической власти, из глубины души взывает:

„Мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнушаться возстающими на Тебя? Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне (Пс. CXXXVIII, 21-2).

Здесь являет себя та священная ненависть к врагам Божиим, о которой весьма правдиво поучает Авва Исаия, когда говорит: **„Без ненависти к врагам честь (цена и достоинство) души не обнаруживается"** („Добротолюбие", т. I, стр. 212).

Этой чести души, этой её цены, этого её достоинства и не обнаружил весь освященный Собор Римско-Католической Церкви с римским папой во главе. Если до сих пор Русская Православная мысль могла ждать от Латинства проявления чувств, отвечающих её движениям, то отныне, после всего, что явило себя на Ватиканском Соборе, только отступники и предатели чести Русской Истории будут способны на какие бы то ни было унийные акты с римским папой.

Но одновременно с этим возникает и вопрос, — крепки ли будут отныне связи послушания между папством и теми католиками, которые едины с русским народом в его непримиримости к коммунизму? Могут ли оставаться в послушании римскому папе те, кто истинно понимает богоборческую

природу большевизма и кто поэтому к нему непримирим...

Ватиканская информация сильно ошибается, если считает установленным, что раз много времени прошоло после 1917-го года, то изгладилась уже вражда между русским народом и властью богоборцев, чтобы зарубцевались уже раны, нанесённые России большевицкой революцией. В этой вражде срока давности нет. Это говорит и советское законодательство, говорит об этом и Берлинская стена, это знамение позора демократии, ведущей мир и дружбу с большевизмом. Двадцать шесть католических епископов, членов Ватиканского Собора, прибывшие в Рим с самых разных концов света, специально ездили смотреть эту европейскую „диковинку". С каким интересом они рассматривали издали проволочные заграждения и сторожевые вышки! Быть может, они поделились своими впечатлениями с другими епископами? Как бы то ни было Ватиканский Собор, руководимый папой Павлом VI-м, обращенный лицом к проблемам современного мира, в своём страстном призыве ко всему человечеству и в готовности весь мир обнять своей любовью, покрыл молчанием" „Берлинскую стену", — это наиболее яркое выражение „Железного занавеса", т. е. тюремной решетки, за которою томится русский народ с 1917 года.

Да. Не заметил Собор того, что в современном нам мире проблемы догматики оказались тесно сплетенными с проблемами политики.

Переходим к следующему предмету, остановившему наше внимание. Это — совместная молит-

ва римского папы с представителями других вероисповеданий. Как сообщалось, 4-го декабря 1965 года, уже когда все спорные вопросы, где выражалось несогласие между традиционалистами и прогрессистами, были изглажены и среди отцов Собора установились гармония и спокойствие, римский папа Павел VI-ой со всеми отцами Собора вышел за стены Ватикана и в базилике св. Апостола Павла объединился в молитве с христианскими священниками некатолических вероисповеданий. Это богослужение названо „межконфессиональным". Оно явно указывает на то, что папа Павел VI-ой имеет намерение возглавить и подчинить себе движение „экуменизма", начатое протестантскими группами.

Межконфессиональное богослужение состояло в том, что все присутствовавшие, т. е. равно римокатолики, протестанты и православные объединились в пении протестантских и католических гимнов. (Примечательно, что о православных гимнах упоминания нет). Сообщают, что все некатолические наблюдатели приняли папское межконфессиональное богослужение с энтузиазмом. Руководящим стимулом тут был известный экуменический принцип, гласящий, что, — „Несмотря на разделённость, все церкви превыше всего остаются объединенными в имени Христовом".

Однако, в свете святоотеческого поучения это объединение основано на ложном фундаменте празднословия. „Подлежит суду и праздное слово, — пишет св. Ефрем Сирианин. — А что такое праздное слово? Обещание веры, не исполненное

на деле. **Человек верует и исповедует Христа, но остается праздным, не делая того, что повелел Христос". (См. Уроки покаяния,** „Добротолюбие" т. II, стр. 245).

Так, своим „межконфессиональным" богослужением **римский папа явил своё согласие на объединение при общем решении: не делать того, что повелел Христос.** Со стороны св. Православия на такое решение согласия нет и быть не может.

Не берясь за протокольное отражение событий заключительных заседаний Ватиканского Собора, мы все же должны говорить о существенном, не оставляя того, что имеет принципиальное значение. Поэтому надо обратить внимание ещё на одну особенность различия в понимании сути церковного бытия.

В православном понимании, наша вера, вероучение, есть раз и навсегда издавна установленное положение, отражающее действительность духовного мира. Поэтому оно в изменениях не нуждается и изменений не терпит. Судя по тому, что говорилось с латинской стороны на Флорентийском соборе, латинское верование допускает внесение поправок. „В то время, как св. Марк Ефесский приводил доводы в подтверждение того, что вносить прибавление в Символ совершенно запрещается, кардинал Цезарини говорил, что разумное пояснение внести в Символ Веры отнюдь не запрещается отцами Третьего Вселенского Собора". (См. у архим. Амвросия, — „Св. Марк Ефесский и Флорент. Уния" стр. 174).

Для того, чтобы понять дух Ватиканского Собора, надо видеть, что в понятиях латинского мира этот Собор имеет полномочия столь же всеобъемлющие, как например I-ый Вселенский Собор в Никее в 325 году.

Это понятие дало папе Павлу VI-му и отцам Собора право вынести постановления, прямо противоречащие тому, что говорили практически все папы относительно евреев. Это же понятие дало отцам Собора право на „аджиорнаменто" и на отмену некоторых принципов, почитавшихся нерушимыми (напр. непременность пользования латинским языком при богослужении).

Когда же примешь это во внимание, то невольно останавливаешься на мысли о том, какие же новые принципы могут быть провозглашены, если какой либо из будущих пап вновь созовет Вселенский Собор для обновления веры? А время нынче катится быстро. Нет, нет. Не по пути нам с римскими папами.

В знак готовности к объединению, римский папа Павел VI-ой во время акта подведения итогов Собора объявил, что **он отменил анафему,** изреченную легатами папы Льва IX-го на Константинопольского патриарха Михаила Керуллария в 1054 г.

В тот же день, в Фанаре, в соборе св. Георгия при полном торжестве византийского богослужения, в присутствии легата папы Павла VI-го, архиепископа балтиморского Лаврентия (Лоранса) Шенана, со стороны Константинопольского патриарха Афинагора было объявлено, что и **он отменил ана-**

фему, изреченную патриархом Михаилом Керулларием на римского папу Льва IX-го в том же 1054 году.

Если римский папа при своих представлениях о своей неограниченной власти может отменить анафему, изреченную 900 лет назад его предшественником, и это представляется вполне логичным, т. к. „Константинополь" с 1054 года остается недвижим в своих верованиях, то акт патриарха Афинагора вырисовывается в совершенно ином свете. Кроме того действия, в силу которого патриарх Михаил Керулларий изрек анафему на папу Льва IX-го, папский Рим теперь оказывается повинен в совершении целого ряда действий, каждое из которых способно повлечь за собою анафематствование. Мы говорим обо всех догматических нововведениях, воспринятых Римом с тех пор, включая и общее направление 2-го Ватиканского Собора.

Как было говорено много выше, Константинопольский патриарх Афинагор не является главою св. Православной Церкви. Его власть распространяется только на греков живущих в рассеянии, но даже и для их среды его действие не имеет смысла непогрешимости и обязательности.

Допустим, что римский папа принес патриарху Афинагору покаяние по поводу догматических нарушений времен XI-го века. Теперь Ватикан должен, для восстановления единства со св. Православием, принести покаяние прежде всего в направлении на „обмирщение", решительно взятое на 2-м Ватиканском Соборе. Подводя итоги Собора, папа римский говорил:

„Итак, этот Собор может быть резюмирован в своем религиозном значении, которое состоит не в чём ином, как в утверждении дружеского призыва к современному человечеству, чтобы оно вновь открыло ... братскую любовь. Однако, при нашем анализе религиозного значения Собора, мы не можем пройти мимо одного из наиболее важных соображений: Собор был глубоко связан с изучением современного мира. Никогда, быть может, как именно в этом случае, Церковь не испытывала надобности знать общество, в котором она живёт, приблизиться к нему, понять его, проникнуть в него, служить ему; евангелизировать общество, войти с ним в теснейший контакт, быть может даже бежать вслед ему в быстрой смене его состояния".

И в этой же речи, в ореоле всей силы власти, приписываемой ему латинским христианством, мня себя быть исполнителем апостольской власти, **римский папа провозгласил, что отныне Римско-Католическая Церковь** (вместо своего вечного назначения, — служить Богу; ясность, которую римский папа обошёл молчанием, Н. К.) **поставила себя целиком на служение человеку.** Ватикан отныне возглавляет новую церковь, — Церковь нового гуманизма. Римский папа Павел VI-ой утвердил путь подвластной ему церкви, как путь служения человеку и каждый, кто со вниманием прочтёт папскую речь, не сможет не удивиться тому, насколько папская мысль далека от славословия Богу и от понятия о Церкви, прежде всего служащей Богу. Больше того. О Божественном, вечном смысле бытия Церкви за всё длительное время деятельности

2-го Ватиканского Собора к общественной мысли современного человечества от имени Собора не было произнесено ни одного слова. Всё благочестие, к которому Собор хотел бы пробудит современное человечество, сводится к миру во всём мире и к урегулированию общественных взаимоотношений.

Говоря о гуманизме, папа избегал ярких красок и резких тонов. Всё содержание его речи окрасилось в серый цвет. Поэтому отличить там чёрное от белого чрезвычайно трудно. Указав на провал гуманизма лаистического, папа теперь призывает к новому гуманизму, причём этому новому гуманизму даже не присвоено наименование гуманизма христианского. Речь идет просто о новом гуманизме. Латинская церковь отныне себя посвящает служению современному человечеству, человеку, ради того, чтобы он мог быть поставлен на путь нового, церковного гуманизма. В этом папа Павел VI-ой и видит смысл и значение Собора.

Когда из уст римского папы раздаются слова о новом гуманизме, противопоставляемом гуманизму лаицистическому, когда эти мысли касаются Русской Православной Мысли, то не можем мы не вспомнить, как у Достоевского проблемы человечества решал Великий Инквизитор, говоря об искушении Христа Спасителя диаволом в пустыне. Хлеб. Могущество над силами природы. Владычество надо всеми царствами мира. Взяв в свои руки Рим и меч Кесаря (ибо хотя и долго ещё ждать завершения, но дело уже началось), Ватикан готовится ... „восполнить всё, чего ищет человек на земле. Го-

товится дать человеку: пред кем преклоняться, кому вручить совесть и каким образом соединиться, наконец, всем в бесспорный общий и согласный муравейник". Текст этого глубочайшего прозрения русского гения, всё то, что говорил в этом отрывке Великий Инквизитор, поразительно близко перекликается с мыслью, а подчас даже и с высказываниями 2-го Ватиканского Собора, собора архипастырей, „мучимых скорбью и любящих человечество". (См. „Братья Карамазовы", часть 1-ая, кн. 5, § V). Впрочем, порекомендовав читателю перечитать названный отрывок из знаменитого произведения Ф. М. Достоевского, не позволим себе дальше уклоняться от описательного труда в область исследования прозрений, доступных великим умам.

Имея в виду стремление Латинства служить человечеству, обратимся к поучениям святых отцев, применительно к толкованию слов Господних, произнесенных в ответ на вопрос книжника о том, — **„Какая первая из всех заповедей?"** (См. Мар. XII, 28-34; Второзак. VI, 4-5 и Левит. XIX, 18). Освежив по Евангелию суть слов, послушаем, что говорит св. Ефрем Сирианин.

„Если кто вознерадит о первой великой заповеди, — о любви к Богу, которая при Божием содействии образуется в нас из внутреннего расположения, доброй совести и здравых мыслей о Боге, — вознамерится же иметь попечение о второй подобной ей (о любви к ближнему), то отсюда проистечет одно только внешнее служение братиям, и никогда не будет он в состоянии исполнить сие слу-

жение чисто и здраво", (Добротолюбие" т. II, стр. 259).

Памятования о первой заповеди, как сказано выше, мы не смогли заметить в деяниях 2-го Ватиканского Собора, по поводу чего вспоминаются и другие слова того же святого учителя св. Православия, св. Ефрема Сирианина. Он говорит: „Когда человек далёк от памятования о Боге и от страха Божия, тогда необходимо ищет он славы, и домогается похвалы от тех, кому служит".

Вся мировая прогрессивная пресса не находит слов, чтобы высказать свои похвалы римскому папе Павлу VI-му, чтобы увенчать его труд и труд Ватиканского Собора великолепными лаврами. Даже большевицкое радио устами комментатора Анатолия Красикова из агенства ТАСС высказало похвалу Собору, назвав его чрезвычайным событием, на котором „впервые ярко выяснились новые тенденции современного католицизма". Попутно и не без злорадства А. Красиков заметил, что „на Соборе клирики традиционалисты потерпели поражение".

Похвалы со стороны мира „во зле лежащего" (I Ин. V, 19) обращенные к собору христианских епископов, не смогут не заставить истинно верующих людей крепко насторожиться. Особенное впечатление от одобрения от прогрессивно-безбожного мира ощутят прежде всего те верующие люди, что живут свободным умом и что знают внутреннюю сущность коммунизма. И какой радостью было бы для нас, если бы именно эти наиболее цен-

ные в наше время верующие христиане из латинского стана, в поисках „Царства Божия и правды его" Мф. VI, 63; Л. XII, 31) не прошли бы мимо маленького огонька, который вечно будет светиться из недр святого Православия (даже носимого нашей худостью).

А дело в том, что наступление мира на Римскую Церковь, а с тем вместе и наступление Рима на Православие, будут прогрессивно усиливаться. При заключительных речах на Соборе было говорено, что значение его не только проникает всю жизнь церкви, но также выходит далеко за её пределы и непременно должно будет усиливаться и отразиться на всем мире. Это влияние, это усиление не будет ощутимо сразу, но с течением времени будет становиться все заметней и заметнее. Очевидно попутно будет усиливаться и давление на Православный мир в смысле учреждения унии: обстоятельство, к которому мы должны быть готовы. В чаянии соединения с той ценнейшей частью латинского мира, которая отвергнет заблуждения папизма, ведущие в объятья лежащего во зле мира, и мы сами должны предъявить к себе требования более строгие, чтобы не поддаваться соблазнам современности, ибо нам в страшный долг вменено **„служить Богу в преподобнии и Истине"** (сравн. Л. I, 75). А к натиску надо быть готовыми, чтобы когда он придёт, он не застал нас врасплох, чтобы нам тогда не испытать смущения. „Уготовихся и не смутихся".

Знаменитый русский наставник благочестия, еп. Феофан Вышенский пишет: „Еще премудрый Сирах советовал приступающему работать Господу, да

уготовит душу свою на искушения (Сир. II, 1). Не на покой и утехи зовёт и Господь вслед Себе, но говорит: „в мире (мірѣ) скорбны будете" (Ин. XVI, 33). В толковании псаломских слов еп. Феофан далее говорит, что рабы Божии тогда бывали в состоянии противостать искушениям, когда они заранее подготавливали себя к ним, отыскивая верный источник духовной крепости и несокрушимую силу в любви ко Господу. Окинем же и мы взором все возможные случайности и облечемся в оружия противодействия, чтобы нам вместе со св. пророком и царём Давидом можно было сказать: **„Уготовихся и не смутихся"** (Пс. CXVIII, 60)".

Велика ценность св. Православия, врученная нам по воле Божией. Да даст же нам Господь силы сохранить этот великий залог спасения,... до последнего издыхания, ибо будет с нас спрошено. Будет!

В заключение поэтому повторим слова великого стоятеля за чистоту и крепость св. Православия, святителя Марка Ефесского. Оставленный в одиночестве после Флорентийского собора, единственный иерарх, отказавшийся подписать унию с папистами, он говорил, обращаясь к своим малочисленным ученикам:

„Стойте, крепко держитесь преданий, которые приняли, как писанных, так и устных, дабы не лишиться вам своей крепости, если станете отведенными заблуждениями беззаконных. Бог же — всё могущий, да сотворит и их познать своё заблуждение, и нас, освободив от них, как от злых плевелов,

да соберёт в Сови житницы, как чистую и годную пшеницу, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение со Безначальным Его Отцем и Всесвятым и Благим и Животворящим Его Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь".

Издательство
«ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО»

Основанное в Нью Йорке издательство поставило себе задачей выпускать в свет Миссионерские Листки в популярном изложении о различных сторонах Св. Православия, в точном согласии с учением Св. Православной Церкви. Листки эти, по мысли нашего Издательства, должны получить самое широкое распространение, и, помогая русским людям исполнить свое миссионерское призвание, послужить на духовную пользу русских православных людей, ограждая их от сектанских лжеучений, которые широко распространяют свою литературу.

Ваше содействие этому делу поможет нам поставить его на прочные основания и послужит делу духовного просвещения православных людей.

Для укрепления и расширения издания Миссионерских листков организован Фонд издания «Православное Слово».

Все пожертвования, подписную плату, заказы и переписку просьба направлять по адресу:

ORTHODOX WORD

P. O. BOX 337, COOPER STA.

NEW YORK, N. Y. 10003